

Леонард Золотарев
Игорь Золотарев

Зато мы увидели
ПУШКИНА

Орел – 2010

**ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ
ИГОРЬ ЗОЛОТАРЕВ**

Зато мы увидели
ПУШКИНА

Орел – 2010

Золотарев Л.М., Зато мы увидели Пушкина. – Орел.: издатель Александр Воробьев, 2010. – 192 с.

В книгу «Зато мы увидели Пушкина» замечательного русского писателя Леонарда Золотарева вошли т.н. «Про стулья – глупые рассказы», рассказы – миниатюры в прозе, полные иронии, неподдельного смеха над явлениями из современной жизни, над которыми, подобно Козьме Пруткову из нашего недалекого прошлого, можно иной раз и посмеяться. Поддеть кое-кого, подвесить кое-что на крючок, выставить на всеобщее обозрение. Вот и такой талант обнаруживается у Леонарда Михайловича, когда он берется «временно исполнять обязанности» Козьмы Пруткова. Леонард Золотарев как автор не так уж и глупо сидит сразу на нескольких стульях. В книгу включено еще и драматическое произведение «Могучая кучка, или Трагедия на Нерли», а также лирическая драма «Пушкин: «Зато увидел Ермолова»».

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Белле Ахмадулиной

* * *

От праздника цветов до диких роз цветенья,
Живу среди людей, суров и одинок.
Но вот в седой мороз ее стихотворенья,
И где-то Белла там, как пчелка, между строк.

Она в седой мороз, в цветенье белом дня,
Вся летняя, цветущая такая.
Для праздников, для всех Бог сохранил меня,
Чтоб я любил цветы, их фимиам алкая.

Они ушли уже, те праздники мои:
Янковский, Черномырдин, Перкин, Рогов.
Из тех цветущих дней все наши, все свои,
Когда их с Беллой было очень много.

Не бойтесь же цветов, пока они цветут,
Не бойтесь перед праздником склониться.
Пока они, серебряные, тут,
Не там, где над холмами вьются птицы.

Какой букет из жизни, из цветов!
Какое многоцветное кипенье!
Из черного и белого, без слов,
Рождается прижизненное пенье.

Зеленое и красное, как флейта,
Над пчелкой легкой снег священных рун,
Вот этой Белле как поэту, ей то,
Я и слагаю гимн цветущих струн.

Все в этих сонмах душ перемешалось:
Цветы и звуки, мысли и дела.
Оно всегда внутри перемещалось,
Как Белла, в бело-розовом плыла.

Пока мы тут, пока вокруг цветенье,
Когда в мороз вдруг роза распцела.
Живите, люди, в розовом кипенье,
Не говорите, что она была.

Не черное, а белое под Богом,
Серебряное с белым без венка.
Как Бога не бывает слишком много,
Как розы у зеленого цветка,
Как мастера, где камень и рука.

*2 декабря 2010 г.,
г. Орел*

ЮБИЛЕЙНЫЕ СТИХИ

*К 50 летию Орловской писательской
организации (осень 2010 гю)*

Как гитара без струн и без грифа,
Из Москвы сюда, в «третью», в храм,
К юбилею исчадием мифа
Зачастили служители к нам.

Антологией нам потрясают,
Сборник этот эпохой зовут.
А скажи – разорвут, покусают,
За гроши наши чье-то листают,
Прикрываясь - себя издают.

Я плейбою не брошу перчатку
И чужую – не подниму.
Мы – дворянская знать, словно взятку,
Дали фраеру тут одному.
Русь Великая! Что с тобой делают?
Скоро нас перестанут читать.
Уж сейчас красят в черное белое,
И на том роковая печать.

Наседают проклятые рати!
Испохабили русскую речь!
Что им наше? Какие там братья?
Сами дали нам голову ссесть.
Прокутили, проели, продали.
Размели Русь по черным углам!
Через двадцать ли дырку к медали?
Нет Воронежа за год, мадам.

Антологией нам потрясают.
Коммерсантов эпохой зовут!
А скажи – разорвут, покусают,
В пьянство, в ложь, в Интернет уведут.
Но во что же нам, русичам, верить?
Что мы делаем ныне, сейчас?
И в какие мы ломимся двери?
И куда дели целый мы, класс?

Где деревни гусиные выи?
Все интриги и тайно, и в лоб.
И не платят уже гробовые,
Положили последнего в гроб.
И пустые идут электрички,
И не пьют уже русские квас.
В темноте, позабыв где-то спички.
Не могу достучаться до масс.

*9 декабря 2010 г.,
г. Орел*

РУСЬ ПУСТЕЮЩАЯ

Без дома, без домовин, без гробов.
Бомжи в степи, дубравы сохранив,
Они лежат, и лес шумит, суров.
Большак среди нив покуда еще жив.
 Но для кого тут зреет урожай?
 Под синим небом золотая нива?
 Мужик паши, а женщина рожай.
 Ключ пересох. Уж мало, что тут живо.
Зачем Есенин и к чему тут я?
Какой менталитет лет через двадцать?
Деревни нет, истерзана земля.
Куда нам, русским, без нее деваться?
 По миллиону минус каждый год,
 А это что ни год, то мой Воронеж.
 Берешь стакан, подумай, что грядет?
 Как на войне, кого опять хоронишь?
Куда идем? Какой в нас смотрит Бог?
А ты – в стакан... Подумай о других.
О тех, кого несем мы за порог,
Как с поля брани, тоже дорогих.
 К чему пришли мы через морок вброд?
 Через погибель, слезы у поэта?
 О, Интернет! Чем жив еще народ?
 Зачем пищу? Кому мое все это?
Но слово сходит мне с небес само
И мыслить бессловесно не дает.
Уходят песнопенья за трюмо,
Что мир без нас, о чем он вопиет?
 Уходит в зазеркалье мой народ!
 Поставь, граненый, парень, - подождет.
 О женщина! Седых не обижай.
 Знай свое дело, - третьего рожай!
 А ты. ворона, не кружи над нами,
 Как черное, вакхическое знамя.

*10.XII. 2010 г.,
г. Орел*

Предисловие. От «аза» до «яза»

Вот уже и пятьдесят лет Орловской писательской организации, созданной приехавшим в Орел из Ташкента, где был главным редактором журнала «Заря Востока», Владимиром Андреевичем Мильчаковым. До этого в Орле было всего два члена Союза писателей – прозаик Евгений Горбов и поэт Дмитрий Блынский, которые, бывало, ездили на собрания в Курск. За это время много чего в Орле произошло в культурном строительстве (в частности, к нам приезжал зампред Кочемасов). По решению правительства России, среднерусский город был определен как развивающийся центр культуры. Были созданы учебные заведения: институт культуры, культпросветучилище, музыкальное, художественное училища. Появились литературные музеи Лескова, писателей-орловцев, Леонида Андреева, памятники И.С.Тургеневу, Н.С.Лескову, И.А.Бунину, бюсты А.А.Фету, А.С.Пушкину, Сергею Есенину.

Однако с издательской базой тут всегда дело обстояло неважно. Приокское книжное издательство в Туле со среднерусской традицией (возможен «критический реализм») отбросило нас, писателей-орловцев, назад. И все-таки организация жила своей жизнью, выходили в свет книги поэтов, прозаиков, детских авторов. Наконец, возникло и свое издательство «Вешние воды». За эти годы в Орловской писательской организации побывали десять «ответственных секретарей»: Владимир Андреевич Мильчаков, Евгений Александрович Зиборов, затем опять Мильчаков, Василий Михайлович Катанов, Иван Григорьевич Подсвиров, Анатолий Степанович Шиляев, Леонард Михайлович Золотарев, Иван Алексеевич Рыжов, Леонид Юрьевич Моисеев, сейчас у руля Геннадий Андреевич Попов.

Много чего происходило в самой организации и вокруг нее за эти годы. О чем и речь в этих фрагментах – «пестрых рассказиках» Леонарда Золотарева, написанных не без юмора и иронии от имени известного всем нашего земляка в тройном лице Козьмы Пруткова – большого доки в подобных делах.

От автора

ПРО СТУЛЬЯ –

глупые рассказы

1. Десять секретарей

Вот они ему и говорят: а когда же будет у нас почетно-выборное собрание? Гляди, сколько бродит идей по Руси и везде молодых на стулья сажают. А ты уже семнадцать лет как на одном и том же стуле сидишь. Вот он взял и еще один стульчик подставил. И тогда все стали считать по пальцам: сколько же у них «стульев»-то, то есть секретарей, тут перебывало. Начали было с Балзака: он же был «секретарем общества». А тот, что на двух стульях сидит, запротестовал: западничество это, так вы еще и до высших божественных сфер доберетесь. Считайте стулья по нашей линии – не ошибетесь.

Вот они и начали считать по этой самой линии. Первый – это родоначальник, кто организацию создал. Второй – который в разведку боем ходил со своим разведотделением. Третий – тот же, что и первый, словно из боя вернулся. Молодые к нему как к себе в дом ходили. Он и в СП стол полукруглый сделал, за которым все до сих пор заседают. В последний момент сказал нам, как врезалось: «Как солдата, головой на Запад хороните, спутники, меня». Четвертый – это, который получил от него серебряные ключи. Пятый – мелькнул три месяца и исчез, «мелькнувший секретарь». Шестого после него поставили, так стоять не смог, «павший секретарь». Седьмой – секретарь от Дома литераторов, что сам собой иседелался на «Тургеневском берегу». И еще запомнилось тем, что полукруглый стол при нем тоже сам собой сохранился. Восьмой – это который «проза жизни», девятый – который проза театра. А десятый – который весь сам из себя, для себя. Портреты стал клеить себе на другой стороне обложки.

Вот они ему и говорят: да что же это такое? А он говорит: это «патрет» такой, маслом пишется. Масловы – художники такие бывают; а «патрет» мой другом иседелан с помощью живописи. Живописует то елеем, то сливочным маслом, не сразу поймешь. Тогда одна баба взяла и давай сама себя живописать, а другая на

коврике облик свой выткала. А третья – хотела высечь себя в камне, как Пошлепкина, унтер-офицерская вдова, которая сама себя высекла, да мужики спохватились, сказали всем этим новоявленным: «Да вы что! Рядовые члены не имеют права рисовать «патреты», это право имеют только те, что сидят на стульях. Ну чтобы сидеть под своими «патретами» естественным образом».

2. Снег на голове Льва Толстого

Вот сошли мы со «стульчиков» своих с Девятым секретарем (я был тогда еще весь в «рудиментах» от прежнего), и покатили вдвоем на пленум в Первопрестольную. Дали нам на двоих один номер в гостинице, с видом на Кремль. Девятый взял и самому себе три завтрака заказал: ел, ел, ел, аж я встал и пошел. Захотелось часы сверить со Спасской башней. А тут ко мне друг закадычный навстречу, переехал недавно в Москву. Я и говорю ему: ну пошли к Льву Толстому, что ли? В Хамовники.

Пришли, поглядели, идем уж от Толстого назад, к выходу. А тут этот – Девятый подъявился, весь в улыбке расползся. Хорошо позавтракавши-то. Подает руку другу моему свою драматургическую руку и говорит:

– Леонид Юрьвич.

А друг мой подает ему свою хирургическую руку и тоже говорит:

– Юрий Леонидович.

Рассмеявшись мы, отчего снег на голове Льва Толстого начал таять тут неподалеку, на Зубовском бульваре, где Василий Суриков когда-то сидел в задумчивости. А Лужков, говорят, начал готовить городской бюджет к наводнению. Но это уже из области фантастического. Говорят, так не бывает, чтобы олигархи ченить куда-нить носили мимо кармана не за здорово живешь.

3. Как в «Ревизоре»

Вот мы пришли с Девятым в главную «контору», это куда мы на форум приехали. Идем по коридору. Девятый-то в первый раз

тут, держится петухом. Вот навстречу нам дядя Степа – известный такой, длинный, как слега. И самый тут Первый. Вот Девятый преградил ему путь и говорит:

– Ко-ко-ко! Неожиданный вы наш! Теперча я в Орле Первый.

А тот ему сверху вниз:

– Ну и что?

А тот непреклонно:

– Как что! Первый я ныне в Орле, в третьей литературной столице.

А дядя Степа, слегка заикаясь, аж зашипел, как гусь:

– Н-нну и-и-и... ш-ш-штос!!!

И мимо, в свои апартаменты. Поближе к словам своим гимна, с тремя моими кусочками.

Все. Немая сцена, как в «Ревизоре».

Вот Девятый повернулся ко мне и делает акцентуацию – артист же:

– Н-ннну и... и... штос-с-с-с?!

А я ему не моргнув глазом:

– А то! Надо было резать правду-матку, что не Первый ты, а Девятый. Как есть. А, мол, всех вас первых тут не пересчитаешь.

4. «Хованский» в Болхове

Вот поехал я в Болхов, а там Апухтину памятник поставлен. И слова такие имеются:

«Союз нерушимый»... Как в новом гимне у старого Михалкова.

Вот я стою и думаю: «А куда ж он, этот Хованский, заховал соавтора своего – поэта Регистана из Узбекистана?» Это я в Самарканде когда-то был, там площадь еще такая есть – Регистан («Песчаная площадь»). И зачем это они у нас с Апухтиным в новом гимне по кусочку отпятили, себе приспособили? Например, сочетание «мудрость народная». Чтобы два таких слова взять и составить, тайну меж ними создать, всю жизнь, может, надо на это ухлопать. А тут фьютъ – и «союз нерушимый», фьютъ – «мудрость народная».

4. Во память!

Вот взял и приехал 2 октября 2009 года Президент РФ в Малоархангельск. По хлебным делам. Чтобы программу страны по селу озвучить на целых пятнадцать лет вперед. Из Курска прилетел сюда на вертолете. Изготовил я фотоаппарат к съемке: дай, думаю, щелкну – будет фотошедевр! Как раз делал видовую книгу о Малоархангельске. Как это книга о «Русском поле» может быть без Президента?

И тут охрана, откуда ни возьмись. Понаехали – все двухметровые, гранадеры. Начальник Президентской охраны разрешает стоять на месте – дает расстояние. А Орловский начальник гонит ко всем чертям, за оцепление.

Вот я ему и говорю:

– А вы Ререкина помните?

А он:

– И кто такой?

А я ему:

– Как кто? Ваш начальник. Генерал был, юрист. И областных органов безопасности, и начальник всей областной милиции. Однажды девять полковников к нам в СП приводил, про шпионов рассказывали.

– Не знаю! – говорит Орловский, весь пока в штатском.

А ему:

– Вот за этим домом, тут же – во дворе старой школы, я в сорок третьем Рокоссовского лично видел. Мы жили тогда тут, в доме напротив... Много вы найдете сейчас даже ветеранов, которые в войну живьем видели Рокоссовского?

– Не знаю! Ни Ререкина, ни Рокоссовского! – прекратил дискуссию, как я полагаю, майор.

А я ему и говорю:

– Столько войск тут я видел только в войну, летом сорок третьего.

– Да у вас и своей милиции хватает. На такой городок – целый взвод, человек шестьдесят.

Вот как встал я тогда столбом возле того, двухметроворостого, да так и стою. Все думаю: «Может, он что-либо знал у же

тогда, тот майор, как экстрасенс? Насчет сокращения штатов и их приведения под другое название?»

5. «Первый жаворонок»

Вот они прочитали меня и говорят: что это ты рассказы обозначил как короткие, а они у тебя уже с километр. Да еще и не глупые, а с намеками. Ну, думаю, ладно. Исделаем покороче.

И вот в День весеннего равноденствия, то есть в конце марта, захотели в Доме литераторов праздник исделать. «Первого жаворонка». Вернее, молодых поэтов чествовать, некоторым из которых тоже лет уже за полсотни.

Прочитал я балладу – абсурд из «Шансона» «Сокол. Хабибуллин-два». Про то, как мужик попал в космос, почувал свободу и забыл, как его зовут.

«Сокол, Сокол!
Я летаю, я летаю,
Я куда лечу?
На себе кого катаю
И о чем молчу?»

Вот Десятый подошел на цыпочках ко мне и говорит часто, часто на ухо:

– Много, много, много.

А ему также часто, но во всю глотку:

– Питер, Питер, Питер.

6. «Сокол. Хабибуллин – два»

Вот они мне и говорят:

– Ты поближе, поближе к теме да про стулья давай. А ты нам все про какой-то «Питер».

Вот я им и говорю:

– А это тоже можно расценивать как про стулья.

Вот они мне и говорят:

– Ну тогда прочитай про «Хабибуллина-два» полностью, что ли. Что ты кусочек-то выдал, ни черта не поймешь.

– Ну ладно, – говорю, – значит, так. Абсурд-баллада из «Шансона».

«Сокол. Хабибуллин – два».
«Господа, товарищи,
Слушайте историю.
Как летал я в космос –
Запасной бугай.
Был замечен Юрием
И назначен Борею:
«Имя космонавта,
Парень, оправдай.
Там сиди покрепче
Да гляди позорче.
Весь увидит мир тебя,
Все страна, Земля».
Только в космос врезался,
Голосок прорезался,
Все подверглось порче,
Позабыл, кто я.

Глянули свободы.
Пролетели годы –
Никаких начальников,
Мчусь – куда хочу.
Этажом пониже,
Где асфальт пожиже,
Я летаю, я летаю,
Я куда лечу?
– Кто ты, кто ты? Не смикитил?
– Хабибуллин, Хабибуллин!
На второй пошел...
– Сокол, Сокол ты, Никитин!
Позывной твой – Сокол, дурень!
Сокол ты, осел!
Вас чему учили в школе?
Знания вбивали?

Форму, звание давали,
Тачки, ордена?
Краткий курс вам излагали
Весь народ, страна.

– Кто ты, кто ты?
– Хабибуллин, Хабибуллин я...
– Вот возьму сейчас и врежу,
Вдвое пенсию урежу,
А зарплату, а зарплату
(План такой храню)
Вовсе отменю.

Вон она кругом – Свобода!
Никаких чертей!
Хабибуллин – сын народа,
Хабибуллин, змей!
Этажом лечу пониже,
Где асфальт лежит пожиже.
Сокол, Сокол!
Я летаю, я летаю,
Я куда лечу?
На себе кого катаю
И о чем молчу?»

7. Шведская спичка

Вот он взял и подарил кому-то мою книжку. А тот дал ее кому-то почитать. А тот, что почитал, недочитал, а сразу же кинулся писать. Отзыв. На туалетной бумаге. И отзыв этот поместил не в туалете, а в «Розовой строке», на взлетно-посадочной полосе. А один бывший начальник, боясь самолетов, а также читать «красненькое», взял и купил в киоске это самое «розовенькое». И давай говорить каждому встречному и поперечному:

– А ты читал?.. а ты читал?.. а ты читал?...

Вот один ему и говорит:

– А чего это ты «розовенькое» читаешь? Давай сразу «красненькое»... Да, вот что! Интересно, как это у них «розовенькое»-то получается? Наверно, краску бензином растворяют?

– Наверное, бензином.

– Ну вот, поднеси спичку, и все.

8. Метаморфозы

Вот они стали делать в городе Стеллу боевой славы. А по радио передали, что звание присвоили еще пяти городам, и теперь их тридцать. Тогда они взяли и перестали делать эту самую Стеллу.

9. Капелька с неба

Вот сверху упало ему что-то на соломенную шляпу. «Ого! Оно – на палочке!» Поглядел он в чистое небо, а там как раз летит космический аппарат: «Орлы! Опять высоты испугались?»

И сел на стул, чтобы почистить перья.

10. «Мы-то умные, да процедура-дура»

Вот стул, что был о четырех ножках, взял и подломился. Он и остальные три ножки стал подравнивать. Подпилил все три, а они сделались короче первой. Неловко сидеть. Он взял и подпилил опять же первую ножку. То же самое получилось. Трижды провел он процедуру, и получилось так, что остался он сидеть на полу. И теперь сидит на полу да ножки у стола пилит. Но не у себя, а у столоначальника. Такая-то процедура.

11. Не верь глазам своим

Вот открывали музей Лескова, речи толкали, а он глянул на вывеску, а там черным по белому: «Музей И.С.Тургенева», а пониже уже – «Дом Лескова». Остановился он как вкопанный и думает: «Что бы это значило?» Высказался письменно в двенад-

цати вариантах и послал вместе с фото «Дома Лескова» в Лигу наций. А, вернее, на последнюю страницу «Лит. газеты», где «12 стульев» – юмор так у них называется.

И стал ждать результатов. А они из двенадцати поместили десять «стульев» моих, и все под своими фамилиями. Каждому – по стулу. Кроме двух, которые потом взяли в штате своем и сократили.

12. И скрипнул стул аж во Мценске

Вот он взял и написал одноактную мелодраму про Ивана Александрова «Гуси-лебеди». Приболел поэт, и он решил ему дух поддержать. Изюминку нашел в стихах его, написал на них песни, сравнил с Бернсом. И говорит Ивану по телефону:

– По стихам твоим «Матице», по символу этому, прямо из Мценска и туда, в Шотландию, к Бернсу давай. Туда и обратно по той же «Матице» – через Балтийское море.

– Обратно, вот именно, – послышался голос Ивана. – А если бы только туда, я бы обиделся.

Вот он взял и прижал к уху телефонную трубку покрепче и услышал, как «Гуси-лебеди» присели там, и скрипнул под Иваном стул своей вечностью.

13. «Авторов – под гнет!»

Сию я в издательстве «Орлик», у Воробьева, текст вычитываю. Как раз у меня тут выходит книга «Имя не покрывает идей». Во сне приснилось и название само, и концепция: о себе и о классиках русских. А тут передо мной готовую книжку на столик плюхнули: ноты для скрипки, учебник музыкального педагога Барток. Знаменита на весь мир тем, что успела сбежать от фашизма из Венгрии в Америку.

Сию, вникаю. А тут Воробьев как раз. Видит: книжка новая, и еще одна книжка, и еще одна книжка, обложка топорщится. И на весь коридор Воробьев птенчикам своим тут:

– Авторы – под гнет!

Я недоумеваю:

– И меня?

Воробьев не раздумывая:

– О тебе Лысенко пусть чешется.

Говорю:

– Так уже было дело. «Любящую Марию» на тот юбилей мне вручал. В порыве – поблагодарил его. А пришел домой, глянул – половины состава нет. С той поры пьесы пишу и издаю, пишу и издаю. Мировой рекорд поставил – 73 штуки уже издал. А будет 100.

Сказал, помнится, Девятому секретарю, а он мне:

– У Чехова было пять, дельных – три.

– А у вас, Леонид Юрьевич, – говорю, – две.

– Ну и што-с? – засмеялся он. – Зато на сцене шла – «Иней на стогах».

– А то, – говорю, – что я как Япония. Чем больше трясет, тем больше пишу, качественнее работаю. Ах да! Самому еще и режиссером своих произведений, что ль, стать?

14. Казематы Толстого

Вот писатели и говорят жене моей про меня: это ты его сделала писателем. Жена моя поверила им и говорит мне: это я тебя сделала писателем. Как Софа Андревна – Толстого. Своим немецким порядком. Вас таких – львов русских – в клетке надо держать, чтобы из вас что-нибудь человеческое получилось. А я ей и говорю: ну да, в каземате, как Льва Толстого. А то, бывало, Лев Толстой как вылезет из своего подвальчика – ребеночка сделает, вылезет – еще ребеночка. Вон сколько раз вылезал. А как не вылезет раз – «Война и мир», не вылезет два – «Воскресение».

15. Московская барынька

Вот жена мне и говорит: что ты к телефону не подходишь? – Так сию ж в «каземате», работаю. – А она мне: а то вот в Москве, в музее Льва Толстого, гиды рассказывали. Приходит к Софе

Андревне одна барынька московская: покажи ей Льва Толстого да покажи. Ну Софа за ним, а он и там – в дальней комнате, в самом углу. Ну, явился Лев Николаич, ступил на порог – босиком да прямо с порога барыньке: ну что, поглядела?! Барынька – ах, и в обморок. А Софа на Леву: вот хам! Хоть бы обулся. – В другой раз, – говорит он, – Петю пришлю за себя. – Какого? – Ростова. Он в моих сапогах, говорит, как раз ходит, разнашивает. Скажешь барыньке: вот, мол, Толстой, в сапогах! А то, мол, был какой-то босяк московский. – А молод, – скажет. – Какой есть, такой и пришел. Босиком из Ясной Поляны. – Ну так молодой зачем ей, ничего не написал еще, не интересно. – Вот ты ей и скажи тогда: что если Лев Толстой, то даже и без порток хорош, интересный.

16. Легкое перо

Вот Лев Толстой приехал в Орел. К родственнику, к генерал-губернатору. Тот пролетку на вокзал выслал, а Лев Николаич пешком шмыганул. Вот он идет вместе с народом, а бабка тяжело несет – вязанку дров на себе. – Дай подсоблю, – говорит. – Ну подсоби, подсоби, дедушка. – Вот несет он дровишки и говорит: а что, бабка, Толстого видала? – Нет, не видала. Но, хоть и Толстой, а в теле, говорят, вроде тебя – жидковатый...

А когда узнала, что старец тот был сам Лев Толстой, так собрала народ у дом Губернатора, где остановился Толстой, да и после говорит всем: граф, а вон на себе сколько способен тащить. Из всей вязанки выбрал себе одну хворостиночку, перо вставил, так теперь и пишет им. Ручка-то его – моя, перо легкое-легкое.

Пост-скрипtum. В связи с чем взяли и убрали с дома этого мемориальную доску. А своих людей рядом повесили.

17. Копия Бунина

Вот узнал директор Дома народного творчества Аксютин, что я еще и песни пишу, и говорит: а какие у тебя на это художественные приемы? – А никаких приемов, говорю, нет. С детства грешу. Стихи пишу – как дышу, а песни пою – как птица в раю.

Вот они с директором областной библиотеки имени (бывшей Крупской) Бунина – с Валерием Васильичем – послушали меня и говорят: не может этого быть, художественных приемов нет, а получено большое удовольствие. – Да вот, говорю, один скульптор сделал Бунина. С помощью художественного приема. Вон он стоит – Бунин-то, напротив библиотеки. Говорят, на Егора Щекотихина похож. Вот все теперь глядят на Бунина возле библиотеки, а думают про Егора Щекотихина, всем нам знакомого, тоже любителя всяких толстых произведений.

18. О литературном облике

Вот писатели и говорят, а на кого ж тогда Фет похож, что на Дворянском гнезде, возле Дома писателей, что недавно восстановлен? Одни указывают на писателя Лободина Игоря – нос такой обостренный. Другие – нет, то поэт, а этот уже прозаик. Наверно, на Лысенко – директора книжного издательства. – Нет, что вы, – говорит один прохожий с вострым глазом. – Наверно, на Курнакова, только без бороды. – Это какой же такой, художник, что ли? – спрашивает другой прохожий. – Тот, что под писательский домик, гляжу, подкапывается. – Вот я ему и говорю: – Эх ты! А еще в шляпе. Во-первых, это не склеп, а мавзолей, ибо он народный художник, еще при том режиме им стал. А во-вторых, говорю, пушай строят, место живее будет. А то, когда Дом писательский реставрировали, так писатель Громов, не особенно желая переезжать сюда с центральной площади, в двух шагах от своего дома, и говорит: так глухомань-то какая, в конце улицы. Вот писатели напьются да и скатятся с оврага прямо в речку, в Орлик, который вспоил не одно поколение, поставив на службу Отечеству. – А вот, говорю, не скатились же. Писатели умные, не доходят до края. До Фета дойдут, стоят и смотрят: на кого ж он похож? Ажник в глазах троеится. Но вывода окончательного не делают.

Вот они ему и говорят: это как нам следует тебя понимать? А те взяли и дали ему за это Фетовскую премию. А когда он еще и на Пушкинскую посягнул, поскольку, дескать, он еще и из пушкинской плеяды, так ему сказали, чтобы сбрил для похожес-

ти бороду. Он и сбрил. А они и говорят ему: – Глянь хоть теперь на себя – ничего нет, ни на голове, ни в облике, у Пушкина-то шевелюра была. – Вот он тогда им и говорит: – Ну вас к черту, с пляядой вашей! Что ж вы сразу-то не сказали? – И вернул себя в прежнее состояние – с бородой, вошел обратно в облик литературный. Вот за такой облик, говорят, взяли и дали ему еще одну премию как за «лучшее изображение нашего размножения». Как выйдет, так и войдет; как войдет, так и выйдет. Чтобы денежки размножались, а они все никак не размножаются, так и остаются в большом дефиците.

19. То Марат, то Кутузов, то Крамаров

Вот провожали Нину Суркову-Денисову – Трофимычеву на заслуженный отдых. Давно здесь сидит. Ну, выдали всякие слова ей и грамоту. Все ждали какого-то Кутузова, это который вместо Марата Шмелькова сидит в областной думе. Вот он приехал в белой такой шевелюре и с дипломом главного ветврача. А девочка одна стояла тут и говорит: «А где же Кутузов?» – «Так вон прошел сейчас, видела?» – «Да какой же это Кутузов? Вон Кутузов в Колпне был главным по клубам — с одним «окном», говорили». – «Не в этом дело, – говорю. – А в том, чтобы если не в два, так в оба глядеть, куда надо. А не так, как у артиста Крамарова – один глаз на нас, а другой – в Америку».

20. Карие доллары

Вот отец этой девочки и говорит: а то еще был чудак в Малоархангельске. Так у него один глаз был зеленый, а другой – карий. Трояки зеленые хорошо считал. Стал управляющим Госбанком во Мценске. Вот я и говорю отцу девочки: а сейчас что – разучился? – Да ты что, говорит, сейчас доллары считает. Но уже другим глазом – карим. Американцы под этот цвет доллар для нас подбирают. Фирма, говорят, работает такая уже в Санта-Барбаре.

21. Десять тысяч зелененькими

Вот он и говорит, – французы по радио сообщили: за Кириенко-то как голосовали? В Госдуме, за премьера-то нового? Утром – деньги, вечером – стулья. Утром – пять тысяч долларов, вечером – еще пять, плюс защита докторской Жириновскому. И вот доктор он теперь, и все стулья на месте. – А что ж Зотиков – депутат Госдумы? – А что Зотиков, – говорю, – в Орле вчера видели. Утром – в Москве, вечером – тут. У кого «каникулы» называется, а у кого – «дни собачьи». А вообще, как кого в Москву выберут, так там и остаются. Чтобы по митингам ходить, а то без них митинги не обойдутся.

22. «Хвала рукам...»

Вот он и говорит: дайте денег мне на переведенную мною «Антологию французской поэзии». Прекрасная, уникальная вещь – для духа нации, для всей культуры. Вот вы как бывший и нынешний председатель думаете, что это мы тут при том еще строе написали в борьбе за насущный: «Хвала рукам, что пахнут хлебом»? – А кто же? – Эжен Потье, оказывается, автор «Интернационала», француз. Вот он ему и отвечает: – Да издадим, издадим! Чего там... – И издал бы. Да взял и издал лучше свой фолиант про эрозию почвы. И стал доктором. А у нас из талантов скоро, говорят, никого не останется. А еще один деятель тоже себя издал и сказал: а ты, писатель, у меня издашься! – в «исторической перспективе».

23. Про Советский Союз. «Выносите мебель!»

Вот он и говорит: молодым еще был, в командировке оказался в Колпнянском районе. Вот пошел он, на ночь глядя, в Колпну из совхоза «Островский». Шел, шел во тьме, а Колпны, огней колпнянских все нет. Уж не то, что восемь километров за спиной, уж все тридцать с гаком. Уж рассвет, сморило усталого. И спится

ему на ходу, и снится ему такое, что он – «Советский Союз»... Приоткрыл глаза – Ушаково, баба стоит на околице с хворостинкой. Пролетел поворот, оказывается, до Дроскова уже всего ничего, а оттуда и на Орел... Вот он сел в автобус, и опять снится ему все тот же сон, что он – «Советский Союз», но уже после того, и все наоборот – назад отсюда туда, к революции. «Выносите мебель!» Мебель вынесли, а стулья хотели направо, а потом перепутали и налево их вместе с сейфом. На дороге один только стул и остался. Вот он сел на него, а стул взял и поехал во сне обратно на Колпну. Ехал-ехал. Приоткрыл он глаза – Орел, а должна быть Колпна. А они ему и говорят, что ж это хуже, что ли, тебе – в Орле все же, дома досыпать будешь, хоть и в перепутанном виде. И все стулья на месте. А Советского Союза нет, – во какая история.

24. Баба-ягодка опять

Вот прошли в Союзе писателей проводы Антонины Никитичны Сурковой-Денисовой – Трофимычевой на заслуженный отдых. Провожали в добрых русских традициях за «рыцарским полукруглым столом» – чего только не наговорили. В самом деле, молодая еще, но вообще-то как монумент, с самого основания. В самом деле, всегда даст, бывало, и горлышко промочить, и крылышки обрести.

Один даже до легендарности договорился: а с кем она, говорит, век свой проработала – с «тиграми полосатыми», хоть орденом Мужества отмечай. А другие, внутренне несогласные, из лицемерия тоже хлопают, сами сияют и других поощряют. Вот проходит неделя. Вот поощрявшие и говорят Геннадию Попову, какой там же, но уже за другим столом: – Че-гой-то она все сидит? – А он им и говорит, внутренне улыбаясь, глубоко затаенное: – А я тут подумал, ребята, пусть еще посидит, раз она у нас такая хорошая.

И сам стал сидеть. Сидит и сидит, – на таком же, стуле, что и она. Стул такой попался – усидчивый. Как сядешь, так и сидишь, и сидишь.

25. Эзопов язык

Вот они им и говорят: – Чего это вы зарплаты себе такие охрени-
венные поназначали? Покупают ведь вас, а ни один еще не отказал-
ся. – А те им и отвечают: – А чтобы на речке лед сдвинулся. Вот
стулья, и те, между прочим, на месте. – Про что это вы говорите?
– А это Эзопов язык, называется. Это когда один стул поставили, а
сразу десять на него садятся. Вот что они им говорят.

26. Еще от Адама

Вот ему и говорят: – Что же это ты лепишь-то все подряд, без
всякого разбору? И живые и мертвые – и начальство и подчинен-
ные – демократы и аристократы... – А он ему и отвечает: – Вот ты
когда дом строишь – домину, во, целый город на родовом месте,
то глиной стенки обмазываешь? А для чего? Да чтоб в доме было
толсто, тепло. – А теперь, говорит, материалы современные. –
Материалы-то современные, да навык еще от прежней глины
остался. Ибо Человек наш от кого – от Адама. Что в переводе
означает «человек из глины». Все у него от Адама. Даже стулья в
дому – от сидячего Рыцаря Печального Образа Жизни...

27. В Малоархангельске

Вот проходит прежний Губернатор со свитой мимо памятника
Пушкину в детский парк, а он в спину ему и говорит:

– Книжка у меня вышла, и там, между прочим, такие строч-
ки:

«Кому-то премии дают,
А хвалят все меня».

А он обернулся и отвечает:

– Поменьше дома надо сидеть. На стуле-то.

А тот ему и говорит:

– Так я на трех стульях пишу, созидаю. Уже три эпопеи: в
прозе, поэзии, и драме. У кого еще столько стульев?

28. «И кто ж ты такой?»

Вот один ему писатель и опять пристает, все долдонит:

– Да кто ж ты такой? Гений или герой? На чем стоишь, на ком сидишь?

Вот он ему и отвечает:

– Гений – это, кто посвященный, с богами связан. Повторяю, Белинский приехал в Санкт-Петербург в роли артиста и стал ставить свою пьесу, а она у него не пошла. И он тогда сказал про себя: «Мой гений слишком слаб». Не на тот стул сел.

– А герой?

– А герой – это великий человек, великий писатель. Это кто много чего изделал, издал, в том числе и немало хорошенького. На свой стул сразу попал.

– И плохого тоже немало?

– Бывает. Вон Паустовскому к соб. соч. в восьми томах, девятый том присобачили из неизданного прежде. Сделали монтаж, умножение. А Гавриилу Троепольскому с его «Белым Бимом» и последний том уже издававшегося, словно ухо, отрезали, отсобачили. Стукнул на съезде он, видите ли, о пол костылем перед трибуной, а те, что на стульях, и сделали ему вычитание.

29. Выше Тургенева

Это у меня литературные байки, рассказы глупые. Они сами собой получаются, как глупость из всех нас сама собой так и прет. Я только рукою вожу, а литпроцесс сам собой происходит. Только слова подбирай да псевдонимы подставляй. А что? Свою фамилию можно, а людскую не очень, а то обидятся, возьмут и пакость какую-нибудь сотворят. В общем, за бок так тебя ушибнут, что волдырь вскочит.

Вот позвали меня на праздник во Мценском районе – «За околицей», называется. Хороший праздник, народный. На Фетовской поляне, в Козюлькино. А у меня роман в стихах только что вышел – «Арсений Чигринев», первая часть. Дали мне слово у барельефа Фету, вот я возьми да и прочитай такие слова:

«Знать, долго скитаться наскуча,
Средь ширей морей и полей.
На Родину тянется туча,
Чтоб только поплакать над ней».

И тут, вижу, бежит ко мне телекорреспондент с камерой:

– Это кто написал – Фет?

– Н-ну.

– И еще что написал Фет? – настаивает тот, с камерой.

– От Фета до буфета, – говорю. – «Арсений Чигринев», написан только что в этих местах. Пушкин до того написал роман в стихах, да я вот. А ты чего Чайльд Гарольдом стоишь каким-то?

– А что, – говорит, – Чайльд Гарольд тоже в некотором роде Фет? Оба вместе?

– Нет, – говорю, – Иван Александров с Иваном Алексаньчем.

И дарю Николаю Андреичу – главному тут из начальства, на всякий случай, экземпляр с автографом. А он дружески ширк меня в бок да и говорит:

– Ничего себе. Что ж ты выше Тургенева?

Я прямо-таки офонарел!

– Вот кто выше, – говорю я и показываю на Грачева рядом – главу мценского региона. – Во колосс, прямо таки богатырь святорусский, ботинки – номер последний, растоптанный.

– Да, ну и что?

– А мы с Пушкиным, – говорю, – люди маленькие.

А один мужик посторонний, проходя мимо, услышал и говорит:

– А вы что – член, да? (Имея в виду членство в писателях).

И тут меня прямо-таки в радость ввергло. Вот, думаю, до чего дожили мы в эпоху нашего одичавшего капитализма.

– Да нет! – кричу я и веду рукой откуда-то снизу к самому горлу. – Хватай выше.

А он глаза таращит:

– А что ж выше члена-то, что?

– Вот тут у меня сердце справа, – говорю, – а не слева, как у всякого члена.

– Не выхваляйся, – сказал Николай Андрейч дружески и закрыл тему. – Я, говорит, книги по запаху принимаю. И, говорят, отшвырнул мою фотокнигу о Мценске.

30. «Пучок Калиныча»

А через пару недель другой праздник, слушайте сюда, и тоже во Мценском районе, – Тургеневский. Сам, помню, за статус его Всероссийский боролся, когда был Седьмым секретарем. Вот и сейчас прибыл я в Спасское-Лутовиново по пригласительной записке директора заповедника Левина (он ее в деревню тут ко мне привозил). А в Спасском автобусов туристических тьма, и все с большим запасом московских дензнаков. А нас, орловцев – писателей, родоначальников, с малым количеством того же самого, гляжу, уж совсем отстраняют. Московская индустрия туризма метастазы свои и сюда пропустила.

А из писательской шатии – братии только мы с Иваном Александровым присутствуем. У него тоже как раз книжка вышла – «Пучок калины», называется. А может, «Пучок земляники?» Такая была уже книжечка у прозаика Игоря Лободина. А «пучок» из калины разве бывает?

– Может, это Калинин, Николай Емельянович, тут незримо присутствует? Тоже писатель. Этот Калинин сам многих имел ввиду, даже брата родного раздраконил в областной печати. Ну, и кто ж еще тогда? А-а-а, понятно, опять Тургенев? Хорь и Калиныч из тургеневского рассказа.

31. А все дело в буквочке

Вот в Орле у нас на троллейбусной остановке газетный киоск, и на брошюре там вот что: «Василий Агошков. Могло ли быть мценское ханство?» «Ого! – думаю. Мценск всего-то на год древнее Москвы – в летописи вместе с Новосилем 1146 годом датируется. Когда здешние места были еще под иудейским «протекторатом» – под хазарами («Как ныне сбирается вещий Олег от-мстить неразумным хазарам!»). Однако увидел я лужу вокруг автостанции,

а в луже пластом мужика. Вспомнил себя в сельском автобусе, между прочим, набитом, как селедками. Века прошли, а всего одна буквочка заменилась. Дай, думаю, позвоню автору и подскажу: — «Мценское хамство», тоже одна буквочка, но куда интереснее.

32. *Стакан Полонского*

Подхожу на том же Тургеневском празднике, в Спасском-Лутовиново, тоже к автору произведений Ивану Александрову. А он с женой Эльвирой и своим другом старинным еще со студенческих лет. Стоят, заметим, а стулья просто так рядом валяются. Ну, я беру и показываю свою новую книжку про «Арсения Чигринева».

— Что это? — впивает Иван в название свой исключительный взор.

— Как что? — застываю я, путаясь в словах, как в колбасных обрезках. — Просто Байрон писал длинные поэмы, а я еще длиннее, роман в стихах.

Пауза. И уже из-за паузы, как из-за паухи царя Соломона:

— А Яков Полонский?

— Что Яков?

— Да, у него роман имеется! — смотрит Иван на жену свою, а та от меня отворачивается.

— Сорок сорок летело на Восток, — говорит Иван. — Понял?

— Ну и что? — говорю. — И куда прилетели?

— А сели на стулья, со стульев до сих пор снять не могут.

Ну и что тут у нас с Яковым получается? Из Спасского-Лутовинова я приехал домой да сразу же в том словаря. Оказывается, Яков настрогал даже два романа, но — прозой. За что Салтыков-Щедрин взял и назвал Полонского «второстепенным писателем». И Тургенев, поскольку Яков был еще и цензором, взял и сразил Щедрина:

— Полонский пьет из своего стакана.

33. *«Камень с неба»*

Вот на этом празднике Валя Бабенкова (это моя читательница, когда-то моей ученицей была в Малоархангельском районе)

и говорит, глядя на московский «Амадей» с его спектаклем по тургеневским письмам:

– Ах-ах... ох-ох... вы моя кисейная, вы моя бумазейная... барышня, мой идеал...

– Тут люди сидят, уши развесили, на солнце жарятся, а там от моей деревни Васютино скоро одна крапива останется. Мне Лесков ближе, по крайней мере, не созерцатель.

– Потому – говорю, – что Лесков тоже родом из Малоархангельского уезда, из Старого Горохово. Так Тургенев тоже бы малоархангельский помещик. Топки – его землевладение. «Тургинка» – поле там есть, до сих пор так зовут...

– Вот один мужик, – улыбается иронически Валя, – и говорит: а это правда, что они оба похоронены на Волковом кладбище?

– Да, в Санкт-Петербурге. И лежит, – говорю, – Лесков невидимо, под замшелым зеленым камнем.

– Камень, что ль, упал с неба? – говорит.

– Да нет, – говорю. – Просто выпал, из иерархической лестницы. В музее Лескова, – говорю, – в Орле висит бумаженция. Николай Семеныч уходил из жизни писателем, дескать, «второстепенным». А признание шло прямо-таки на глазах, за пять лет такая эволюция. В численнике о нем: русский писатель – известный русский писатель – великий русский писатель. А когда памятник в Орле ставили возле собора Михаила Архангела, так тогдашний Председатель Госкомитета по печати России Свиридов договорился до «гениальности».

– Лесков, – говорит, – гениальный русский писатель.

– А ведь стул-то один, – смеется Валя. – Как же это люди умудряются сделать из него сразу столько сидений?

34. Третья столица

Как на пенсию идти, так чины с ума сходят. Книжки давай печатать, прямо-таки гениев из себя корчить. Кто по профессиональной стезе идет еще ничего: мемуары, «опыты», как у Монтеня. А вот как их «художественные» экзерциссы нам, по слабости здоровья, воспринимать? Одного такого я подсунул кому-то, а они мне и говорят:

– Что ж ты «грамофона»-то нам подставил?

С одного, знаю, за вступление в членство мебель содрали, в кабинет себе вставили, а по мне в Коктебеле пустым затвором «Зенита» двое суток хлопали. И вот Альбера Педруатовича одного тут, а ныне в Москве, позвали чествовать. Книжечку тот какую-то сотворил. На меня указывают: я должен, естественно, фимиам ему воскурять, в коронации участвовать.

Вот пошла вакханалия. Как должность, так статус давай себе повышать: то премии сами себе, то в писатели, то в академики, таланты и поклонники, поклонники и покойники...

* * *

И сидим в ресторане «Русь». Правда, уже по другому поводу: еще когда 75 лет Проскурину было. И Ганичев – лидер писателей России – тут же перед глазами рисуется. Ну и давай он дипломы всякие от имени литературы всем раздавать – лау... луа... «лавреятства». А я возьми да и брякни (дурь природная, черт поберит, даже в таком возрасте не выветривается).

– А мне, – говорю, – Ольга Константиновна Кожухова когда-то сказала: мол, тебя вместе с Распутиным хотели вперед двинуть, а потом передумали. Твою «Кротовью жисть» задвинули, а его «Последний срок» выдвинули.

– Да кто кого хоть? Непонятно. – Реплика с места, от рассеявшихся рядами на стульях. – И куда именно?

– Да минералы литературные, – заикнулся было я, а Ганичев приподнялся с пылающим взглядом.

– Спасибо, скажи, – говорит, – что сидишь на стуле тут, а не там.

И провозглашает тост за доверенных лиц.

– Где тут? Где там? – допытываюсь я. – Экая беспробудность. Да про меня все больше молчат, моду такую взяли – умалчивать. А эти «доверенные» строчку напишут, так сразу ее на плакаты, в афиши, тиражи. – А меня, – говорю, – для тренировки, что ль, за месяц до Ельцина сажали на стульчик – перед «подковой», ноги как еретику поджаривали.

– А в чем дело? В чем дело! – это Валерий Николаевич мне адресует.

– Да срединная Русь никому никогда не нужна была – говорю. – Вот в чем дело. Традиции, критический реализм. Все города среднерусские, – говорю, – перешерстили: из Курска – Валентина Овечкина в Ташкент; из Тулы – Кузнецова с его «Артистом миманса» в пух и прах, «один рабочий сказал»; из Рязани Солженицына выкинули за границу; а Орел...

– Классику, классику давай! – кричат из угла, наиболее прогрессивные. – Классику выводи на поверхность.

– Петрашевца Достоевского вытащили из петли... Толстого проклинали с амвона... Гоголя живым закопали... А Блок от голода помер... А Цветаева возле грязной посуды...

– Знаем, знаем, – кричат уж прагматики. – Не обобщай! Не соединяй две половинки в одну критическую массу!

Вот сижу и не обобщаю. Но что-то очень уж хочется чего-то на почве нервности! Ишь, какие перлы с высокой подачи выдают у нас в Орле при укладке камня, например, генералу Ермолову:

– А мы – третья литературная столица!

– Короче, короче!

– А если еще на словечко короче, то так говорят:

– Мы – литературная столица!

– Короче!

– Просто мы – столица! Короче некуда.

– А ты чего?

– Ждем-с. Когда «лишнее» слово не только вывалится, но и само собой фантастически сократится.

35. Продолжение

Вот я ночь переспал, вроде как в другом городе. А мысли и стулья те же. Что же делать? А столичность городу создают, между прочим, три фактора: университет – журнал с издательством – оперный с симфоническим оркестром, поняли или нет?

Бывалыча, в августе «бархатный сезон», люди нараспашку. Сижу один в отделе культуры в «Орловской правде», а Яновский

в отпуске. Парадоксы и парок-сизмы, но без аннексий и контрибуций. Вот один от лица руководства посоветовал мне еще тогда, а слова как врезались:

– Умный ты, Михалыч, а нужно быть мудрым.

– А в чем, спрашивается, это выражается?

– Умный выкручивается, – говорит. – А мудрый в ситуацию не попадает.

– «Ну да, – говорю ему мысленно, – не попадись тут, когда сети ставите вы... «профессионалы»... Так вот, сижу, помню, в Белом Доме, на своем пятом, демократическом этаже. В пятницу, после рабочей недели. Дело к вечеру. Перья по этажам уже не скрипят, только кости трещат у старперов – ссыхаются. И тут звоночек. Резко, в самый мозжечок. Это диктатор, то есть редактор:

– Зайди.

Захожу. Сажусь и сижу. На стульчике, конечно, на своем низеньком, а редактор на своем высоком, зато криво поставленном, вальяжно этак:

– Ну что, один в отделе-то?

– Да нет, – говорю, – с вами тут, через стенку.

– Хорошо, – говорит он и улыбается со значением. – Вот послушай.

И достает из стола стихи, начинает читать;

– Ну что – хорошие?

– Хорошие, – говорю. – Что-то есть, интрига какая-то, даже лирика.

А Коробок улыбается внутренне, как кошка с мышкой играет.

– А вот эти? – И достает из бокового кармана, а не из сейфа, заметим, другие стихи. И читает. С прибулькиванием в горле, с сахарком в голосе. – Ну и как?

– Ах, эти, да? – говорю я, а самого как электричеством прошивает: «Век свободы не видать, выгонит, думаю к чертовой матери, до осени не дотянешь, когда обещали квартиру».

– Ах, эти? – тяну я, а, между тем, думаю: «Проверяет квалификацию, мою родословную. Лучше уж правду – матку»...

– А эти, – говорю я решительно и аж зажмуриваюсь, чтобы искры из глаз не сыпались. – А эти – вторые, плохие.

Пауза. Трещит где-то близко совсем, кости, наверно. А тот во рту конфетку гоняет, ну как Брежнев прямо-таки.

– Ну иди, иди, – вяло машет рукой он и морщится, как пересоленных огурцов объелся. – Контрабанда ... из Таиланда ...

Вот вернулся Яновский из отпуска.

– Ну как? – сразу спрашивает. – Были какие ЧП?

– Да нет, – говорю. – ЧП не было. А статью о Фете сунул в номер на субботу, о Бунине – на другую субботу. А в понедельник оттуда звонок – с третьего этажа: «Это ты кто?» – Это я. – «Кто это?» – Да я, я, – говорю. «– Ах, это ты, молодой человек? Ты что ж это то крепостника печатаешь, то анти»-... советчика? – «Антисоветника. Я тебя буду наказывать».

– Ладно, – говорит Яновский. – Не бойся, живи. А со статьей к новому учебному году о молодых учителях, текучести кадров, что с ней?

– На той неделе прошла, – говорю.

– И что?

– А что? Пока ничего.

– Ну будем ждать, – говорит. – И все?

– Редактор, – говорю, – вызывал, стишки читал. – Ну и что? – А ничего.

– Эх ты, шляпа! – говорит Яновский, большой спец по части человеческого фактора. – Что не мог сказать, как надо? – Стихи-то хорошие – Блынского, а те, что из сейфа, – его самого, понял?

Гляжу на стенку, а за спиной у него самого вот такие чернильные разводья. Хоть и забелены, а как проступают. Это еще в апреле отец Туинова, тоже наш автор, Яновского чернильницей пригвоздил. Как ахнет, – чернильница вдребезги, так на стене и расселась. «А не бреши, – говорит Туинов – отец. – Как радио. В другой раз будешь знать!»

– Алло! Мы не ищем таланты, – сказал Яновский, вылезая из-под опрокинутого впопыхах стула. – Они сами сюда так и прутся.

36. «Дорогой, многоуважаемый шкаф!»

«Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование». - Это – из Чехова, Гаев из «Вишневого сада». Почти те же слова, но прежде написанные существуют у Жамма, французского поэта, 19-й век. А есть шкаф и совсем близко сюда – 60-е годы прошлого века. В главной комнате «Орловского комсомольца» стенки разноцветные, а посередине стол, играют в пинг-понг. А позади, возле окон, аж целых два шкафа и у стенки два стола. И двое сидят: за одним – Валя Гончарова, учетчица писем, а за другим – Вася Катанов, зав. отделом. Шкаф да шкаф, как мурашки по спине, к стене не в самый притык. Сначала эту Васину тактику я не сразу постиг: к чему это шкаф стоит тут не к самой стене?

Однажды вернулся я из района в кирзовых сапогах, переполненный солнцем и оптимизмом, весь в пыли.

– Ой, Ленечка! Вот он каков, наш очеркист, – сказала искренне Вика Ученова – руководитель студенческой практики из журфака Московского университета, ныне Виктория Васильевна, профессор, доктор наук.

И что еще приятно вспомнить, так это о шкафах этих, о зазоре между стеной и спиной. Вот к Васе Катанову одна «граммофонка» повадилась. С ножом к горлу. Один день, другой, третий. Утром, днем, вечером. Ни фактов – ни аргументов не воспринимает. Дайте ей квартиру за либретто к опере, и все! Господи! И что я вижу? Вася вдруг этак в сторону наклоняется – вроде бумаги на полу подбирает, а потом нырь за шкаф. А там у него – отверстие, пустое пространство. Вот Вася, будучи и сам без квартиры, нырь туда, за пинг-понговый стол, да в дверь опрометью. И был таков.

Раздался саркастический смех. Это смех, обращенный к шкафу, заметим, уже не Жамма, не Чехова, а мой собственный, в сочетании с Гаевским: «Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование».

37. Либретто к «Войне и миру»

И вот сижу я уже в Писательской организации, в роли Седьмого секретаря. И «грамофоны» прямо валом валят, косяком, назвали дорожку. Мы тогда еще в «катакомбах» помещались, на главную площадь окнами выходили. Вот наладилась все та же, теперь уж ко мне: либретто, говорит, для опер как писала, так и пишу.

– Ну, и сколько, – говорю, – вы их написали, всяких либретт? Не перешли еще к «опере» на Василь Иваныча?

– Одну, – говорит, – написала, но какую? К «Войне и миру».

– Так Прокофьевым, – говорю, – уж написано.

– То Прокофьев, – отвечает, – а то я, Маргарита Тэтчер.

– Ого! А кто ж я тогда? – спрашиваю.

– Вы – второй Тургенев.

– Почему это? – обижаюсь.

– А потому что первый, – говорит, – уже есть.

– А может, Толстые мы? – захожу я от Тулы, от Ясной Поляны.

– И там, – говорит, – стульчик занят. Там потомки сидят.

– В Туле Лев Толстой стоит, – говорю. – Вернее, пешком идет. Хороший памятник. Это у нас тут Тургенев – сидячего образа жизни. Моду взяли в Орле всех сажать – то Поликарпова, то Лескова, даже Дзержинский как сидел, так и сидит. А вот в Москве...

– Что в Москве! – входит она в энтузиазм. – Кабы он в Москве сидячего образа был, не сбросили бы с пьедестала. – Тула и Орел – говорит, – города несовместимые: чуть что – не Тургенев, не Фет. Хоть реквием сочиняй. Музейщики прикрываются классиками, тем и кормятся. Вон в Тюмени или в Тобольске, что ли, Ершов сказку одну сочинил – про Конька-Горбунка, так Ершову памятник до неба отгрохали. А у нас все Тургеневу только да Курнакову на вокзале... тоже Петров-Водкин, нашелся, я бы ... я бы...

– Ну, говори, говори, договаривай, – останавливаю я ее, что это на свою шею все брать. – Да у нас тут тоже, может, есть и свое либретто... даже три...

– Это вы серьезно? – говорит она. – Ну тогда давайте, вешайте картины...

– Что мы вам горсовет, что ли? – говорю. – Или орловское землячество в Москве... музыкальное общество?..

– Я к тому, что у меня квартиры нет, – гырит она, – и денег нет даже на строительство БАМа, чтобы туда поехать.

– Вы же имеете творческое лицо, – говорю, – тоже пишете всяческие произведения. Ну, например, создавайте купюру в стихах хотя бы за пять тысяч рублей.

– Посодють.

– В виртуальном мире, – снисхожу я, – могут вам дать не только снисхождение, но и даже хату-дворец. Например, Таврический. Вот поручу поэту Облонникову про вас создать стихотворение эпистолярного жанра...

– Так он тоже как прицепится, – говорит. – С утра до вечера одно и то же. И к стенке, и к стенке! Уж пожалела, что вступила с вами в интимные отношения.

Клин клином вышибают. Дай, думаю, на ее чувства повоздействую, на звуковые колебания.

– Вишь, – говорю – шкафа нет, а ведь был тут поставлен, водружен, как знамя у... рейхсканцелярии... заметьте, специально для вас...

– Ну и что? – говорит она, не чувствуя отдаленной стратегии.

– А то, – говорю. – Выйдет либретто, куда класть экземпляры? В пыль и забвение?

– Места одному экземпляру и без шкафа хватит! – решает она. – В сердце содержать буду! А вы, – говорит она, – а-ля-гархи! Вот квартиру мне и давайте!

Уж я и в отпуск ушел. Уж я и из отпуска возвратился, а она все тут перед глазами, синенький скромный платочек, либреттистка эта. Все ходит и ходит всюду, где только двери открываются. А весь ее водопад туда и оттуда, и на меня. А один писатель тоже энтузиаст (у нас и такие есть – одну книжку настрогает, а потом издает под разными углами, наименованиями и псевдонимами – ну, например «Война и мир» Толстого, или «Английский замок» Броди); так вот, один писатель других подговорил, в мафию

сбиться. Так они подговорили ее даже в КПК послать (в комиссию партикулярного контроля, которая могла тогда даже на Соловки закатать). А ей написать – два пальца обласкать, после «оперы» все потом ни по чем. Я уж наверх начал было отвечать письмами, пусть получают профессионалы. И действия ее, в конце концов, произвели три эффекта: писатели получили квартиры – трехкомнатные, от имени Джека Лондона, Литфонда и Большого театра, где опера Прокофьева «Война и мир» как раз включена была в репертуар. Это они там подумали, что либретто мы написали, взяли нас тут и поощрили. Но заодно стульчик-то из-под меня выдернули. Это второй рабочий эффект. Но не ради же нее, этой Маргариты Тэтчер. Либретто ее уже третий год в кармане ношу – третий экземпляр. Есть у меня на это свои соображения. Вот мне Рыжов, тоже автор, и говорит однажды на Фетовском празднике.

– Не-е-а, – говорит он мне по секрету. – Дроздилов слаб, а еще собрался в целях рекламы – тебя к стене припечатать, так я ему и говорю: «Не-е-е-а, это он тебя обдерет, Лео в пять раз сильнее тебя. Как начнет крючками обвешивать, дюже грехов у тебя много, а тапереча ишшо более. И Оноре де Бальзак тебе не поможет».

– А «Война и мир», – говорю, – на что, понял? Либретто есть у меня такое. Мир – хижинам, война – дворцам. Один в Таганрог отвалил, в милиции был генералом, а домяку просто так, говорят, взял и отдал либреттистке. А та в ладонь ему даже не наплевала. Вот такие у нас генералы, любят оперы и без всяких либретт.

38. История про председателя

И опять эта история длинная, но я ее во всю длинку когда-нибудь в другой раз расскажу. А сейчас как покорооче. Письма идут косяками в редакцию и все к нам, в наш боевой отдел. Приедешь, бывалыча, в район и давай разгребать. Всего тебе два-три дня дано, а сколько накопать надо, все точки расставить – юридические, финансовые, нравственные – о, боже! Ты одну у людей опора и надежа. Такие-то были периоды, «оттепель» в шестидесятых годах...

Вот письмо попало ко мне из передовой бригады одного хозяйства по направлению к Дмитровску. На председателя и все его позорные щупальца. Приехал я, разобрался – и, в самом деле, дикость, 18-й век. Написал статью «Правда в кулаке». Мешков тогда, уже первым в области был, на региональном совещании меня, молодого журналиста, поставил на вид. А председатель со своей мафией «телегу» на меня наката. Вызывают меня «на ковер» – поезжай обратно туда, наводи марафет. Позвал я коллегу Дерюгина Славу. Чтоб в четыре глаза, в два ума и в два сердца, а пред взял и собрал собрание. Половина за его «телегу», половина за меня. Вот идет собрание.

В разгар боя пред бух печать свою перед моим носом:

– На, – говорит, – руководи! Если ты такой умный! Проголосуем – завтра же будешь сидеть на этом вот стульчике, председателем. А мы потом тебя месяца через два тут съедем.

И тишина. Покойнички в небе летают. А я уже знал, что в Шаблыкино так и было с редактором райгазеты Мироненко – старшим. После статьи утром пошел он в редакцию, а его хоп и директором в то хозяйство, в каком он хорошо разобрался. Только лет через пять вернулся, и то уже замредактором.

Ну что делать? Печать-то председательская – толкушка эта передо мной, как лист перед травой. И весь зал в меня впился, как в Новуходоносора. Славка Дерюгин ажник вспотел. И тут меня осеняет! Блокнотами я не пользуюсь; когда ехать в командировку, бумагу газетную пополам преломлю и в нагрудный карман. И тут у меня как раз карман оттопырен. Во блокнотище! Выхватываю я из-за пазухи эту самую пачку да бух перед предом на стол, рядом с печатью! А бумага как развернулась, целая кипа – «липа вековая»...

– Нате, – говорю – вам! А вы будете за меня строчить отчерки ... если ты такой грамотный!

Зал как грохнет! Пред-то хитер, коварен, однако от великой грамотности не страдал, не страдал, читал по складам. В общем, посмеялись все, и обстановка разрядилась. Вернулся я на базу, вторую статью нагрохал «Кулаком по правде». А ее редактор в корзину. На всякий случай. Лишь в памяти статья и осталась. Вот

так бывало, сидела на стульчиках и пресса и те, что отбивались от прессы.

39. Про генотип. «Эффект пылесоса»

И еще короче. Вот он ему и говорит: «Что ж ты пылесос-то вытряхиваешь прямо с балкона? А ветер сюда, и вся пылица твоя ко мне на балкон». А через неделю он сам пылесос вытряхивает, и пыль назад к нему, в его же квартиру. И уже тот говорит этому: «Что ж ты пылесос-то вытряхиваешь прямо с балкона и опять прямо на мой стул, в мою квартиру?» Увидел, что я смотрю на них – на второй этаж со своего четвертого. Заметил это и спрашивает меня, осердясь: – «Как это называется?!» – А я ему говорю: – «Это наш генотип, называется – «эффект пылесоса»».

40. Тоже про генотип. В песочнице

Вот он ничего не говорит – мал еще, не научился резюме выводить, едва ходить начал, только что оторвался от стульчика. Но в песочнице из себя выходит, дай ему стоптать ногами песочный дворец, что строит друг его – такой же малыш. Оба аж плачут: этот – дай стопчу, а тот – не дам, не подпускает. Вот бабушка первого и говорит внучеку:

– Пошли отсюда, сейчас что-нибудь придумаем.

И придумала. Подвела ребеночка к маленькой березке, что только что посадили – к Первому Мая. Сломил тот макушку и – успокоился. А она ему и говорит: – А в песочке мы завтра с тобой пописаем.

41. Святой дух Пушкина

Вот пришли мы к памятнику, что в Орле, возле госуниверситета. Шестое июня – день рождения Пушкина. Жиденькая кучка собралась. А из профессуры вообще никого. Одна зав. кафедрой под конец хвостом вильнула, туалеты свои показала и спряталась

за березы. Пушкин глянул на нее и аж зажмурился, так и закамел. Глянула она на него, невоспламененного, и совсем ушла. Другим туалеты свои представлять.

А у меня роман в стихах «Арсений Чигринев» как раз вышел. После пушкинского «Евгения Онегина». Угадываете связь – Чи-гринев (Петруша, чи не Гринев)? Так вот, стою, предаюсь мечтаньям.

И тут праздник поэзии открывается. В отсутствие ответсекретаря власть захватывает поэт Облонников, выступающий еще и как «доверенное лицо». Все у нас в перепутанном виде. Да, но смотрим, что же дальше-то? А дальше – Катанов Василий Михайлович припаздывает, за рифму где-то, видать, зацепился. Вот Облонников слово после себя ему дает не как поэту, заметим, а как старейшему...

И тут меня осеняет. История пушкинская высверкнула. Хотел было рассказать ее. Но тогда не рассказал, так хоть сейчас расскажу.

В Питере открывалась лавка Смирдина – на углу Невского и Мойки. Человек триста было приглашено. Все писатели, даже провинциальные. Чай, пирожки. И, естественно, тосты с речами. Все ждали – Пушкину дадут слово первому. А устроители помялись, помялись да и Жуковскому дали. Он же автор перевода «Одиссеи». А потом все ждали опять-таки Пушкина. Но нет, позвольте. Еще есть фигура солидная, в возрасте. И слово дали Крылову, которому единственному при жизни памятник, извините, поставили. А Пушкину лишь третьему чаю из самоварчика налили.

Наш бог любит Троицу. И третий у нас Дух Святой, так оно у православных. Вот я взял и накатал про это стихи – «Стаканы», называются. А теперь их читаю на пушкинских праздниках, по просьбе трудящихся во имя отца и сына и святого духа самого Александра Сергеевича Пушкина.

42. «Словотворцы»

(быль)

Умирая, Пушкин подарил Далю перстень с изумрудом. Так с изумруда этого да со слова «замолаживать» и начался «Толковый

словарь» Владимира Ивановича Даля, который Даль положил на стул, на каком сиживал Пушкин.

«Ехал Даль куда-то на Валдай.
Ямщику брехнуть да только дай.
Сказанул он, слышала земля:
– Как картошку есть тут не соля?!
А как водку жрать не холодя?
Жить да быть, себя не молодя?
Господи! Умнеть чуть погодя?
Жиганул лошадок мужичок:
– Барин! Распустил ты язычок.
Зорьку-птицу только запряги,
Так и брызнут бубенцы с дуги.
– Пьем из брызг, – Даль глянул на Восток.
– Барин, милай! Экий ты, свисток.
Знай сиди, понукивай чуток,
Зеленя не сглаживай.
Степь кнутом оглаживай,
Вон как замолаживает вбок!»

43. «И кто нас бедными, понимаете, сделал?»

Той же осенью в Орле, в драмтеатре имени Тургенева, отмечали 185-летие писателя. Так в главном зале областной библиотеки имени Бунина, по случаю завершения капремонта, стульчик тут одна из комитета культуры из-под меня выхватила, и меня послали куда подальше, под самый зад, но потом передумали и в пятом ряду посадили. И тут прежний губернатор наш со своим синклитом является, и садится на шестом ряду, у нас за спиной. Отсюда и на сцену они потом поднимались, стоймя стояли, выражая иную эпоху. «Ну, – думаю, – то чиновники скромничали, скрывали амбиции, а то вроде как все стулья страны на одну сцену поставили».

В общем, губернатор и говорит: «Мы, – говорит, – памятник Тургеневу в Орле скоро второй поставим». Это вроде как стул

второй. А Тургенев сроду на и на одном-то, думаю, в присутствиях тут не сидел. Вот так говорил губернатор, касаясь Тургенева и Бальзака, а в конце вдруг сказал:

– И кто же нам сделал бедными?

И тишина. Сидели все, думали – про свои и чужие стулья. Перебирали под ногами паркет. Ну кто это, кто нас сделал бедными? Так и ушла вся шестерка со сцены, и зал остался в недоумении.

– А Тургенев, – говорю я, не выходя на сцену, а тут как бы, сидя в пятом ряду туда назад – шестому.

– Почему это? – слышу я сзади, словно уже чей-то резонный вопрос, тут же и отвечаю спокойно: – Наверно, Тургенев! Кто же еще? Как повез денежки – золотые рубли за границу, так до сих пор и везут! Бывало, мужики тут работают, управляющий денежки в Париж отправляет, а там их оприходывают... То с Виардо, то с писателями – по кафе, на французских стульях сидят, в заведение Телье проторили дорожку.

– Ты это брось! – говорят мне потом античные греки – сторонники Аристотеля. – Художественную систему тут нам не разлагай. Раз тебе уже стул не нравится, на котором Тургенев над Окой сидит, то мы это учтем. Во втором памятнике мы Тургенева стоймя поставим.

– А лежа? – проходит один мужик мимо, прислушиваясь и крайне интересуясь всевозможными вариантами скульптур, тут у нас увековеченных.

– Лежа у нас только беременные да садово-парковые изображения, – ответило эхо.

Так вот, когда начальство держало речь, стульчики были вынесены со сцены, пока начальство себя тут стоянием совершенствовало. А как ушло руководство со сцены, так стульчики эти опять водрузились. Вот сижу сам на стуле и думаю: «Кого все же вы имели ввиду, когда говорили, кто нас сделал все-таки бедными?» – Киреенко, наверное, премьера тогдашнего. И псевдоним ему подходящий такой подобрали: Дефолт!

44. Стульчик Гамлета

Так на каких мы главных стульях сидим? Академик Л.С.Лихачев утверждает, что история Древней Руси с Киева начинается. А до Киева что – Руси не было, что ли?..

Вот теория норманнского происхождения княжеской власти. Кто, значит, первым у нас на таком важном «стульчике» сидел? Первые князья на Руси – кто? Рюриковичи, шли от Рюрика, или Давыдовичи. Вот стали первого князя искать, вернее, могилку его – норманна, викинга. Сначала экспедиция копала в районе Старой Ладogi. Ну, думаю, это для того, чтобы обосновать древность своих притязаний на землю. А потом копание перенесли в земли менее гиперборейские – в регион Новгорода Великого. Нашли холм зеленый, изнутри камнем выложен, вроде египетской пирамиды, только в миниатюре. Скорее всего, говорят, Рюрик тут и был похоронен. Из князей наших первых, еще докиевских. А один ученый с Запада, откликаясь на это, и говорит:

Да не из просто из князей он, а даже из конунгов, то есть из королей! Конунг датский в это время (Киев датируется 850 годом) пропал из летописей, исчез, не упоминается. И всплывает где-то тут у нас уже на Востоке. Ясно – понятно кто? Под именем Рерик – считайте Рюрик. И такой ход мыслей – вполне допустим.

Рюрик – Рерик (редукция – выпадение буквы) – Ерик – Йорик... Помните Шекспира – «Бедный, бедный Йорик!» Это Гамлет провозглашает печально, когда копали могилку и извлекли череп слуги, бывшего некогда человеком. Все зашифровано у Шекспира. С таким именем был если не слуга, то кто же? А сам конунг, король. То ли похороненный тут, а скорее всего, изгнанный оттуда в наши края, на Восток. Если он Йорик-Рерик-Рюрик, то кем ему приходится Гамлет? Сын короля – конунга, да? Со столь печальной судьбой. И Шекспир это знает, строя тайны своей трагедии.

И какая же связь с «Одиссеей» Гомера! В трагедии у Шекспира фигурируют имена: Лаэрт (отец Одиссея), Телемах (сын Одиссея), а если перевернуть (в истории любят играть именами),

то Телемах – это Хамелет, то есть Гамлет, сын Одиссея. Вот как! Гамлет шекспировский – сын Рюрика, Телемах (Гамлет гомеровский) – сын Одиссея. Стало быть, Гамлет (если от Шекспира, идти глубже в античность) – это как бы сын Одиссея. Значит, Одиссей как бы Рюрик...

Вот что во глубине прозревает Шекспир. Значит, связывая Одиссея с Рюриком, Шекспир таким образом полагает, что Одиссей мог быть тайно тут, в Скифии, пребывать в наших праславянско-сколотских хлебородных местах. Так, мы находим косвенное подтверждение тому, что Одиссей, то есть античные греки, действительно, бывали тут. И потому сюда возможно новое путешествие Одиссея, вполне возможна реальность в предвидении слепого провидца Тиресия, посылающего Одиссея в новое плавание, где бы Весло в его руках приняли бы за Лопату. То есть, Тиресий вполне возможно подразумевает сколотские наши места. А значит, возможно продолжение «Одиссеи», существование третьей героической поэмы гомеровского ряда «Белой Скифии». Так Шекспир в недрах своей трагедии о Гамлете подтверждает пребывание Одиссея в наших местах.

Вот на какой «стульчик» выводят нас как абстрактное мышление, так и конкретные археологи.

А вечером, в теленовостях, гляжу, сам Путин изъявляет желание поработать с воссоздаваемыми студенческими строительными отрядами на археологических раскопках где-то на Соловках. Посидеть на «стульчике» во имя Патриотизма, ради изучения истории Родины. Поработать физически, вполне реальной лопатой. А у меня в «Белой Скифии» песня есть такая классная – про Лопату. Вот и я изъявляю желание спеть ее там же, где и посидеть на «стульчике». Или в новгородской пирамидке с прахом бедного, бедного Рюрика – Йорика. Или на Соловках, где давно уж работают студенты из МГУ, в Соловецком Кремле. Вот, братцы, на каких мы с вами в своих глупых рассказиках – историко-романтических «стульях» сидим! Уже двенадцать лет как сидит этот самый Рюрик со своей «Белой Скифией» на своем стуле неизданный, и – ни гу-гу. А мы говорим, куда это – золото скифов – золотые рубли деваются?

45. Театральный репертуар

Стою на остановке в Орле, у музея Тургенева. А через дорогу, напротив, муниципальный театр «Русский стиль». И репертуар вывешен, сезон открывается. В списке постановок штук шесть. И что сразу за душу цепляется, так это...

Прихожу к главрежу Симоненко и денежки бац на стол:

– Что это?

– Продайте свою жену! (Спектакль «Продайте своего мужа»).

Вынимаю кинжал и кладу опять-таки перед ним:

– А это что?

– А это вам «Пришейте старушку» (тоже так спектакль называется).

Сажу и пишу на листке. А главреж заглядывает через плечо:

– А это еще что у вас?

– Донос строчу – «Мой муж – лгун» (соответственно спектакль театра «Моя жена – лгунья»).

И, вообще, кладу листок на стол главрежу, а сам думаю: «И что я еще недописал на листке?» А все вместе «Грабеж». – Когда кого? «Вот тебе и «Русский стиль»». А что, вполне современно – театр со стульями, которые сами себя отражают. Три театра в Орле, и у всех один «стиль»: подобное хочется ставить, особенно то, что из-за границы, а не то, что тут у нас Бог дал, под носом. Вон в Калининграде один театр, а все есть: и драма, и опера, и даже эстрада. И один гендиректор, на одном стуле сидит, и хорошо сидит, получается.

46. «Как пройти к Пушкину?»

Вот у нас в Орле подошел ко мне паренек:

– Скажите, как пройти к Пушкину?

А я как раз роман в стихах только что написал – «Арсений Чигринев», первую часть. И еще полон всяких высоких мыслей, а в натуре – всякой иронии.

– Вон куда вам надо, туда, – и тычу указательным пальцем в вертикаль неба, где звезд уже с тысячу обозначилось в небе вечером. И одна из них – самая яркая.

Отошел паренек от меня, странновато косясь. И только потом я сообразил:

«Это он так дорогу на Университет спрашивал. На площадь у филологического факультета, где бюст зияет, поставленный нашему национальному гению».

47. Песни про Пушкина

Каждый раз 6 июня – в День рождения Поэта – мы приходим на площадь к Университету, где – Пушкин, а из профессорско-преподавательского состава опять никогошеньки, потому что «расцветают яблони и груши, и плывут туманы над рекой». Песни такие пойте в аудиториях, стулья почаще переставляйте. Граждане! Приходите к Пушкину, «пока свободно горим, пока сердца для чести живы!»

48. Движитель прогресса

Вот был один большой юбилей в городе, вот один, тоже большой и остроумный, провозглашает:

– Мы готовы на коня его посадить, как генерала Ермолова!

– Пушкин в кибитке ездил, а уже при Гоголе поезда пошли.

– А при Тургеневе?

– А Тургенев кто? Локомотив. Движитель прогресса.

А рядом те, чтобы покрепче за стулья свои держатся, еще и подъялдыкивают:

– Ну, да, да! Движитель, движитель. Это как локомотив в электричке, а потом хоть десять вагонов цепляй.

– Так в электричке-то нет локомотива.

– Ну к стульям цеплять надо, к портретам, – вывернулся один из тех, что сидят-то на стульях, а ездят на иномарках. Под портретом сидя, стулья свои развешивают.

49. Соловьиное эхо

– Куку-куку! – сказал Соловей.

– Повтори, – попросила Кукушка.

Соловей еще раз попробовал и засвистал уже по-соловьиному.

А я сидел за окном в аудитории, в углу на стуле своем, и все это воспринимал от имени ВРВО Кузьмы Пруткова, которому хочется петь, как соловей, а получается иной раз, как у кукушки.

50. Как я Рембо из Марселя на родину переместил

Вот я и говорю и ей, ему: «Что же ты в Париж-то все едешь, даже ордера получаешь, а ведь французский, того, на грань поставлен. А я перевел «Антологию французской поэзии», и ни гу-гу. – А он и говорит: «Да издам, издам тебя в исторической перспективе. Книжку прозы твою повезу – «Липу вековую» – в Париж, на Всемирную выставку». И другую – в Гамбург, в Гамбург, в Пекин потом, в Поднебесную. А я ему говорю: «Да что ж я сам, что ли, не отвез бы, так сказать, от имени Автора?». – «А я тебе что – бирюлька, что ли, какая? Все же директор. А ты кто такой? – «А я Автор, – говорю. – Много вас, таких на нашу шею найдется. Фининспектор нашелся какой». «Да почему хоть фининспектор-то? Я все же директор и тут, и там был, ранее». – «А потому что фининспекторы после войны были самые нелюди на земле. Как и у Шукшина. Шкуру с нас драли, с детства помню. Все мужики у нас в семье не вернулись с войны. Моя мать сколько сирот подняла – детей с войны не вернувшихся братьев, меня – безотцовщину... А фининспектор все под окном, бывало, корячится, чтобы поймать ее, задавить налогом. Это как и у Марии Сергеевны – матери Шукшина с ее двумя детьми... все норовили отобрать последний кусок...»

Да, ну ладно. Вот я и говорю им, французам-то, как я Рембо ихнего с юга из Марселя, в Шарлевиль, на север Франции, переместил. Так вот, мы в составе группы в Москву ехали, еще

при том режиме, на выставку французского поэта Рембо. В бывшей Ленинке была она – в составе нас ректор, проректоры и мы с художником Курнаковым. В маленьком автобусике. Ну, приехали. Встретили нас, с кем надо мы, значит, встретились. Главное с господином Майором. Не с офицером, заметим, нашей армии, а что по культуре – из ЮНЕСКО, что в Женеве, на берегу Женевского озера. Вышел он на порог, а я и говорю:

– А, это вы господин майор, да? А у нас до революции за такой чин уже землю и дворянство давали.

А он мне и говорит:

– А Рембо вы знаете?

– А как же, – говорю. – Стихи писал с 16 до 19 лет. Три периода. До третьего и сейчас никак не дотянемся. А потом взял плюнул на это дело и работоторговлей занялся в Африке, продажей оружия.

– Это почему же? – говорит.

– А из чувства протеста.

– Ну и дальше что? – говорит. – Есть еще что-нибудь интересное?

– Каталонцы да и французы, – говорю, – его в яму для бедных бросили. Как несколько ранее на родине великого Рембранта, но прах того уж давно перенесли. А этот... Рембо... сам ходить в Марселе не мог, было с ногами что-то... так едва доплелся до кладбища и прилег... очутился в яме для бедных... А теперь весь мир его любит. Президент Франции Помпиду, тоже автор антологии, так сказал о «Пьяном корабле» Рембо: «До чего вещь неправильная и до чего же прекрасна!»

– Ну и что? – говорит г. Майор. – А что далее?

– В антологию попал и ко мне, – говорю. – И с «Пьяным кораблем», и со «Спящим в ложбине». Самая большая мечта у меня такая: попасть в Марсель, поклониться поэту. Хоть и в общей яме он, в братской могиле. Вот такая моя сейчас самая большая мечта, господин Майор!

– Ладно, ладно, – говорит каталонец вроде майор, а на самом деле еще и генерал по культуре.

И вот сын мой побывал недавно во Франции, в университете на стажировке. Как раз в Шампани – Арденн. Откуда Рембо. В

Шарлевиль съездил, конечно. Музей теперь там Рембо. И могилка его, и лежит он ныне рядом со своей матерью. И люди, земляки его знают, всякое про поэта рассказывают, что еще от бабушек, дедов помнится. И так захотелось мне господину Майору как-то выразить благодарность.

И звоню я домой одному тут. Сборная СССР. Макаревич, что ли, или Макарчук.

– Ты майор? – говорю.

– Майор, – отвечает. – В отставке. А что?

– В отставке, – говорю, – Майоры не бывают. Они всегда на страже культуры на берегу Женевского озера, где швейцарские банки.

– Ну и что? – говорит. – А майор-то тут причем?

– Рембо – французский поэт, – говорю, – есть такой. Всемирное достояние. Ух! Даже песню спел я на его стихи, сам музыку сочинил. И слова. Так вот, он теперь лежит в своей могилке – в Шарлевиле, рядом с матерью, понял?

– Понял, понял, – говорит бывший майор нашей русской армии, только в отставке.

– Возьми почитай, – говорю. – Не оторвешься!

Слаб стал в коленках Козьма Прутков – в лирику вдарился, больно слезлив, лирическим исделался, лишнее стал говорить. Ничего не попишешь – все у меня не как у людей, года от прозы к лире клонят. И я, откровенно признаюсь, ей все активней отдаюсь. Вот такие штуки из тебя так и прут, брызги эти летят, ремейки получают, Брут!

50 а. «Да кто ж ты такой?»

Вот он и спрашивает меня повторно, добиваясь ответа: «Да кто ж ты такой – гений или герой?» – Да кто ж его знает, – отвечаю. – Белинский я или Махно». – «Как это, как это?» – «Да так это, так это, Попокатепетль». Повторяю ответ. Но с другого ракурса.

Вот приехал Белинский совсем молодым в Санкт-Петербург в роли артиста в собственной пьесе. Поставил спектакль – нет эффекта. Пишет домой к себе в Пензу: гений мой слишком слаб. Будем пробовать себя на другом поприще.

– Ну, а Махно?

– Взяли махновцы продотрядовцев в плен, привели к самому батьке вместе со всем отобранным у трудового селянства. Ну что с таким контингентом делать? В ров. А с молодым, восемнадцатилетним, батьке захотелось лично погутарить. Да так интересно обоим стало. Оказалось, молодой продотрядовец – это Шолохов. После Михаил Александрович много чего взял у батьки для Гришки Мелехова из «Тихого Дона». Вот тебе и литературный герой. Прототип. Человек, сидящий на своем стуле.

50 б. А боги все видят

Вот он и говорит: – Так какой писатель все-таки главнее – гениальный или великий?

– Гениальный, – говорю, – это, который с богами связан, посвященный, сведущий – от слова «ведать», «веды». Знает много чего по ту сторону, один такой на миллион.

– А великий? – говорит.

– Это, – говорю, – которого люди знают, много чего выразил и напечатал, миру добротню представлен.

– А боги, – говорит, – такого знают?

– Таких, как Шолохов, – говорю, – знают. А иного и знать не хотят.

– Это кого же?

– По Аристотелю: одни служат Богу, другие – прагматикам. Однако «машина времени» в руках у богов. Ну, например, если взять Гомера, Шекспира, Толстого, Пушкина, Есенина, а не какого-нибудь безответственного секретаря.

50 в. Фифти-фифти, пятьдесят на пятьдесят

Вот он звонит ему и говорит: – К 50-летию Орловской писательской организации мне поручено список членов составить. Вот, так ли? – И читает длинный список по алфавиту.

– Никакого Головина, – говорю, – не было. И Патенкова тоже, несмотря на то, что он являлся редактором «Орловской правды» и помогал Блынскому.

Он и говорит:

– Ну тогда пятьдесят один член. Итого.

А я ему:

– Итого! Организации 50 лет, а членов 51. Нет системы... Ах, да! – говорю. – Так Проскурин тоже не был членом организации.

– Так почетный член-то, – говорит. – Вон на стенку повесили.

– Почетный-то почетный, – говорю, – но членом организации не был. Вы же про это спрашиваете?

Родился и похоронен в Брянске, а в Орел попал на какое-то время с Востока. И сразу в Москву. Орел был ему как аэродром подскока.

– Ну да, брянский, – говорит. – Между прочим, тебе рекомендацию давал.

– Ну и что ж, за творчество, – говорю. – Вот именно, спрашиваете, кто был членом, так я вам и отвечаю. Как системный человек, а не человек системы. Когда был Седьмым, приглашал его, помню, в Орел. А он, гырит, времени нет на Орел, я, гырьт, во всех президиумах (заметим, вдвоем с Анатолием Ивановым из Новосибирска) сижу от Дальнего Востока. А Орел – так, критический реализм. «Словецких» отцов у писателей тут многовато.

Пришел Горбачев, и с тем Лукич сидел в Президиуме съезда. Был в той системе. Пока Союз не развалился. Между прочим, Десятый у нас, как и Брежнев, сидит на стульчике уже семнадцать лет из своих семидесяти. Вот и помещает себя-то в президиум, то на другую страницу журнала.

– Да что ж ты лепишь-то! – говорит он. – Все подряд, лепишь и лепишь.

– Вы спросили, я и ответил, – говорю. – Как есть. Фифти-фифти. Пятьдесят на пятьдесят. Вишь, что ни год – все по члену, по члену, а до головы и сердца, где собака зарыта, дело не доходит.

50 г. Проверка таланта. На стуле Анатолия Иванова

Вот после Творческого зонального семинара в Туле отобрали у него рассказы для журнала «Молодая гвардия». Собираются публиковать. Анатолий Степанович ему и говорит:

– А ну пиши кончик к рассказу «Аксиньин свет».

И посадил на свой стул за своим «главноредакторским» столом. И тот вот старается, вот пыхтит над строкой перед мастером. Написал, обрадовался, подает Анатолию Степаньчу, а тот ему, улыбаясь:

– Да мы в типографию гранки уже отправили. И так хорош. Будешь, парень, романы писать...

– Почему? – говорит он, думая: «Про романы говорит, потому что сам романист».

– А судьба есть у героя твоего даже в рассказе. Вот почему.

50 д. При переписи населения

Вопрос: Кто выше – стол или стул? Столоначальник или писатель?

Ответ. Смотря в каких кругах. С печатью или без печати.

50 е. После переписи населения

А.С.Пушкин: «... ехал на юг от Калуги через Белев, Орел (на Малоархангельск) «зато увидел Ермолова». А четырех нет за четыре то года.

50 ж. Сага про «самозванца»

На одной из творческих встреч кто-то кого-то каким-то намеком назвал его стул «самозванским». Я подумал: «Про кого это?» В самом деле, это я сам себя назвал Козьмой Прутковым, начирикал столько глупых рассказиков. А со всем остальным у меня все в порядке, сижу на своем стуле. Прошел по всем

творческим семинарам – областным и российским – по высшей мерке. Заслужил «добро» тогдашних корифеев: Анатолия Степановича Иванова («Тени исчезают в полдень»), Проскурина Петра Лукича («Судьба»), этот обозвал меня в предисловии «несомненным талантом», дал в СП рекомендацию. Кстати я был принят в СП и тут, и в Москве единогласно, что крайне редко бывает.

Мое имя попало в учебник для филфаков вузов страны под редакцией профессора П.С.Выходцева, вошло в дюжину лучших современных рассказчиков, включено в Энциклопедию по культурно-историческому наследию в Воронеже, где я родился. Не раз отмечала литературная критика, выделяя те или иные художественные достоинства (например, П. Майданюк из Самарканда в московском журнале, А. Логвинов из Орла в столичном сборнике и др.).

А в нашем СП все молчат, имя мое горло перехватило, а имяя ведь красивое.

50 з. За главным столом

Особо трогает меня оценка фронтовиков, например, Ольги Константиновны Кожуховой – известной московской писательницы. В войну она была медсестрой, не одного-то раненого вынесла с поля боя (повесть «Двум смертям не бывать»). А такой факт просто греет душу. Было пятидесятилетие журнала «Молодая гвардия», открывшего когда-то Михаила Шолохова и Николая Островского, и я как прозаик с поэтессой Зульфией, были единственные из молодых авторов, кого пригласили за товарищеский стол. Дело было в лесном ресторане на окраине Москвы, в Архангельском. И тут Анатолий Степанович Иванов, бывший главным редактором, подзывает меня и говорит, указывая на своего соседа, тот сидит рядом с ним:

– А этого человека ты знаешь?

– А как же, – говорю. – Как Чапаев, тоже Василий Иванович... Чуйков Василий Иванович – командующий 62-й армией, герой Сталинграда ...

Вот Чуйков и говорит Анатолию Иванову, кивнув на меня:

– А это кто у вас?

А Анатолий Иванов улыбается:

– Наш человек. Только что с БАМа вернулся.

Тогда Василий Иванович поднимается и говорит на весь стол:

– Друзья! Предлагают тост. Вот за этого молодого человека.

Наша надежда это в жизни и в литературе.

С тем и живу. «Надежей» зовут. Без всяких химер, святой истинный крест.

50 и. Могучая кучка *(для истории жизни в литературе)*

Когда писал историческую трагедию 12 факторов воздействовали. Невероятно.

1. Плотность по времени (написано за шесть дней).
 2. Как раз выходила книга «Девятая пятница» (читал, вычитывал).
 3. Воздействовал сам издатель этой темой французской.
 4. Сын со своей докторской диссертацией.
 5. Юбилей Попова не из литературы, а из культа культуры.
 6. Встреча с Ревякиным О.Н. на новом стуле.
 7. Смерть соседа по квартире (пролежал через стенку один тут в жару несколько дней).
 8. Уход из жизни еще одного хорошего поэта (Ивана Александрова).
 9. Малоархангельск с возможной поездкой на родник Девятая пятница.
 10. Курск с его поездкой (год кончины первого друга, визит в КГУ).
 11. Правда, яблоки ел – антоновку, сколько хотелось (ярмарка, покупали на зиму картошку).
 12. Болезни давили, традиционная и новая: вдруг почти оглох, потом отошло. Осень, холодновато в комнате, а ведь сутками напролет на стуле-то сижу.
 13. Витя Скворец залетел в окно – кое-что ремонтировать.
- P.S. И все получилось. Стул как стул. С 21 сентября, а 26-го вечером – могучая кучка, историческая трагедия. Прорези, энергетика, новизна.

Альбина Ермакова. О Саше Логвинове – ученом, критике, поэте и мужике

Хочешь понять поэта – побывай на его родине. А Родина поэта Александра Логвинова – деревня Шамардино, лежащая на полпути из Болхова в Белев, из края св. Макария (Глухарева) и поэта Апухтина в край св. Макария (Жабынского) и поэта Жуковского. Верно, оттого Саша и родился подвижником. Видно, потому Александр стал поэтом.

Каждый юбилей – время предварительных итогов. 60 лет – контрольная цифра. Время предъявляет счет; человек представляет на поверку свою биографию. У Александра Серафимовича Логвинова, праздновавшего эту дату 1 марта, было что ответить на вечный вопрос: что ты сделал для отечества своего? Вернее, отвечал не он – за него говорили другие. Говорили за него и о нем, говорили по существу дела и по зову сердца.

Официальная часть прошла в музее писателей-орловцев, в котором началась творческая жизнь Логвинова. Однокурсники вспоминали, каким Саша был в студенческие годы: добрым к друзьям и жадным до знаний. Если человека через годы вспоминают с радостью – это дорогого стоит. Коллеги по музейной работе знали Логвинова как пытливого исследователя и блистательного популяризатора орловских литераторов. Его экскурсии и публикации отличались глубиной и образностью. На ранее неизвестных и неизученных материалах была написана кандидатская диссертация – одна из первых у нас серьезных работ по творчеству Ивана Бунина. Коллеги по преподавательской деятельности в институте культуры и искусств тепло и с некоторым юмором отметили особое положение Логвинова в учебном процессе – художника в педагогике. Уникальность его личности как преподавателя помножает содержание предмета на форму изложения, что высоко ценят и на кафедре, и в аудитории.

Но более всех его чествовали собратья – писатели. Да и как иначе, ведь Логвинов едва ли не единственный филолог, высту-

пивший еще когда в роли литературного критика. В его московской книге «На стрежне жизни», в «Приокских родниках», выдержавших два издания, даны «разборки полетов» молодого орлиного выводка над знаменитыми орловскими «мелкими водами», вспоившими столько русских литераторов. А еще больше славил его как поэта – славил его же стихами, которые многие помнили наизусть – по строчке, по строфе, по стиху.

«О, как в судьбе соединить
Ушедших душ и душ начало.
Чтобы связующая нить
Времен торжественно звучала».

С истинным мастерством и с глубоким волнением читала свои любимые строки Л.В.Иванова, знавшая поэта многие годы.

Юбилей, исчерпав официальную часть должной мерой речей, цветов и подношений, продолжился в дружеской обстановке, в уютном доме Союза писателей, куда допоздна подходили гости и старые товарищи. Высокий хор вбирал в себя все новые и новые голоса. И получилось так, что все говорили об одной личности, а словно о разных людях. О музейшике. О журналисте. Об ученом. О поэте. О мужике.

Да, о мужике! Именно о мужике во всех значениях этого старинного, честного русского слова.

О муже, упорном в своих намерениях и последовательном в духовном стремлении быть заодно с народом в трудах и в бедах.

О человеке, достойно несущем свой, ох, какой нелегкий крест, крест многотрудной жизни; о таких говорят: настоящий мужик.

О природном крестьянине, чья густая русская кровь будоражится по весне неудержимой тягой в поле, чтобы стать самому свидетелем и участником обыкновенного чуда – пробуждения и роста живой силы родной земли.

Хочешь понять поэта – вслушайся в его стихи. Хочешь понять человека – побывай на встрече с ним. Читатели и почитатели Александра Серафимовича Логвинова от души желали ему всего самого лучшего, а от него желали только одного – новой книги.

Поэт обещал: будет!

Рожкова Р. В.
Памяти Александра Логвинова, –
поэта, критика, ученого

Снова оглушила печальная весть: ушел из жизни поэт, критик Александр Логвинов.

О его стихах, статьях расскажут специалисты, собраты по перу. Мне же хочется вспомнить его первую книгу в Москве как критика «На стрежне жизни» о тогда молодых прозаиках Леонарде Золотареве и Иване Подсвиروه, его самого как одного из членов своеобразного литературного кружка, объединившего таких разных в то время молодых людей, как Анатолий Шилаев, Виктор Дронников, моего мужа – Петра Родичева.

Их объединяла любовь к литературе, поэзии. Они были задорны, веселы, бескомпромиссны и могли часами читать стихи и, конечно, спорить о них до изнеможения, забыв иногда о времени, о ждущих их дома женах и детях. Но они не только любили стихи, написанные другими. Все они пробовали и оттачивали в спорах свое поэтическое перо. Да, они могли в запальчивости сказать что-то нелicenseрное о стихах другого, но эта запальчивость – от высокой требовательности. Один за другими стали они выпускать свои первые – скромные по объему книжечки стихов, затем – посолиднее. Кроме любви к прозе, поэзии, молодых объединял возраст, тяжелое послевоенное детство: голод, холод, ранний тяжелый труд, поиск своего места жизни и любовь к природе, к своей малой и большой Родине. Все это отражалось в их строках. Они учились не только в школе, институте, но и у самой жизни, занимались каждодневным самообразованием. Я помню их разговоры о философии, искусстве и телефонные звонки, кто «достал» интересную книгу, у кого получилась хорошая строчка. Я думаю, что это их тесное общение не прошло впустую. Все они стали поэтами, писателями, критиками, известными литературной Орловщине. Со временем их пути разошлись. У каждого свои привязанности в литературе и жизни, но мне хочется помнить их молодыми, спорящими. Это было время их становле-

ния, как художников слова, и они дополняли друг друга, понимали и прощали иногда неприятные слова, сказанные сгоряча.

И вот не стало поэта Саши, Александра Серафимовича Логвинова.

Я вспоминаю ставшие в последние годы все реже и реже встречи с ним, телефонные звонки. Но если они были, все также читались стихи про его родную Черногрязку, об умирающих деревьях.

Меня всегда удивляла его человечность, чуткость и к слову, и к людям. Я не помню, чтобы Саша говорил о ком-то плохо, со злобой. Он имел свою точку зрения на критику, считал, что критиковать можно уже ушедших литераторов, а о живых надо говорить только добрые слова. Он преподавал литературу в институте культуры, старался привить своим студентам любовь к слову, помогал начинающим литераторам, преподавал в «Школе поэзии имени Г.Н. Мальцевой» по рекомендации П.И. Родичева.

Мне хочется вспомнить некоторые стихи Александра Серафимовича и вместе с читателями газеты насладиться его взволнованными, полными любви стихами о природе, деревьях, деревенском тяжелом труде, о любви к матери, отцу, женщине, строками, наполненными болью за разрушенную страну.

«Хочешь, я прочитаю стихи
О далеком, давно забытом,
Как мальчишками мы
Атаковывали лопухи,
Отплывали в поход на корыте разбитом.

В пыль летели листья, след бежал по воде,
День весенний удачею правил.
И никто никогда и нигде
Никого не ударил без правил.
Драться было ж нам не расчет,
Не расчет тратить попусту силы.
Слишком сильно война уравнила наш счет,
Заглянув в каждый дом из могилы.

И делили мы трудность на всех,
Как на всех среднерусское лето.
И звенел наш заливчатый смех,
И дивилась веселью планета».

(«Разнотравье». Тула, 1976, стр. 14)

* * *

«Бродил я, мыслями расстроен,
Сидел над омутом на пне.
Лес отдыхал, струясь покоем,
И отдыхать позволил мне.

Тропой пожухлой и заволглой
Сквозь заросли, сквозь тишину
Я, как больной сомнением долгим,
Пришел на исповедь к нему.

Лечил он бережно и строго,
Как только в детстве лечит мать.
И я его рукою трогал,
Во всем стараясь понимать.

А он шумел, шумел былинно,
По небу ветви разметав,
Над хором птичьим, над картиной
Столетних мхов и юных трав».
(«Разнотравье». Тула, 1976, стр. 21)

* * *

«Песня соловьиная – у лета,
Голос соловьиный – у любви.
В жарком мире запахов и света
Дай мне руки смуглые твои.

И веди, веди меня по весям
В звонах угасающего дня.

Только б сердцу замереть от песен,
Трепетать от силы и огня.
Одари целительным недугом,
Маяться тобою до зари.
Самым лучшим, самым верным другом -
Нежностью тревожной одари.

Чтоб всегда, как светлая примета,
Овевали все пути мои
Песня соловьиная – у лета,
Голос соловьиный – у любви».
(«Разнотравье». Тула, 1976, стр. 24)

* * *

«Извечно сердце бредит женщиной.
Гляжу в глаза, как в омут, я,
И вновь до боли переменчива
Непостоянность бытия,

И вновь без времени и срока,
Перехлестнувшись, заплелись
Две пары рук, как два потока,
И сладок миг. И вечна жизнь.

И светел день. И жар не стынет,
И ты от жизни не устал.
Наперекор былой пустыне
Летит любви девятый вал.

(«Окоем», Вешние воды, 1995, стр. 171)

Жаль, что литературная Орловщина потеряла самобытного поэта, еще многими стихами мог бы он порадовать любителей поэзии.

Но и то, что он написал, будет читаться и читаться.
Вдова поэта Петра Родичева –

Леонард Золотарев

Слово о Саше Логвинове

*Из мюзикла «Тот солнечный Марсель (Хромая лошадь)»
в книге «Девятая Пятница» Леонарда Золотарева*

Строка Саши Логвинова «Идут, идут упрямо мужики» стала «Песней мужиков», которую спел я Саше в последний раз по телефону. Итак, Саше Логвинову.

«Сквозь снег и дождь, цунами, грозы
Библейским шагом от Луки,
От женщин отводя угрозы, от женщин отводя угрозы,
«Идут, идут упрямо мужики!»

ПРИПЕВ. В холодок нам солнышко обещано,
А в жару – тенек из-под руки.
Кошки – это женщины, кошки – это женщины!
А собаки – мужики! А собаки – мужики!
«Идут, идут упрямо мужики!»
К своей мечте, к заветной цели
Даль ни по чем, страх не при чем,
Плечом в плечо, в одной артели
«Идут, идут упрямо мужики!»

ПРИПЕВ. В холодок нам солнышко обещано,
А в жару – тенек из-под руки.
Кошки – это женщины, кошки – это женщины,
А собаки – мужики, а собаки – мужики.

«Идут, идут упрямо мужики».
Зал встает, все поют стоя, аплодируя сами себе.
В холодок нам солнышко обещано,
А в жару – тенек из-под руки.
Кошки – это женщины, кошки – это женщины,
А собаки – мужики, а собаки – мужики.
К своей мечте, к заветной цели –

«Идут, идут упрямо мужики!»).

Саша Логвинов звал жену мою Людмилу Серафимовну своей сестрой, он тоже был, как и она, по отчеству – Серафимович, Александр Серафимович.

«*Фатьяновские соловьи*» (*Поющий поэт*)

Анатолию Шиляеву

Мы жили с поэтом Анатолием Шиляевым по соседству – стенка в стенку, балкон в балкон, но в разных подъездах. И, как только наступал Пушкинский день – 19 октября, мы знали: сейчас, с утра, в двери раздастся звонок, и знакомый голос, вслед за поздравлением с днем рождения жене моей Людмиле Серафимовне – произнесет магические пушкинские слова:

«Друзья мои! Прекрасен наш союз.

Он, как душа, неразделим и вечен,

Неколебим, свободен и беспечен.

Срастался он под сенью добрых муз».

Этот ритуал повторялся ежегодно, голос поэта во мне звучит по сей день.

И, что интересно, на Рязанщине у поэтов существует культ Есенина, как, в общем-то, и по всей Руси. Однако именно некоторые рязанцы, демонстрируют такой сгусток поэтического духа и технических приемов Есенина, что по концентрации он, пожалуй, превосходят и есенинский гений. Точно так же и у нас на Орловщине – родине Фета. В былые времена некоторых поэтов-орловцев, идущих по стопам классика русской поэзии, называли иронично даже «фетятами».

У поэта Анатолия Шиляева своя собственная стезя на общей нашей – пушкинской дороге в литературе. И это я понял однажды, когда Орловщина отмечала очередную годовщину своего Освобождения в Великой Отечественной войне. Помнится, пришел я из газеты «Орловские вести», где как раз публиковались мои переводы с древнерусского «Слова о полку Игореве», в Дом литераторов, что на «Тургеневском берегу», а там за большим полукруглым

столом уже заседали писатели. И тогдашний ответственный секретарь Леонид Юрьевич Моисеев, увидев меня, сказал:

– А у нас гостя: жена прекрасного русского поэта Алексея Фатьянова – Галина Николаевна. Скажи, Леонард Михайлович, слово.

Я встал тогда и провозгласил тост за песни Алексея Фатьянова, который ушел на войну из Орла, будучи художественным руководителем Ансамбля Орловского военного округа. С детства помню, как осенью сорок первого последний, изможденный отступлениями батальон нашей армии покидал Малоархангельск. А вернулись наши 23 февраля – в День Красной Армии – в новеньких полушубках, шапках-ушанках, с новенькими автоматами и с песнями Алексея Фатьянова.

И тут я запел его знаменитую песню:

– Соловьи, соловьи,
Не тревожьте солдат...

Галина Николаевна подбежала ко мне и в порыве чувств поцеловала в щеку. И этот поцелуй как высшая награда жжет меня до сих пор. А рядом со мной за нашим большим полукруглым столом сидел тогда наш поэт Анатолий Шилиев, и он подпевал мне. И тогда еще мне подумалось, что это ведь наш, орловский «Фатьянов», что стихи его также просты, безыскусны, поэтичны и поются как-то по-русски, по-фатьяновски. Галина Николаевна попросила меня в тот день спеть еще на встрече с народом в Орле – все тех же фатьяновских «Соловьев». И еще Галина Николаевна попросила спеть вечером на общегородском концерте у Стеллы, что на слиянии рек Оки и Орлика. Спеть вместе с Валею Толкуновой. А я застеснялся, сгорел весь от стеснения перед такой певицей и просто замечательной русской женщиной. У меня было два таких момента в жизни: не спел вот с Валею Толкуновой и не встретился с Шолоховым. Был в Ростове по линии ВААП – по авторским правам и оказался в одном номере гостиницы с соседом Шолоховых по Вешкам – шофером облпотребсоюза, который утром как раз отправлялся в Вешки. Оказывается, мать его была настолько дружна с Шолоховыми, что ходила к ним запросто, как к себе домой.

Так вот, весь тот день, до самого вечера, втроем (мы с Анатолием Шилиевым и еще был с нами один «каперанг» – капитан

первого ранга – председатель клуба Фатьяновской песни в городке Вязники, что на Владимирщине, где родился поэт) бродили по горсаду, по улицам Орла, и от души пели песни Фатьянова. Я и сейчас знаю на память почти все его песни с военных и послевоенных времен. Вот они, эти песни: «Звездочка», «Где же вы, друзья-однопольчане?», «Перелетные птицы» из кинофильма «Весна на Заречной улице», куплеты Коли Курочкина: «Хвастать, милая не стану...» И Анатолий Шилиев, конечно, тоже их знал...

И вот я перебираю сборники его стихов с теплыми дарственными надписями: «Глубина сердца» (1966), «Высокие деревья» (1968), «Русская равнина» (1970), «Движение» (1974), «Зеленый берег» (1975). И вспоминаю его самого, его простое русское лицо, его гладкие русые волосы, тихий теноровый говорок. Ничего, кажется, героического в облике этого простого русского человека. И вот такой трагический случай. Как, бывало, наши солдаты и офицеры, в войну грудь заслоняли Родину-мать, так и Анатолий Шилиев, когда ехал с малолетней дочкой, на опасном повороте где-то за городом в автокатастрофе, говорят, заслонил собой дочь, а сам погиб.

Погиб поэт, а дочь его живет до сих пор со светлой памятью об отце. И по-другому теперь читаются стихи Анатолия Шилиева о прошедшей войне, о наших героях-отцах.

«На зеленых холмах
Дремлет древняя Русь.
В ней и силы размах,
В ней и сказка, и грусть.
Речек русскую речь,
Тропок светлую нить
Как же нам не беречь,
Как же нам не любить!...
На зеленых холмах
Мне Россия видна,
Силы русской размах
И души глубина.
Речек русскую речь,
Тропок светлую нить

Как же нам не беречь,
Как же нам не любить!»
(Из сборника «Зеленый берег»)

Вообще-то у Анатолия Шилиева остались две дочери, и одна из них пошла по стезе отца. Старшая – Лена пишет своеобразные, но, как и отец, тоже хорошие стихи. Стихи Анатолия Шилиева работают на нашу жизнь, в том числе и на тему прошедшей войны, звучащей, как эхо в нашем поколении, являясь подвижным примером для молодых.

«Гроза сгущается над миром.
Уже вдали грохочет гром,
И плачет женщина о милом,
Который не вернется в дом.
А может очень, очень скоро
И ты заплачешь обо мне.
В бою наткнувшись на осколок,
Я упаду среди камней.
Тебе напишут: «Пал героем...»
Тебе расскажут: «Был бойцом...»
Но это будет повторенье
Судьбы отцов...».

*Это стихи поэта из его последнего сборника
«Зеленый берег» (Приокиздат, 1975).*

Когда-то поэт Виктор Дронников попросил меня положить на мелодию его новые стихи. Попробовал – не получается, не на все стихи, оказывается, пишутся-то песни. И тогда я взял и посвятил Виктору Дронникову другую свою авторскую песню «Журавли колесом». Это про то, как журавли осенью, бывало, ходили «колесом», пролетая над нашими обоженными войной поэтическими местами. И летали они испокон веков клином – двумя рядами штук по двадцать пять. И вот летели они в одну струнку, и всего-то было их семеро... и защемило вдруг сердце...

Вот и на стихи Анатолия Шилиева глянул я тогда как-то по-особому, и потекли во мне одна за другой мелодии, запелись вслед

за фатьяновскими «Соловьями». Настоящие поэты – они всегда, как солдаты, в строю. Перед прошлым, военным, героическим – временем наших отцов, старших братьев, матерей и сестер. Перед настоящим – сложным, противоречивым, когда пишутся технически сложные, вроде бы совершенные, но обездушенные, компьютерные стихи. Поэт Анатолий Шилаев до сих пор показывает нам свою русскую душу, глубины своего сердца, поэтическую, внешне простую строку. Это поющий поэт, воспевающий и сейчас нашу «русскую равнину» с ее тихой, исповедальной красотой, и я пою его стихи, кладу на музыку души его слова, и получаются песни. Вот одна из таких песен, как эхо прошедшей войны.

«Обелиск»

«Может, под Орлом или под Курском.

Родину, любовь свою храня,

Падали солдаты в поле русском,

Помнили солдаты про меня.

Верили в победу и Россию,

Падая в сожженную траву.

Верили, что трудности осилю

И за них на свете доживу.

Я у обелиска не присяду,

Молча и взволнованно стою,

Словно павшим воинам присягу

В этот миг торжественно даю».

И опять, как бывало, когда приближается Пушкинское 19 октября, мне кажется, что вот-вот вновь раздастся звонок в нашей двери и знакомый голос произнесет пушкинское, незабываемое, вечное:

«Друзья мои! Прекрасен наш союз!»

Леонард Золотарев
МОГУЧАЯ КУЧКА, ИЛИ ТРАГЕДИЯ
НА НЕРЛИ
(в трех действиях)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (1111-1174) – Великий Князь Древней Руси во Владимире.

КУЧКА СТЕПАН ИВАНЫЧ – боярин, из местных угрофинских племен, первый владетель малого поселения Москва.

КУЧКОВИЧИ:

БОРИС – его старший сын

ГЛЕБ – его младший сын

ЛУЧЕЗАРА СТЕПАНОВНА – их сестра, первая жена Андрея Боголюбского.

РУССКИЕ КНЯЗЬЯ:

СУЗДАЛЬСКИЙ – Сузя (разгов.)

ТВЕРСКОЙ – Тверя

СМОЛЕНСКИЙ – Смоля

КНЯЗЬ МСТИСЛАВ, севший на киевский «стол» после Юрия Долгорукого.

ЗОСИМ – боярин Владимирского промыслового приказа

САМСОН – боярин Владимирского торгового приказа

БОЯРИН-РАСПОРЯДИТЕЛЬ.

ОТЕЦ КИПРИАН – настоятель Боголюбского собора, из киевлян, а еще раньше из греков.

ПАРМЕНОН, ОН ЖЕ ПАРАМОХА – советник Андрея Боголюбского, монах-летописец, ведущий свод законов, предсказатель судьбы, из московитов, а еще раньше из греков.

НИКИТА БАКУЧИН – молодой стражник при Андрее Боголюбском из московитов, дальний родич Кучковичей.

ПИСТИМЕЯ (в миру Ольда) – молодая монахиня из Владимирского женского монастыря, невеста Христова, тайно любящая Никиту.

МАТЬ ФЕОКТИСТА – игуменья Владимирского женского монастыря, соперница отца Киприана.

БАБА МЕФОДЬЕВНА – кормилица Андрея Боголюбского из местных, боголюбовских.

ВНУК ее, стражник князя.

БОРИС и **ГЛЕБ** – молодые Кучковичи, сыны боярина Кучки.

Татарский лазутчик.

Тверской лазутчик.

Киевская тетка с клюкой.

Старший мастеровой во Владимире.

Мальчик в лесу – он же лесной бог Пан.

ПРИЗРАК ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО – Великого Князя Древней Руси в Киеве (1154-1157 гг.), основателя Москвы как города с великим будущим.

Силуэты, возникающие попеременно внутри на куполе Боголюбовского храма:

Святой Великой Княгини Ольги,

Святого Великого Князя Владимира,

Византийского императора Константина.

Тени самодержцев всея Руси:

ИВАНА ГРОЗНОГО,

ПЕТРА ВЕЛИКОГО,

ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ,

НИКОЛАЯ ВТОРОГО

Зыбкий лик **ИОСИФА СТАЛИНА.**

Видения, голоса.

Великокняжеские палаты во Владимире и Боголюбове, бояре, служители храмов, княжеская дружина и стража, жители старших и младших городов Ростово-Суздальской Руси, крестьяне – смерды, чужь и веспы, жители местных угро-финских племен, «хожалые» люди из южнорусских – Киевских и Черниговских земель.

Действие происходит в 12 веке – в стольных русских городах Киеве и Владимире, в младших русских городах Боголюбове и Москве. Трагедия посвящена первым шагам Москвы, раскрывающим феномен ее быстро утверждающейся государственности под крылом идеи «Третьего Рима», затем «Нового Иерусалима».

ПРОЛОГ

Авансцена. На ярком, ало-золотом занавесе икона Владимирской божьей матери.

ГОЛОС СВЫШЕ. Видите? Она мироточит. Крупная, искрящаяся капля, словно слеза, движется от самого глаза по левой щеке. Что за этим стоит? Больше трагические события, которые должны еще только произойти тут на Клязьме. Будущее всегда скрыто от людского взора, только не перед высшими силами.

Москва как город возникла в 13 веке на перепутье дорог, быстро превращаясь в Московию, Московскую, при скоплении набежавшего сюда от степи русского люда, Русь.

РАЗРОЗНЕННЫЕ ГОЛОСА, ГОЛОС. Москва родилась на крови.

По занавесу бегут смутные блики царей, императоров, самодержцев российских.

ГОЛОС СВЫШЕ. Видите? Слева обличье Андрея Боголюбского. Став Великим князем в Киеве он остался сидеть у себя во Владимире, точнее, в личной более спокойной обители – во владимирском Боголюбово. Он первым, ступив на порог государственности, падет жертвой заговора, стоя у истоков монархии в Древней Руси «как раз перед нашествием монголов» (Маркс).

Российские самодержцы впиваются в образ Андрея Боголюбского: что мнят они в нем, что сами думают о себе? Так чем держат власть?

ИВАН ГРОЗНЫЙ. «Ничем я не горжусь» не хвастаюсь и ни о какой гордости не помышляю, ибо я исполняю свой царский долг и не делаю того, что выше моих сил».

А опричнина, море пролитой крови? А лично убиенный наследник?

ПЕТР ПЕРВЫЙ. «Я прорубаю окно в Европу». А столица империи, построенная на костях?

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. «А я осуществляю предначертанное: бросок на юг, прославянская идея под византийской эгидой... мои полководцы»...

Ну да! Кровь русская, обильно проливаемая рукой врага. Что – русские бабы еще нарожают?

НИКОЛАЙ ВТОРОЙ. «Не повесь мы брата Ульянова, империя бы устояла».

ИОСИФ СТАЛИН, ОН ЖЕ ГРОЗНЫЙ. «Что скажет товарищ Жуков?»

Култ личности. И лагеря, лагеря...

ГОЛОС СВЫШЕ. А что скажет Андрей Боголюбский?

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Боголюбово. Великокняжеские палаты. Боголюбовский храм, где алтарь сияет византийской иконой Божьей Матери, привезенной сюда из Киева.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Великий Князь Андрей Боголюбский и его двор теперь тут в личной обители князя. Куда спокойнее, чем на Днепре, где со всех сторон давит кипящая степь. Придворные, стражники, старшая и младшая дружина, священнослужители, иноземные гости у храма. Обсуждается новость, высказываются мнения. Вся площадь ждет самого Великого Князя.

Сцена первая

Деревянная избушка на краю леса. Просторная луговина, за лугом и речка Нерль. Красавец-храм, церковь Покрова на Нерли. Внутри избушки сидит кто-то в черных одеждах, это княжеский летописец Парменон (Парамоха), предсказатель судьбы.

ПАРАМОХА (*в дверь, во всю силу легких*). А-а-а... Ничего, голосака еще есть! Кому надо услышат... (*Открывает в углу творило*). Тайный подземный ход от палат князя сюда, к Нерли. Про него знаем только мы двое: я да князь Андрей. Какой тесный, кротовый лаз. Сверху потолок белый, из известняка, а чтобы не обвалилось... Страх какой-то, дурные предчувствия, что-то нехорошо. Что-то должно случиться... однако нескоро, через века, как в московском «метро»... Однако спокойно, Парамоха, спокойно... Занесем в скрижали появление тут, на Клязьме, византийской иконы из Киева. Из Вышгорода – это вено святой Ольги. Факт отрядный, но тревожащий. Будоражат всю Киевскую Русь да и тут – Ростов и Суздаль, землю Владимирскую...

Раздается колокольный звон. Бом-бом-бом... ба-ба-ба...

Что это, Парамон? Главный колокол главного храма? Ах да!

Храм Успенский, а сегодня как раз Успенье – «аспос», «яблочный Спас»...

Парамоха крестится в сторону колокольного звона по-местному быстро и суетливо. Успокоясь, кладет на себя божий крест степенно, свободно. как-то с оттяжкой.

ПАРАМОН (*замечая за собой*). Мелко, мелко, суетливо, побесовски. Смерды так крестятся. А мы греки... Что это пономарь так лупит, вкладывает в канон новые звуки, какой в этом смысл? Призывают людей получше подумать о перемещении Византийской Иконы из Киева сюда к нам, на Владимирщину. И мы подумаем с тобой, Парменон. Занесем в летопись, в эти скрижали веков. Сопоставим года жизни князей и княжеств, посмотрим, что из этого выйдет – как скажут потом, из «магии цифр»?..

Летописец откидывает с колен одежды, садится за столик у окна с видом на Нерль. Вслушивается в шум леса. Заносит в скрижаль первую запись.

ПАРМЕНОН (*повторяя вслух*). «Юрий Долгорукий сидел в Киеве, на великом княжении, в 1154-1157 годах. Теперь там Мстислав, его недруг»... Сын Юрия Долгорукого – наш князь Андрей с того года, как умер отец, и стал Великим Князем Древней Руси, однако в Киев за «стол» не пошел, а остался тут, во Владимире, даже в своей обители – Боголюбове, так спокойнее... И вот он Великий князь всей Киевской Руси, а сидит на «столе» во Владимире... Посмотрим же годы жизни его. Родился в необычному году: четыре единицы – 1111-й год. А умер?.. умер когда?..

ПАРМЕНОН (*напряженно всматриваясь за окно в даль времен*). А погибнет... погибнет... в 1174 году. Проживет шестьдесят три года...

А это что? Все Москва, Москва, Москва маячит перед глазами. Почему «Москва»? Когда как город впервые занесена она в скрижали веков? Начинается. Мистика, магия цифр. Переверни у князя Андрея две последние цифры: «74» на «47», получится, Москва – год рождения, вернее, первое упоминание в летописи в 1147 году.

А что было там до того? До того, до того? Малое первое поселение. Москва – владение боярина Кучки, из местных. Москва – от

«московы», «москитов», это вода, много воды – реки Москва, Клязьма... пути сообщения, три дороги: на Восток – Ростово-Суздальская Русь, на земли Владимирские, на юг – в Киевскую Русь, на запад, северо-запад – на Смоленск и на Тверь...

Что предстоит Андрею Боголюбскому? Возможно деление Древней Руси хотя бы надвое: на Русь Киевскую и на Северо-Восточную Русь со «столом» во Владимире... Так и пойдет по векам... Расколы, усобица... То князья были наследными, то бояре вотчинными. Это что Великий князь даст, из его рук что получат... признак государственности, раздираемы противоречиями, а степь валом валит, наступает...

Ну-ка, что там в скрижалях веков? У германцев будет Рейх тысячелетний? А у нас монархия лишь начинается, а когда закончится? 1174-1918, всего 844. До тысячи 156.

ПАРМЕНОН. Значит, когда будут писаться эти строки (2010), до 1000 останется еще 64. Значит, так: $2010 + 64 = 2074$...

ПАРАМОХА (усмехнувшись). Вот когда и у нас на Руси будет 1000-летие государственности, выражаемой монархией... Итак, после 1918-го: Сталин, Брежнев... Ельцин... и кто там еще? Пока не пройдем это тысячелетие, все будем, только говорить о «демосе», «демократии»... до Европы еще далеко...

Парменон, останавливая разгон мыслей, смотрит в окно на вяло текущие воды реки.

Вздыхнув глубоко.

История – это такая река,

Неостановима, пока

Текут и текут за веками века

Сквозь княжества, сквозь облака.

(Положив стело на столик). Надо князю сказать, когда призовет к себе посоветоваться... Об чем – о «тысячелетнем Рейхе», о «демократии»? О судьбе его личной, трагической... о Москве, двуглавым орле – головой на Восток и на Запад... о времени, когда так же, как и начиналась, трагически на Руси пресечется монархия?..

ПАРАМОХА *(задорно этак, услышав за стеной избушки шаги, треск валежника в приоткрытую дверь).* Эй, кто там? Кто та-а-

ам!.. Только ветер. Олень, наверное, пробежал или кабарожка. Шаги молодые, легкие. Не медведь, этого-то ты когда-то испытал на себе.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Это, наверное, молодой олень, или кабарожка. Можно понимать под оленем – молодой стражник при Андрее Боголюбском, личный его телохранитель, Никита Бакучин из москвитов, дальний родич Кучковичей. Под кабарожкой – Пистимея (в миру Ольда) – молодая монашка из Владимирского женского монастыря. Состоит при игуменье Феоктисте. Не впервые тут – Христова невеста, тайно любит Никиту.

ПИСТИМЕЯ, МОНАШКА ОЛЬДА (*отстраняя от себя Никиту*). Не трогай меня, не касайся. Я же Богу отдана, с ним повенчана.

НИКИТА (*обхватывая обеими руками тонкий, змеиный стан Ольды в черных одеждах*). А у меня Бог – Перун. Наш тут, местный, лесной бог. Что нам Киев и греки?

ПИСТИМЕЯ – МОНАШКА ОЛЬДА. А твой князь Андрей, при котором ты, поклоняется ведь Византии. Ольгина икона из Киева, но, говорят, она – греческая, из Цареграда.

НИКИТА. Что нам Киев, «стол» теперь тут у нас. Князь Андрей в Боголюбово на великом княжении... Ну поди, поди ко мне, кабарожка... Сними черное покрывало, прислони светлую головку...

МОНАХИНЯ ОЛЬДА. Не сниму.

Никита тянется ней, ухватывает за край черного платка, силой тащит к себе вместе с Ольдой. Ольда вырывается, прыгает в кусты из берез, тут по краю болотины. Никита бросается за ней, Ольда прячется за ствол огромной меднолитой сосны – хозяйки облога, этого лесного урочища.

Так и бегают, гоняясь друг за другом, играя. Наконец, он наклоняет Ольду до самой земли, находит под собой ее крепкие, послушные губы.

НИКИТА (*задохнувшись*). Малиной пахнут.

ОЛЬДА (*ложась наземь*). Вчерась ела. У нас во Владимире, в монастырском саду.

НИКИТА (*окончательно обезумев при виде распахнутых ног*). Белая малина, белая.

ОЛЬДА (*где-то во глубине*). Красная, красная. Малино-о-о-а-а-я-я... а-а-а-а... ой-ой-ой...

Треск валежника. Оба вскакивают, садятся на поваленный ствол.

НИКИТА (*хватаясь за кинжал*). Кто там?!

МАЛЬЧИК (*вылезая из кустарника*). Я это, я!

ОЛЬДА. Кто ты?

НИКИТА (*построже*). Ну кто, кто!

МАЛЬЧИК из лесу. Да я, я.

НИКИТА (*рассмеявшись*). Лесной бог Перун, его сын?

МАЛЬЧИК из лесу. Ну да, да.

НИКИТА (*Ольде*). «Пан – июнь, Пан – июль, Пан и август.

Все паны, листолеты мои.

Не кораблик какой-нибудь, парус –

Все свои, все свои, все свои».

ОЛЬДА. Кто написал?

НИКИТА (*продолжая, лесному мальчику*).

Как в тельняшечке сине-зеленой,

Голоног, по колено в штанах.

Пробежал как-то мимо я клена,

Не узнал я его впопыхах.

Только в спину глядел ему – мальчик.

Так бежал, белобров и поджар,

Что не Пан уж, не Пан – одуванчик,

Это сын его тут пробежал».

Сцена вторая

Боголюбово. Княжеские палаты. Великий князь Андрей Боголюбский в палате приемов. Подходит к окну с видом на Клязьму, уходящую туда, к Владимиру, правее с видом – на малую речку, на храм Покрова на Нерли.

Князь Андрей, залюбовавшись, подзывает к себе Молодого Стражника, стоящего с пикой у входа. Хорош храм, Никитенок?

СТРАЖНИК НИКИТА (*заглянув в окно, стучает пикой о пол*). Вид-то хорош. Да зачем ты, князь, другую хоромину, что подле была, что отец твой построил, срыть велел?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Видишь линия? Храм Покрова на Нерли

открывается. Лепота. Другая линия на холм, а за ним и Владимир. А вместе все – треугольник, три острых угла...

МОЛОДОЙ СТРАЖНИК. Всякие прелести. Два лица в одном: Парамошка внушает, а Никита тебя охраняет.

Стукает пикой трижды о пол, замирает у входа.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*маня к себе*). Ну-ка, ну-ка поди сюда, Никитенок. Дай я в глазу тебе поищу-то. Кто это воздух тут раскаляет? Что – есть недовольные моим великим княжением, кто?

МОЛОДОЙ СТРАЖНИК. Есть. Хоть бы те, князь, что в снесенный тобой храм тут ходили... Да вон она, что из Киева, сидит у меня в застенке, взял ее, анафему, возле тайного хода...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*оживясь*). Ну так веди ее, поглядим. Что – и про тайный ход знают?

НИКИТЕНОК (*сквозь зубы*). Знают, знают... А куда двери-то ведут полностью?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Давай, сам на нее погляжу.

Молодой Стражник подходит к князю. Его место у двери тут же занимают двое из старшей дружины.

Князь Андрей Боголюбский важно усаживается на великий трон, отделанный золотом и оксамитами, дорогими камнями. Появляются придворные, расставляются в две «шпалеры» до самой двери.

ГОЛОС СВЫШЕ (*на них*). Это те, кого он «кормит».

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*пальцем на потолок, тихо, тихо. Боярину-распорядителю*). Ну кто сюды к князю ломится?

БОЯРИН-РАСПОРЯДИТЕЛЬ. Да есть тут: балярин из Владимира – от Торговой палаты и балярин Промысловый, из московитов...

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Погодят, не рассыплются. Кто ищщо?

БОЯРИН-РАСПОРЯДИТЕЛЬ (*на ухо*). Да стража анадьсь двух пымала. Лазутчики.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*делая знак рукой, чтобы все очистили помещения*). И ты, ты сам, главный балярин... Стражники пуцай остаются... По одному вводите...

– Кого первым?

– Да как брали, так и ведите.

В шею выталкивают человека в лисьей шапке – сразу видать, татарский лазутчик.

ЛАЗУТЧИК (*падая в ноги Великому Князю*). Моя твою хорошо понимает.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Чего нюхаешь тут, ордынец?

ТАТАРСКИЙ ЛАЗУТЧИК. Ничего не нюхаю. Нюха нет, чужа нет. Как у плохого шакала... Ничего не знаю, не хочу знать. На охоту ходил, лису брал...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Короче, а то нет времени. Р-раз– и аркан под горло. И на дуб... Говори, что хотел унести от нас, сказать хану – какие слова?

ТАТАРСКИЙ ЛАЗУТЧИК. Слова, слова. Киевская икона к вам явилась. Там Киев слаб, тут Владимир слаб. Русь надвое, пополам... Один орел будет, а две головы. Одна туда, другая обратно... туда-сюда, туда-сюда...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*стражнику*). Пушай еще посидит. Подробнее скажет... Кто еще?

Вводят лазутчика в шлеме, в длинном кафтане, в застегнутом на все пуговицы.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*презрительно*). А еще, небось, русский.

ЛАЗУТЧИК (*независимо*). Мы тверские.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. А застегнут по-татарски. Справа налево. По-бабьи, не как мужик... Пока перестегивать будешь, может, че вспомнишь?

ТВЕРСКОЙ ЛАЗУТЧИК (*смущенный, начиная тыкаться в пуговицы на кафтане*). А чего вспоминать-то?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Да что ваш князь... Тверя, как тут его у нас клечат... что – Тверя хочет от нас? Нас под крышу себе подвести?

ТВЕРСКОЙ ЛАЗУТЧИК. Да не наш князь, наш корчит. А эти ваши – Ростовский и Суздальский, тоже больно хороши... Вы, говорят, с татарвой козни строите. Киев со степью борется, а вы у него сердце вынаете...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Как это сердце вынаем? Опять про икону? Византийскую Божию Матерь... из Вышгорода – вена родового

святой Ольги... Тут теперь великое княжение, тут и икона, ей тут безопаснее.

ТВЕРСКОЙ ЛАЗУТЧИК. Икона киевская, а вам нужнее? Может, в Тверь ее перетащить?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*аж побелев*). Попрррробуйте!.. Пришел, чтоб узнать наше слово, дурак! Тут икона – Византийская Божия Матерь, тут и хоругви. Под хоругвями и будем сызнова да собирать Русскую землю...

Так и передай своему Тевере... Мы будем Русь собирать.

Делая знак стражникам. Пуцай идет с Богом.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*стукнув посохом о пол*). Наше слово – олово, твердо!

Оживление у входа в палату. Стража не впускает кого-то. Андрей Боголюбский замечает в дверях Молодого Стражника с теткой какой-то.

Князь Андрей делает знак: пропустите. К великокняжескому трону приближается Молодой Стражник, личный телохранитель Андрея Боголюбского, Никита Бакучин.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*Боярину – распорядителю*). Он где должен быть, Никитенок? Тут вот, при нас (*кивнув на тетку*). Ну что, Никитенок, кого привел?

МОЛОДОЙ СТРАЖНИК. Да вот, говорит, из самого Киева. Язык от Киева ее вел.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*строжась*). Ну и что? Мало нам тут своих киевлян – явных и скрытых? Эта что тут, зачем?

НИКИТА БАКУЧИН. Она нам на пользу. Скажи, тетка, князю, что мне анадьсь сказала... Подойди, подойди, не стесняйся...

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Подойди, не кусаюсь.

Тетка приставляет клюку к великокняжескому трону, освободив руки, тянется изо всех сил ввысь к великокняжескому уху. Шепчет Великому Князю.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*подзывая Никиту*). Эта ли тетка с клюкой? Что поведала?

МОЛОДОЙ СТРАЖНИК. Аж до Нерли от Киева перлась. (*И в сторону*). Мстислав велел передать, ордынец уже был у него в Киеве. Сын великого хана... из Золотой Орды... Наделен больши-

ми правами... может заключить с русскими договор... киевляне отвергли его...

Великий князь Андрей Боголюбский приближается к окну, к своему привычному любимому месту с видом на Нерль. Вслух. Какая церковка – ладненькая, красotka, душу гладит... Ордынцы уже двинулись и сюда на Русь нависают, как туча. Солнце, гляди, на закате. Наверх по Клязьме – к Владимиру – воды спокойны, южнее по Клязьме – к Москве – воды от заката багряны, кровят...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*в сторону*). Что за этим стоит? Надо в храм сходить, помолиться, к иконе Византийской Божьей Матери припасть, на коленях пред ней постоять в созерцании, может, чего поведает... Да и Парамошку позвать, Парменона – провозвестника. Этот тоже многое знает, больше впишет в свой свод законов, в летопись, больше подержит язык за зубами...

* * *

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. На другое утро Великий Князь Андрей движется со свитой к Боголюбскому храму. У распахнутых настежь врат к князю Андрею подходит женщина в черном, это игуменья Владимирского женского монастыря Феоктиста, с ней молодая монахиня Ольга.

ИГУМЕНЬЯ ФЕОКТИСТА (*кланяясь в пояс*). Князь из Владимира, отцы церкви тоже низко кланяются тебе, о Великий Князь. С намерением нас послал сюда наш народ православный, трепещет весь, ропщет. Уж назвали эту византийскую икону своей Владимирской Божьей Матерью, а она все тут у вас – в Боголюбово, а не там – во Владимире. Почему?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*твердо, глядя прямо перед собой*). Пока тут нужнее... Бога любим, и Бог любит нас...

Свита Великого Князя втекает во храм, вслед за князем в храм течет игуменья Феоктиста с молодой монахиней Ольдой.

Андрей Боголюбский встает у самого алтаря, к византийской иконе – Владимирской Божией Матерью глаза в глаза. Так лучше видеть друг друга.

Князь вник в нее – сладкие токи потекли по вздрогнувшему телу. «Помилуй мя, Боже, – сами шевельнулись его губы, – по великой

милости твоей, и по множеству щедрот твоих очисти беззаконие мое. Наипаче омый мя от беззакония моего, и то греха моего очисти мя; яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну... Избави мя от кровей, Боже, во имя спасения моего».

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Князь Андрей поднял голову ввысь, к Господу-Богу и там, на куполе храма, ясно увидел обозначившееся лицо... еще одно лицо... третье... Пальцы сами собрались у Андрея в щепоть – троеперстие, персты его сами вскинулись ко лбу и перекрестили всего его трижды от головы до пят, от пят и до головы. Силуэты собрались в лики, и Андрей узнал их по иконам, развешанным тут же по стенам храма, святые лики: Великой Княгини Ольги, Великого Князя Владимира, Византийского Императора Константина – всех троих, которые сподвигли Русь к христианству.

«Что я творю? – похолодел от ужаса князь. – Они крестили Русь, они жизнь на алтарь положили, а я покушаюсь, дроблю, изничтожаю... Кровью смоеся это, кровью... И показал это сегодня на водах Клязьмы кровавый закат... Во Киеве сидел Великим Князем Владимир – внук Ольги, сын Святослава. Да ведь он же убил брата и сел на трон... да, да! Но, выполняя завет Ольги, крестил Русь, и Русь за то сделала князя святым...»

– Чудотворная! – повернулся ликом к Византийской Иконе Андрей. – Я запутался... в княжьих, божьих, человеческих делах... Матерь Божья, помоги»...

Сцена третья

Боголюбово. Лесная избушка. Перед окном с видом на храм Покрова на Нерли сидит Парменон – летописец, ведущий свод законов, предсказатель судьбы. Пребывает в глубокой задумчивости.

Условный стук в полу: три раза подряд и четвертый – отдельно. Парменон приподнимает творило: возникает князь Андрей Боголюбский, – Великий Князь Руси во Владимире.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Вот пришел к тебе, Парменон, поговорить с глазу на глаз, без посторонних. Дорожку требуется прочертить к звездам, нужны советы твои, Парамоша.

ПАРМЕНОН, ЛЕТОПИСЕЦ. Я тебе не халдей – бросил заниматься чарами, колдовскими делами.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. А чем теперь занимаешься? На что уповаешь?

ПАРМЕНОН. Да на летописи же. Историю веду, правдивые сказанья пишу, косточки всем перемываю, чтобы историю помнили. В конце концов, в общем смысле, землю свою защищаю.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Ну и на чем сосредоточился, чем держишь свои предсказания? Все на мистике чисел и движении звезд? На волховании? Ты же грек в изначале. Сам рассказывал про дельфийского оракула, про жриц-упырей, сидящих на земном разломе, из которого извергаются газы, создавая видения... Начинать войну или не начинать?... Станет великим царь или нет станет?... Греки знали все наперед и потому процветали... Как захлопнулась трещина, так и стали хиреть. Стали вы, греки, кто куда разбегаться. И вот ты тут у нас... грек на Руси... под покровом халдеев... Киевскому князю служил?

ПАРМЕНОН. Ну служил.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. А нам хочешь служить, Парамошка?

ПАРМЕНОН. Я Руси служу, князь, «Третьему Риму». А где он – в Киеве или Владимире, мне, откровенно сказать, все равно... Почему ты, князь, не поехал на великое княжение в Киев? Тут, как суслик, в нору забился, местечко спокойненькое себе подобрал. Даже не во Владимире ты, а тут в «вено» – в обители родовой, в Боголюбово. Русь тянешь в лесную глушь, в обособление... А Киев на виду, ближе к Риму – к развитым странам...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. В Киеве кровь льют, как воду. Отца моего убили – Юрия Долгорукого. Князь Владимир брата убил... Убивают брат брата... Князя Игоря разодрали на древе...

ПАРМЕНОН. За что?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Говори, не бойся, чего там.

ПАРМЕНОН. Сюда бегут на Северо-Восток, в глухомань... Отчего? От степи, от набегов ордынцев.

ПАРМЕНОН... а князь киевский Святослав, сын княгини Ольги и князя Игоря, на юг пошел, на Юго-Запад. Уже почти перенес столицу из Киева назад, к границе Римской империи, в

Рушук – русское место... Возвращаясь туда, поближе к сербам, где русичи были...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. И где теперь он?

ПАРМЕНОН. Кто?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Да Святослав, «иду на вы». И куда он пришел? На Киеве сидят Долгорукие да Мстиславы. А где Святославовичи?

ПАРМЕНОН. Во, память! Половцы же на днепровских порогах Святослава убили, вино пили из черепа киевского князя.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. А я не хочу, чтобы из моего черепа пили вино! Погрязли в заговорах и распрях междоусобных.

ПАРМЕНОН. Гляди, кабы тут чего тебе не подсунули. Почаще меняй виночерпиев.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*насторожась*). А ты что – чего-нибудь знаешь, предчувствуешь? Ты-то верен мне, Парменон, Парамоша?

ПАРМЕНОН. Я – крещенный. И ты, князь Андрей, крещен, православный. Наши боги не князи, велят грязи...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Ну дак за правое дело если...

ПАРМЕНОН (*твердо*). Правое дело, Великий Князь, за тобой! Русь Владимирская... Вишь, какая сотворена тут красота-лепота (*показывая в оконце на храм*). Князю с такой лепотой в груди люди верят.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*пронзительно, глядя в него*). А ты, Парменон?

ПАРМЕНОН, ЛЕТОПИСЕЦ (*еще тверже*). И я...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Ну вот и бери стело, заноси в скрижали свои: «Такого числа... под яблочный Спас... у нас с Великим Князем во Владимире Андреем Боголюбским произошел разговор... нет, лучше так: под Яблочный Спас Великий Князь во Владимире Андрей Боголюский выразил твердость духа. Великое Княжение во Владимире будет сохранено. Тут, на Северо-Восточной Руси – Ростовской и Суздальской земле, в стороне от главного хода скифских телег – сарматовских, хазарских, татарских, монгольских туменов, – Руси будет легче держаться, чем в Киеве»...

Пока все. Подумаю – потом еще что-нибудь доскажу.

Ну я пошел, Парменон. Не больно с кем говори, что я хожу сюда к тебе тайно.

ПАРМЕНОН. Про подземный ход сюда коли двое знают – тайна, трое – уже не тайна.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Моя забота.

НИКИТЕНОК (*в сторону*). О себе, Парамошка, думай.

Князь Андрей, как и пришел, исчезает в открытом твориле. Летописец сидит неподвижно. Наконец, начинает перебирать записанное на этой неделе. Прислушивается: вроде бы за стеной избушки те же молодые голоса, что и тогда: Молодой Стражник Никита, Никитенок – личный телохранитель Великого Князя и Ольда – молодая монахиня в черном, невеста Христова.

ПАРМЕНОН (*приоткрыв дверь*). Да нет, не голоса. Жидковатый ветер в березах, только похоже на голоса.

Появляется Тетка с клюкой, направляется прямо сюда, к избушке.

ПАРМЕНОН. Ты куда, тетка?

ТЕТКА С КЛЮКОЙ. Да к тебе, к тебе же! И прямо из Киева... Вот тебе передали (*достает из-за пазухи свиток*).

ПАРМЕНОН. Кто передал, от кого?

Тетка с клюкой молчит.

ПАРМЕНОН (*разворачивает свиток, читает*). «Князь, личный охранник твой Никита Бакучин – твой сводный брат. Как и ты, сын Юрия Долгорукого, но от простой московитянки...»

Почему мне даешь, а не князю?

ТЕТКА С КЛЮКОЙ. Князю-то? Да побоялась. А к тебе – ты же летописец, заноси в свои столбцы, чтоб во времени не потерялось.

ПАРМЕНОН (*отрывая глаза от свитка*). Кто тебе это велел, Мстислав – князек киевский?

«Ха-ха-ха», – заклохотали, заохали, захохотали по лесным чащобам, бурчагам, болотам лягушки, кикиморы. Заскрипели осины, закачались меднолитые сосны.

А Тетки с клюкой уж и след простыл, как видение.

ПАРАМОШКА (*крестясь спешно, мелко-мелко*). Бесовство какое-то. Пановы детки, Перуновы проделки. И опять голоса.

Это все-таки стражник, личный телохранитель Великого Князя и молодая монашка.

Парменон выходит на порог своей лесной избушки, чтобы взглянуть, как хоть будут проходить они мимо.

(В сторону). «Обнялись, в обнимку идут, не стесняются даже его. Ничего себе, монашка, Христова невеста».

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Так и подмывает остановить, разбить спевшуюся парочку. Сказать Никитенку, кто он такой по рождению? Скажу, а там что будет! Пусть знает, что и в его жилах течет великокняжья кровь. Такое в летописи не заносят, а летописцы, если и знают, просто содержат в сердце своем.

ПАРМЕНОН *(не скрывая зависти, смотрит вслед молодым)*. Сколько каждому может быть? Скажем, Никитенку, Никите Бакучину? Он – москвит, мать его, скорее всего, тоже из рода Кучковичей. И когда Юрий Долгорукий был тут в последний раз? В годы сидения Великим Князем на киевском «столе». И вот двадцать лет спустя, значит, Никите – двадцать. Пожалуй, года на три моложе... Да зачем тебе все это считать? Так и тянет тебя считать, пересчитывать годы – людям, княжествам, даже медведю, бродящему тут, в боголюбовских дебрях, даже по кольцам годы деревьям считать. В конце концов, не все ли равно? Люди живут, целуются, плодятся, размножаются, потому и бессмертны, а ты всю жизнь провел, как в каталажке, в одиночестве. Ты следишь за всем этим с жадностью, завидуешь, а это – грех... Никита и Ольда тоже ведь человеки, но, слава богу, у них не будет семьи...

Вон они прошли стороной, в березовую чащобу. Там он, скорее всего, положит ее на траву и будет делать с ней, что захочет...

А в это время молодые стоят под крупной меднолитой сосной – матерью леса, облога.

ОЛЬДА *(глядя на него восхищенно)*. Почему нас тянет сюда, в это место, к этой избушке?

НИКИТА. Как ты попала в монашки, Ольда? К этой игуменье Феоктисте?

ОЛЬДА *(глядя шершавый ствол сосны)*. Это сок – какой золотистый, как пахнет!

НИКИТА. Ты – сирота? Из московиток?

ОЛЬДА. Пойдем к лугу, выйдем из лесу, пойдем по лугу, по этому широченному, как нигде чистому, лугу?.. О боже, о Господи! А я нечистая, грязная, грязная, я грешница...

ОН (обнимая ее). Не надо. Я сниму с тебя этот грех одним словом.

ОНА. Каким?

ОН. Любовью.

ОНА. Любовью?

ОН. Я люблю тебя, Ольда. Идем же!

ОНА. Что будет, то будет. Главное – чтоб не увидела Феоктиста.

Они выходят к опушке, идут влажным просторным лугом, зеленым, доверху переполненным березами берегом, навстречу церквушке, сияющей впереди – к храму Покрова на Нерли.

НИКИТЕНОК. Навстречу судьбе. Какая красота!

ОЛЬДА. Этот храм?

НИКИТЕНОК. Красота одна на всех людей, на все времена? Ее будут видеть, чувствовать и после нас... Кто-нибудь еще пройдет по этому лугу, этой стезей. Скажет такими словами.

ОЛЬДА. Сам написал?

НИКИТЕНОК. Слушай, Ольда.

Она стоит – церквушка на Нерли,
Как куколка, как песенка босая.
Не тает тучка посеред Земли,
Не отвлекая мысль, не потрясая.
И рядом с речкой никого въяви.
А если бы была тут, скажем, Волга?
Иль храм великий на крови,
Какой бы странник стаивал тут долго?
Нести свой посох кто же надорвется?
Живи, пока способен удивляться.
Увидишь храм такой и задохнешься,
У красоты не можешь настояться.

Сцена четвертая

Боголюбово. Великокняжеские палаты. Князь Андрей Боголюбский принимает гостей – на этот раз своих, из Владимира. Как всегда, придворные, наострив уши, вытянулись двумя шпалерами до самого входа.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*Боярину – распорядителю*). Нам скрывать нечего. Пушай обо всем все слушают. И разносят по людям... Да, балярин (*кивнув на придворных*) чей-то, маловато их нынче?

БОЯРИН-РАСПОРЯДИТЕЛЬ (*пожимая плечами*). Разговор-то какой?

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Какой?

БОЯРИН-РАСПОРЯДИТЕЛЬ. Местная тема. Кабы про Византию, про Киев али про татар. Тады было бы интереснее.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Ну это мы посмотрим, что интереснее. Слова на «а» или «о» – кто по какую сторону... И кто у нас там на очереди?

БОЯРИН-РАСПОРЯДИТЕЛЬ. Дык по очереди если, тады они будут последние. Вчера из Владимира приехали. Войдут к тебе только к вечеру, уж уморимся... А так – важные птицы: бояре, один – из Торговой палаты, другой – из Промысловой...

БОЯРИН-РАСПОРЯДИТЕЛЬ. Так звать?

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Зови.

БОЯРИН-РАСПОРЯДИТЕЛЬ. Обоих сразу?

КНЯЗЬ БОГОЛЮБСКИЙ. Сначала этого... по промысловой части... (*и на все помещение*). Верно, говорю, люди, никто не супротив?

ПРИДВОРНЫЕ (*загудев*). Верно, князь. верна-а-а...

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*Боярину-распорядителю*). Ну дак это... зови.. князь ждет...

Входит боярин Промысловой палаты, недавно выбранный во Владимире. Кланяется в пояс Великому Князю.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*строго*). Фамилия твоя мне не нужна... (*Стукнув посохом о пол перед собой*). Н-ну!

ВОШЕДШИЙ (*степенно*). Что «ну», наш Владимирский князь?

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Чем кормить народ будем? Что людям делать? Думаете вы там, в палате?

БОЯРИН-ПРОМЫСЛОВИК. А че думать-то? Народ сам себя кормит: шныряет по речкам, лесам. Рыбу ловят, зверя бьют, меды собирают.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Распустились тут! Намедни, говорят, на Москве медведя заломали одного там, покусился на человека.

БОЯРИН-ПРОМЫСЛОВИК. Так дебри какие там, поселенье с мизинец, а болотины, речки, леса. Вот медведи и бродят... шатуны...

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Зато и дороги от Москвы. На все четыре стороны.

БОЯРИН-ПРОМЫСЛОВИК. На три: на Киев, на Тверь, на Смоленск.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. А сюда, в нашу сторону, на Владимир? Вы вот, что там, в своей Промысловой палате, чего зимой людям делать? Учите молодых горшки лепить, рыбу вялить, меды варить... Да не пейте чрезмерно... Ну ладно, балярин, иди. Какие затруднения, шли сразу к князю своего человека... (*Боярину-распорядителю*). Зови торгаша...

Входит, озираясь, боярин Торговой палаты из Владимира.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Чего озираешься? Тут тебя не съедят. (*Обращаясь к придворным со смехом*). Не съедим, а?

ПРИДВОРНЫЕ (*рассмеявшись, довольные*). Не съедим.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Ну дак это... торгуете?

ТОРГОВЫЙ БОЯРИН. Торгуем.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. А чем?

ТОРГОВЫЙ БОЯРИН. А чем Бог послал.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. На вас, торгашей, большая надежа... С промысловиками связь держите. Пушай они огороды разводят, как в Киеве... везут из Киева семена... Продавать лесным братьям будете – далее по округе... и может, чуди, татарам...

БОЯРИН-ТОРГАШ. Так киевское тут у нас не растет.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. С умом надо, к этому делу ум приспособить. А ум у нас где? Где у нас умные? (*обращаясь к придворным*)

ГОЛОСОК ИЗ ПРИДВОРНЫХ. Может, по монастырям?

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Вот-вот, по монастырям! Пущай монахи нам киевские семена под наш северный край и приспособливают... И тут у себя во Владимире будем есть огурцы да яблоки...

ПРИДВОРНЫЕ *(даваясь от смеха)*. Ябло-о-оки, и-и, хи-хи, ха-ха-ха... Вот князь наш какой сегодня веселый...

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ *(посерьезнев и посохом о пол)*. Вон сколько тут вас, дармоедов! Всех пошлем на землю, в вотчинах ваших заведем промыслы...

БОЯРИН ТОРГОВЫЙ ПАЛАТЫ ИЗ ВЛАДИМИРА. Князь! Ну мне можно идти?

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Не сказал, может, самого главного. Вчерась тут мы разговаривали... с лазутчиками. Антересуются, как мы тут с вами живем? А вы, торгаши, че ими не антересуетесь? И своих к ним туда подсылайте. Пущай поглядят, поморокуем после, что есть у них, чего нет, чего надобно?... Мы им, а они нам – вот такие-то пироги, будет чем торговать.

Тишина. Слышно, как ветер где-то хлопает дверью, мотает ею, как рукавами кафтана.

ОДНИ ПРИДВОРНЫЕ *(наконец-то придя в себя)*. Умный, князь, умный... Но иные мудрее..

ДРУГИЕ ПРИДВОРНЫЕ. А чем же мудрее-то?

ТРЕТЬИ ПРИДВОРНЫЕ. Умные из сетей выкручиваются, мудрые в них не попадают.

ГОЛОС ИЗВНЕ. Прислушиваясь к разговорам, Андрей Боголюбский подходит к окну, к своему любимому местечку, вглядывается по прямой линии в то, как, утягивая взор к себе, стоит там и сегодня такая видная, такая красotka, церквушка – храм Покрова на Нерли.

Ясная ныне она или в тумане?

Чуть в стороне от нее загорается звездочка. Обычно так бывает всегда. Еще не вечер, а он видит ее сейчас, при закате. И при свете можно видеть, как она мерцает необычно – розовая, словно окрашенная кровинка. Что-то вещает. «Ничего себе, тревожно как-то, нехорошо».

Князь Андрей отходит от окна, махнув всем в тронной палате: «Уходите». Сам, пошатываясь с ноги на ногу, вперевалку, бредет к тайному ходу, находящемуся в нужном месте своих просторных великокняжеских покоев.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*устало*). «Вифлеемская звездочка». Во внеурочное время, а к Парменону надо ходить на любовь да совет. Вдвоем легче пораскинуть мозгами. Клубок опять скопился в груди, не дает продыхнуть. Что-то тяжкое, кроваво грозное ждет впереди: жизнь ли укоротится, пресечется ли княжеская фамилия – сын не так давно умер – опять малолетний, а родилась девочка. И что-то сбоку снова клеится к трону: «Киев ли, этот Мстислав? Кто-то ближе тут, рядом. Кровь-то своя – отцова, вроде наследная. Окрасила «Вифлеемскую звездочку», висит над храмом Покрова на Нерли».

Пройдя путь по тайному подземному ходу, Андрей Боголюбский оказывается все в той же избушке, у Летописца.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*вылезая из творила*). Эй, Парменон! Парамошка!

Никого. На столе только свитки. Князь Андрей заглядывает в них, читает последнюю запись:

«Была Тетка с клюкой из Киева. Передала от Мстислава неладную весть: Никитенок Бауу... чу... чин (*неясно*), из москочитов, той же крови, что и Великий Князь...» – «Какой Великий Князь – во Владимире или Киеве?». Мстислав тоже мнит себя Великим Князем»...

И куда ж ты ушел, Парамошка?

Андрей Боголюбский выходит из избушки в глубокой задумчивости, идет едва протоптанной стезжкой в глубину леса.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*неожиданно останавливается, прятаясь за ствол огромной сосны*). Кто это там – ворона, воронушка, в черном? Идет бормочет, сама с собой разговаривает молодая монашка. Та, что была у него с игуменьей из Владимирского монастыря? (*В сторону*). Все с молодости хотят от жизни хорошего, тянутся к Богу, ходят в церковь, иные непрочь уйти в монастырь, а что потом получается? Давно заметил, в некоторых церквах постоять подолее невозможно: хочешь молитвы,

забыться, а чувствуешь смрад, даже ладан не помогает. Особенно там, где много старых. Готовы в толпе толкнуть тебя, зашипеть, пустить рядом душок!

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*выходя к молодой монашке*). Что делаешь, невеста Христова?

МОЛОДАЯ МОНАШКА. Живу.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Как живешь? Ты ведь там живешь, во Владимире, у Феоктисты?

МОЛОДАЯ МОНАШКА (*потупясь*). Феоктиста? А она меня знает?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Ты живешь тут сейчас – летом, а зимой где?

МОЛОДАЯ МОНАШКА. В храме. Или у божьих людей.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. А кого ты тут знаешь?

Молодая монашка молча продолжает плести венок из березовых веток.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. А зовут тебя как?

Молодая монашка надевает венок себе на голову, любуется собой, стоя перед березой.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*нетерпеливо*). Послушай, почему ты не отвечаешь? Я же все-таки князь.

МОЛОДАЯ МОНАХИНЯ (*расхохотавшись*). Князь? Ха-ха-ха... Ха-ха-ха...

И убегает в глубины леса.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*вслед*). Как зовут-то тебя, как?

МОЛОДАЯ МОНАШКА. Ольда-а-а...

Князь Андрей стоит в оцепенении.

ГОЛОС СВЫШЕ. Магия цифр, к которой привык Летописец, сверлит мозги и ему.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*в сторону*). Скольких лет как сел на «стол» во Владимире после «стола» отца в Киеве? – 47. – А сколько лет минуло, как ты тут? – «Все твои, все твои, все твои»... Это трещит, вещует сорока – лесная воровка, молодая монашка в черном...

Кудесница, волхова или сплетница? С ума спятила?

Вслух. Парамошке скажу, как отрублю: днем и ночью чтобы на месте был, никуда не девался. Не то башку снесу.

Сцена пятая

Боголюбово. Великокняжеские палаты. Великий Князь Руси во Владимире Андрей Боголюбский восседает на троне.

Входят бояре из Владимира с челобитной, они в пояс кланяются князю Андрею Боголюбскому.

БОЯРИН-РАСПОРЯДИТЕЛЬ (*наклонясь на ухо князю, шепчет*). Смута во Владимире, смута. Народ возмущен... вот бояре скажут...

ВЛАДИМИРСКИЕ БОЯРЕ (*вразной*). Низко бьем тебе челом, о Великий Князь!.. Город на дыбах. Опасаемся уж за наши боярские души, усадьбы вот-вот начнут жечь и громить... Византийская икона-то получила имя Владимирской – Владимирская Божия Матерь, а держат ее в Боголюбово, тут. Людям это дюже не ндравится...

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ (*посохом о пол*). Тихо вы! Говорите врозь... Вы – бояре, разумные люди (*Боярину-распорядителю*). Скажи им, о чем анадьсь мы совет держали, что решали.

БОЯРИН-РАСПОРЯДИТЕЛЬ. Куда ж это вы, владимирцы, прете? Икону собираетесь тащить к себе эту? В собор Успенский? Так он ищцо недостроен. Затеяли крышу перекрывать, так перекрывайте. Неча Божию Матерь под открытым небом держать, опасности под дождем подвергать.

ВЛАДИМИРСКИЕ БОЯРЕ. Какой собор, какая крыша? Опасность какая?.. Да что ж у нас во Владимире собор только один-единственный? Да мы и в другой храм икону временно водрузим. А то нет уже никакого терпения народ держать.

БОЯРИН-РАСПОРЯДИТЕЛЬ (*увещевая*). Не отымайте икону-то силой, не изымайте... Вон ваш князь что-то вам хочет сказать...

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Бояре! Граждане Владимира! Православные! Я тут думаю, ваш Князь Великий непрестанно думает об вас, об этой иконе. Это икона всем нам Господом-Богом дадена. Что ж мы ее просто так, что ли, будем в Владимир ввозить? Сперва надо Золотые Ворота поставить, а потом и везти в город, к людям – народу, в храм Господний через Золотые Ворота... (*обращаясь к придворным*). Так ли я говорю, ваш князь, так?

ПРИДВОРНЫЕ (*загалдев*). Так, так, князь... А как же ищщо... А владимирцы оботрутся, пушай подождут.

ГОЛОСОК ИЗ ВЛАДИМИРЦЕВ. А помри неожиданно князь – кто будет слово его держать?

ПРИДВОРНЫЕ (*все тут, как есть, в один хор*). Типун тебе на язык... Так-то говорить на князя... Это вам не Киев за бугром, а тут близко... враз головы посшибаем...

СТАРШОЙ ИЗ ВЛАДИМИРЦЕВ. Анчихрист какой! Анчихрист!.. Смени, князь, того! Поставь другого...

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*поднимаясь с трона*). Ладно вам, будя! Сменю. Как Золотые Ворота поставим, так и сменю. А пока пушай посидит, потрется у трона...

ГОЛОС ИЗВНЕ. В конце концов, так и решили: сначала во Владимире Золотые Ворота поставить, а потом уж и об иконе Владимирской Божией Матери думать. Чтобы было все честь по чести, по-людски, по-православному... А боярин тот при князе – прыщик: р-раз-и нету в один миг, чего с ним церемониться?

* * *

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Целый божий день наблюдал, стоя у двери, слушал всю эту канитель Молодой Стражник Никитенок – Никита Бакучин. С пикой стоял он у входа насупротив такого же стражника, как и он, тоже с пикой. Сунешься – пики крест на крест, окоротись!

Скорее всего, Никиту Бакучина, понизили в должности. Скорее всего, Никитенок, не был уже единственным телохранителем Великого Князя, не допускался ныне один на один в княжеские покои, как бывало, на ночь глядя, допускался даже к постели. Всюду в покоях стражники отныне стояли вдвоем. Напарник прямо глазами ел Никитенка, такого ему подобрали.

День к концу. Уж и князь слез с трона своего и ушел. И придворные все разошлись. И второго стражника у двери сняли. А про Никита Бакучина, скорее всего, забыли.

МОЛОДОЙ СТРАЖНИК (доставая из кармана узелок с едой). Так, кусок оленинки... вчерась дали на княжеской кухне...

лепешечка в рубчик... а князю утром, он видел, рябчика принесли, вина заморские...

«Нам бы хоть медовушечки, свойской, – думает Никитенок, – тоже бы подходяще».

Так с куском вяленой оленины в руке и подходит стражник к окну, к которому любит подходить князь.

МОЛОДОЙ СТРАЖНИК. Ну-ка, куда это любит заглядывать Андрей Боголюбский?... Церковка на Нерли, – вдали, в конце луга, красotka!.. Кто-то там в легком цветном платье с краю леса. Она посылает оттуда слова. И звездочка где-то мигает, кровит при закате – зябко как-то, бррр, нехорошо, страшновато... Волхова в белом, вещает, оповещает... А что ж я у двери-то пику свою оставил? Голову срубят. Да и самому какво без оружия, нельзя. Палаты – пустые, гулкие, мало ли... Наше дело стоять, поставили – стой...

Смеркается. Совсем темно становится, не видать трона.

МОЛОДОЙ СТРАЖНИК (*напрягшись, чувствуя звон в жилах*). Вон дверь, что ли, приоткрылась? Та, из которой сюда, к трону, выходит обычно Андрей Боголюбский – Великий Князь Руси во Владимире. Отец его – Юрий Долгорукий – был Великим Князем Руси во Киеве...

Андрей Боголюбский и Юрий Долгорукий...

Юрий Долгорукий и Андрей Боголюбский...

НИКИТА БАКУЧИН (*мучась от смены картин, в сторону*). Что-то начинает двоиться, путаться перед глазами. Неясность какая-то, тени... В ушах гулко, веки режет... А сменщика все не ведут, не приходит...

ГОЛОС СВЫШЕ. И тут дверь, из которой обычно выходит в тронный зал князь Андрей, скрипнула, слегка приоткрылась. Все шире отворяется, шире... Входят сразу двое, застряли в дверях... один оттолкнул другого... теперь уже явственно в одном призраке Молодой Стражник узнает отца князя Андрея – Юрия Долгорукого...

Рука Молодого Стражника сама взлетела ко лбу.

НИКИТЕНОК (*весь сжавшись, сам себе*). «Не бойсь! Не бойсь, сынок».

ГОЛОС СВЕРХУ. Молодой Стражник вздрогнул от этих слов. Пика вывалилась из рук острием вниз и воткнулась в пол.

МОЛОДОЙ СТРАЖНИК (*в ужасе шепотом*). Кто это – пришли снять меня с места охраны?

ПРИЗРАК. Несчастный. Тебя с охраны может снять только Старший и сам князь.

НИКИТА БАКУЧИН. Ты кто?

ГОЛОС СВЫШЕ. Не видишь? Я – князь! Великий князь Юрий Долгорукий... твой отец...

НИКИТИА БАКУЧИН (*совсем обезумев*). Не на-а-а-до...

И выставляет перед призраком пику, не подпуская к себе. Наткнувшись на острие, призрак рассыпается и исчезает. Молодой Стражник, ваяясь, сдвигает перекошенный трон.

* * *

В том же лесу у избушки, где водит стелом по скрижалям Парменон-летописец, появляется Молодая монахиня Ольда. В тех же своих черных одеждах, с березовым веночком на голове. Что-то вчера словно ударило Летописца по голове. Как в сказках, огромная шишка с сосны, и он, Летописец, оглох.

ПАРМЕНОН (*монахине*). Только звон и стоит в ушах. Как от колоколов.

Уходит в избушку. Молодая Монашка замечает узелок. Одежда. Простое легкое платье тут, как раз для нее.

ОЛЬДА. Кто это, кто ей... для нее... положили?

Сбрасывает с себя черное, надевает другое платье – легкое и цветастое, становится под березу.

ОЛЬДА (*обхватив лицо ладонями*). Я – невеста Христова, обманула Христа. Молодой Стражник обнимал меня, обманул... Он испортил меня, разрушил мне жизнь. Я не знаю, что теперь будет... (*Березе*) Это ты шелестишь, говоришь мне: «Возвращайся», но куда – в волхование?...

Ветерок пробежал по Березе, кто-то глядит из зеленых ветвей? Сам Перун, лесной бог Пан или все тот же Молодой Стражник, который исчез, а его голос остался? Вот он в шуме березовых листьев:

Я – июльское эхо,
Лучом осиян,
Освящен неземной красотой, –
Я – лесной, я – лесной,
Я – березовый Пан
За роскошной зеленой листвой.

Где-то Панна моя?
Где на круги своя –
Красота по лесам и дорогам?
Это тайна моя
У лесного ручья,
Это трубная песня из рога.

Я укрою ее
От метели любой,
От неверного взгляда любого.
Я пожертвую осенью,
Песней, собой –
От пожара спасу голубого.
Загорится октябрь,
Полетит по лесам,
Она выбежит – ветрена, странна.
Красота, красота
Это скрип колеса,
Это эхо, стыдливая Панна.

Мое время, мой миг,
Отчего ты затих?
Что она тебе, златокипяща?
Моя Панна – мой луч,
Это чудо на миг,
Остальное все – не настояще!

ОЛЬДА (*пылко, страстно*). Я – Волхова, я – Волхова, я – Волхова!
Я – Панна, я – Панна, я – Панна!... А он кто? Да, он – Пан, он –
Велес, он – Молодой Стражник. Да, он испортил мне жизнь. Да, но

какую? В которой я была в черных одеждах, я оставила их, чтобы остаться в тех, в каких мы были вместе... всегда...

Мне плохо и хорошо. Божия Матерь! Владимирская Божия Матерь, припадаю к тебе, помоги...

На порог избышки выходит Парменон-летописец, кладущий стелом на свиток свои письма. Ольда смотрит на него: «Старик в последние дни как-то сдал, побелел, как лунь...»

ОЛЬДА (ласково). Дедушка, это ты сочинишь слова, отдаешь их березе?

ПАРМЕНОН, ПАРАМОШКА. Был когда-то и я молодой.

ОЛЬДА. Ты и сейчас молодой.

ПАРАМОШКА, Любишь его? И люби... Носишь венок? И носи...

ОЛЬДА (в тон ему). Пишет перо – и пиши...

ПАРМЕНОН. Завтра же в лесу тайный ход пересеку. Пусть он ходит днем, и не тайно. Чтобы знали и видели.

«Остальное все – не настояще!»

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Малое поселение Москва. Край непуганых птиц и зверей. Где от берез светло. Среди дорог и рек крест на крест, открытых настежь Любви и Надежде.

Итак, 12-й век. Москва – Боголюбово – Владимир. Ростово-Суздальская Русь, послекиевская.

Сцена первая

Москва до того – поселок боярина Кучки. На пути из Киева во Владимир. Ждут Юрия Долгорукого.

ПЕРВЫЙ МОСКОВИТ. Вот уж Долгорукий, так Долгорукий, – руки куда протянул? До самой Москвы.

ВТОРОЙ МОСКОВИТ. Говорят, завтра князь тут будет со свитой. Погуляют, так погуляют. Наш боярин Кучка Иван Степаныч – хлебосол великий, всего наготовил.

ПЕРВЫЙ МОСКОВИТ. А где поместятся, где?

ВТОРОЙ МОСКОВИТ. Вишь, Кучкович идет, старший сын... Эй, Борис! Где гулять-то будете, есть где?

БОРИС КУЧКОВИЧ. А то! Столы собьем да на холме, прямо над речкой, поставим.

ПЕРВЫЙ МОСКОВИТ. Над какой речкой – над Клязьмой? На ней комарья-то поменьше.

ВТОРОЙ МОСКОВИТ. А дождь коли?

БОРИС. Так шатры на что? Пол-Москвы шатрами накроем... Отец говорит, хоть неделю гулять будем. Наготовили свойской – медовухи этой, сурьи.

МОСКОВИТЫ (*оба сразу*). Сурью пить! Князь все же, Великий Князь, да еще из Киева.

БОРИС. Из Твери, из Владимира привезена в бочках. И заморского вина хватит, купили у крымчаков...

МОСКОВИТЫ (*оба сразу, разувались*). Ну тады погуляем! А закусим – да хучь рукавом.

БОРИС. Да отец, знаете ведь его, ничего не пожалеет. Знатную снедь выставит.

ПЕРВЫЙ МОСКОВИТ. Знаем, знаем Ивана Степаныча.

ВТОРОЙ МОСКОВИТ. Ох, и широкай! Реки уж все пооблазили.

ПЕРВЫЙ МОСКОВИТ. Бортни уж все посымали, зверя побили, никому ничего не оставили.

Появляется второй сын боярина Кучки – Глеб.

ГЛЕБ (*Борису*). Чегой-то они, ай белены объелись? Болот, что ли, воды тут не хватает, комариного писку?.. Нехай приезжают гости-то, москит им кровушку пустит.

БОРИС. Знай наших, знай!

– Ребята! Братаны! – *слышится голос издалека*. – Бочки катите!

БОРИСОГЛЕБЫ (*оба в один раз*). Да идем, идем, батя! Спину только что разогнули, как опять кличешь.

* * *

ГОЛОС СВЫШЕ. Это картина жизни как была, так и есть. А что дальше было – покрыто мраком. Явился, едучи из Киева, Великий Князь Юрий Долгорукий по пути во Владимир, нагрянул, аки тать, со своей малой дружиной с большими, широкими глотками. Известно, как бывает на пирах, перегрызлись, передрались.

Долгорукий на городок Кучки с его холмом, обнесенным тыном над речкой, глаз положил. Ничего себе городок. Стоит посередке дорог, пути сюда водные сходятся: на Тверь и на Владимир, а пеше – еще и на Смоленск. Долгорукий затеял кулачный бой, руки-то какие – долгие; он боярина руками теми непомерными вроде нечаянно и убил.

«Потопили Москву в крови», кровушке нашего боярина Ивана Степаныча, гости; заплакали баяны, потекли горячие слезы у песнепевцев по окрестным селениям и деревням. Три дня и три ночи по реке Клязьме, говорят, текла кровь боярская, кровушка.

– Так-то гостей широко принимать, – сказали Борис и Глеб, да и другие Кучковичи, из оставшихся в живых – Так-то хорошее выставлять напоказ.

ГОЛОС БОГОЛЮБОВЦА. Дело было, да все быльем поросло. Сгнуло все, как и не было. Кучковичи опять разрослись, разветвились.

ГОЛОС СВЫШЕ. Летописец записал: «Двадцать лет минуло. Борисы тут на Москве остались, а Глебы в Боголюбово перебрались, ближе к князю. Двадцать лет дружили Борисовы с боголюбовскими. Князь Андрей Боголюбский в первый раз даже на сестре Бориса женился да потом разженился, другой обзавелся. Однако в дружбе князь Кучковичам не отказал. Князь Андрей, сын Юрия Долгорукого, подтвердил свою княжью благосклонность к Кучковичам. Надо грех отцов как-то сымать».

ГОЛОС МОСКОВИТА.

И вот поползли по Москве, по Кучковичам слухи: теперь уже сам князь Андрей, Великий Князь Руси во Владимире, со дружиной собирается грянуть сюда на Москву, закрепить ее за собой. А то много всяких еще «долгоруких» найдется хоть в Твери, хоть в Смоленске, и опять же в Киеве, да Ростов и Суздаль не без того....

ГОЛОС БОГОЛЮБОВЦА. И в Москве к встрече князя (*не без тайного умысла*) стали готовиться. А Летописец в Боголюбово записал: «И решил Великий Князь Руси во Владимире Андрей Боголюбский для успеха дела и пресечения дурных помыслов везти сюда самое дорогое – икону Владимирской Божией Матери».

* * *

Выходят Кучковичи – Борисоглебы на круг там и там: в Боголюбово и на Москве, да и что говорят.

БОРИС. Не нужны нам выше пуза всякие разносолы.

ГЛЕБ. Сами знаем, что делать. Катить бочки к реке да шатры ставить.

БОРИСОГЛЕБЫ (*в сговоре, оба враз*). Только теперча все делать соразмерно, чтобы Клязьма потекла в обратную сторону, на закат.

УМНЫЕ МОСКОВИТЫ. Так не бывает.

МУДРЫЕ МОСКОВИТЫ. Поглядим – увидим.

И все вместе стали ждать князя Андрея.

* * *

Там же, подворье Кучковичей – бывшего боярина Кучки. На подворье братья: Глеб Степаныч – хозяин тут, москвит, и приехавший к нему, в родное гнездо, Борис Степаныч, из Боголюбово.

БОРИС СТЕПАНЫЧ (*брату Глебу*). И как вы его собираетесь тут принимать?

ГЛЕБ СТЕПАНЫЧ (*в растяжку, глядя пытливо в глаза*). Кого это?

БОРИС. Князя нашего боголюбовского.

ГЛЕБ. Великого Князя Руси во Владимире?

БОРИС (*нетерпеливо*). А кого же? Подходящий случай вспомнить прошлое... Клязьму освежить, пустить вровень с берегами...

ГЛЕБ. Византийскую Икону собираются сюда принести на руках, знаешь?

БОРИС. Боголюбовскую-то?

ГЛЕБ (*упорно*). Не боголюбовскую, а Владимирскую Божию Матерь, на время вставленную в алтарь в Боголюбовском соборе. Пока Золотые Ворота не сделают во Владимире.

БОРИС (*раздраженно*). Говоришь, как по-писаному. Как придворные боголюбовского князя. А мы – люди свободные... Что нам Боголюбово?

ГЛЕБ. Москва – город меньшей, а «стол» княжеский наш во Владимире.

БОРИС. Ты – Кучкович? А как боголюбовец – говоришь, княжеский подколодник.

ГЛЕБ СТЕПАНЫЧ. Мудрость – это не просто ум, умный ты наш Борис Степаныч, сын своего отца.

БОРИС СТЕПАНЫЧ. Нашего отца.

ГЛЕБ СТЕПАНЫЧ. Да, нашего отца... Наше родовое вено то тут, на Москве, то там теперь, в Боголюбово, – чего же тут красить Клязьму под небо красное, под закат? Мы с холма далече глядим, взор наш не притуманен...

БОРИС СТЕПАНЫЧ. А я говорю, подходяще. Такого может больше не представиться.

ГЛЕБ СТЕПАНЫЧ (*кликнув слугу во дворе*). Эй, мужик! Скажи, бочки на холм пушай катят. Да шатры начинают готовить, коли дождь, туда-сюда шатры раскидывать...

БОРИС Степаныч. Так растащут, бочки-то. Преждевременно. Народ какой у нас – воровитый.

ГЛЕБ СТЕПАНЫЧ. Это у вас в Боголюбово люди такие... А у нас на Москве замка еще долго не будут знать. Мы торговый народ – москвиты. Мы с дорог своих, речек – торговых путей, имеем выгоду, большую, чем если бы крали.

БОРИС СТЕПАНЫЧ. Торгаши! Вот вы говорите теперча то на «о», то на «а». «Ва-а-да». А мы как говорили «во-о-да», так и говорим. Вы говорите «Маскава», а мы говорим «москвиты», «Москва», как деды еще наши говаривали...

ГЛЕБ СТЕПАНЫЧ. Дык, набежали к нам сюды русские – с юга, с запада – киевские да смоленские, со степи, так и говорим. Что же мы его будем язык их окорачивать? В свой медвежий угол забились и хотим урок всем давать? Как же, вы на «столе» сидите? Великий князь у вас во Владимире, а сидит в Боголюбово... Князь Андрей Боголюбский...

БОРИС СТЕПАНЫЧ. Сами такие же, боголюбовские, и среди вас тоже есть долгоруковские.

ГЛЕБ СТЕПАНЫЧ. Летописцы после запишут: «Юрий Долгорукий – основатель Москвы».

БОРИС СТЕПАНЫЧ. Пушай пишут. У нас икона Владимирской Божией Матери, нам ее Бог сподобил...

ГЛЕБ СТЕПАНОВИЧ, Пошли, братаня, хватит спорить, поглядим, что там, на холме-то, делается?

БОРИС СТЕПАНЫЧ (*ехидно*). На том берегу ай на этом?

ГЛЕБ СТЕПАНЫЧ (*метнув на брата убийственный взгляд*). На этом. Где тогда все Кучковичи с Долгоруким сидели...

Поднимаются на холм Московский, к берегу, где собралось уж немало – гости и москвиты. Шмыгнул мимо малец в заячьем треухе.

ГЛЕБ (*хватая его за ухо*). Ты куда, татарчонок? Че тут делаешь?

Татарчонок верещит что-то, тычет пальцем на коней с вьюками.

ГЛЕБ (*отпуская его*). А-а, с отцом тут, с татаринном? (*Борису*) Из Казани товар привезли? Как скажут потом мудрые люди, а летописцы запишут: «Все в гости будут к нам»...

Вышибает ладонью клеп из бочки, подставляет под хлынувшую струю трех татарчока, подает полную шапку вина Борису.

ГЛЕБ (*краснея*). Вишь, вино-то! Заморское, не оторвешься... Не отравлено, можно пить, пей!...

Наливают по второй – каждый себе. Подходят другие – москвиты, Кучковичи и так, еще кое-что из пришедших сюда деревень.

ГЛЕБ (*пуская шапку по кругу*). Братина, называется. Кто первый повалится, тот завтра мне тут отработает.

ГОЛОСОК ПОДАЛЕЕ. А кто устоит?

ГЛЕБ (*смеясь*). Тот ищцо будет пить... доупаду.

Сцена вторая

Москва. По Владимирской дороге, от Боголюбово, едет как бы «на осляти» Великий Князь Руси во Владимире Андрей Боголюбский. Впереди него на руках крест накрест несут Византийскую Икону Владимирской Божией Матери. Люди растянулись по лесистой стороне. Вон уже и Московский холм – вон откуда видать, показался, манит всех, призывает.

Расстилают прямо на дороге ковер.

ЛЮДИ (*несущие икону, князю Андрею*). Может, передохнем?
КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*бодро*). Чего уж! Вон уже и Москва...

Наша вотчина....

КТО-ТО ПОЗАДИ. Кучкино вено, их родовое, туземное.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*метнув назад острый взгляд*). Было Кучкино, стало наше, русское.

И, огрев плетью коня, выскакивает из людской тесноты вперед, на дорогу. Появляются московиты – целая кучка, все тут на Москве ходят кучками.

БОРИС СТЕПАНЫЧ – московитский боярин (*встречая князя хлебом-солью*). Кланяемся тебе, Великий Князь Руси во Владимире, и приглашаем к себе на Москву.

Князь Андрей преломляет хлеб, посыпает крупной солью и ест, подставляя ладонь, чтобы добро не пропало.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*выхватывая взглядом Бориса из общей московитской кучки*). А ты чего тут? А ну сюда давай, к боголюбовским! Хозяин тут Глеб, а мы, Борис, с тобой – гости...

КТО-ТО В ТОЛПЕ, *из-за обочины (со смешочком)*. Глодать будем кости.

ГЛЕБ (*как отрезает*). Всего хватит, на всех припасли.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*зычно*). Молодцы московиты!

ГЛЕБ (*ведя княжьего коня под уздцы*). Хлеб на столе, пересол на спине.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*лихо*). По спине, если что, у меня и ногайка походит.

ГЛЕБ. У нас до этого не дойдет. Наш народ смиренный, домовитый. Люд торговый, всюду выгоду ищут (*смеясь*). А какая, князь, выгода от ногайки?

БОРИС (*подавая голос уже там, среди боголюбовских*). Но – гайка или на – гайка?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Тебе-то дело какое, не все ли равно?

БОРИС (*окатив князя тяжелым взглядом*). Ннну-у-у...

И тишина. Как говорится там в толпе, и тут тоже – «покойнички в небе летают», «в гробу мы все это видели».

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*словно читая мысли*). «Покойничков и «гробы» отставить – в сторону, погодить! Будем встречаться в

другом месте и в меньшем составе: на подворье боярина. Так, боярин?

ГЛЕБ СТЕПАНЫЧ. Так, так, князь Андрей... Эй, мужики! Катите бочки обратно – ко мне на подворье!

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. А икону Владимирской Божией Матери проводим на холм Московский. Пущай видит все сущее далеко и глубоко.... Приставим охрану... личную... Никитенок! Ты будешь Мать Божью охранять.

ГОЛОСОЧКИ В ТОЛПЕ. И отца, и отца...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*подозрительно*). Какого отца?

ГОЛОСОЧЕК. Ну этого... Юрия Долгорукого...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Ах, отца мово – князя Юрия Долгорукого? А чего его охранять, неживого? Ну, конечно, где мать там, и отец.

ГЛЕБ СТЕПАНЫЧ (*в тон ему*). А где отец, там и мать... Наша общая мать – Владимирская Божия Мать...

* * *

Бывшее подворье Кучки – отца, превращенное Юрием Долгоруким в княжеский двор, чтобы тут бывать проездом из Киева на Владимир. И теперь тут распрягают коней боголюбовы люди, когда наезжают в Москву. Сюда же, к бывшему отчому тыну, примыкает Глебов двор.

Поставили столы во всю длинку – от отцова к сынову, тут же устали все съестным да питейным.

ОДИН ГОЛОС ЗА СТОЛОМ. Питание есть веселие на Руси.

ДРУГОЙ ГОЛОС. С тостом застолье, достойное князя, а без тоста – пьянка.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Ну так говорите, подымайте чашу. Во имя чего?

ДРУЖИННИК (*вбегая*). Князь! Конь твой сорвался с привязи и убежал. Куда там! Унесся к реке.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*бодро, весело*). Меня ищет! Ничего, сам придет, Чалый мой.

Кого-то с трех кружек сморило уже, развезло. Кто-то достает гусли, ударил по струнам всей пятерней. Ведут

коня под уздцы – Чалый! Конь княжеский – лоснится весь, в мыле.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*вставая*). Откуда вы, молодцы? Кто такие? Надо же, коня мово приструнили.

СТАРШИЙ ИЗ ПРИШЕДШИХ ЛЮДЕЙ (*махнув на всадника без седла*). Вон у нас молодцы какие: любого коня обратают... Кто мы? Да гости, гости. Тверские...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. А кто князь у вас?

СТАРШОЙ. Я и есть.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Так дед был у вас, куда дели?

КНЯЗЬ ТВЕРСКОЙ. В могиле уж как с полгода, зарыли.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. И как зовут тебя? Ты коня моего поймал?

МОЛОДОЙ КНЯЗЬ ТВЕРСКОЙ (*скаля зубы*). А кто же?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Ты князь, как зовут?

МОЛОДОЙ ВСАДНИК. Да кличут меня. Тверя, тверской.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. По-простому.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*вскакивая на стол*). Видали? За гостей тверских! За молодого князя Тверского!... Виночерпий, вина!.. Коня моего обратал! Тост за него, тост!

После паузы.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*усадив рядом с собой Тверю*). Как попали, гости тверские, сюда?

МОЛОДОЙ КНЯЗЬ ТВЕРСКОЙ. Да узнали, что ты, Великий Князь Руси во Владимире, тут на Москве-то будешь? Вот и примчались... Византийскую Икону из Киева вы сюда привезли. Дай, думаем, поглядим...

ГОЛОС ЗА СТОЛОМ, И второй тост, ищцо!

КРИКИ ЗА ВОРОТАМИ, машут руками. «Погодите! Погодите! Еще гости! На телегах едут»

Заскрипели телеги – одна, другая и третья. «Что везете, что ль, камни?» – «Рыбу». – «Своей до черта». – «Такой нет, ганзейская из Великого Новгорода». – «Морская, балтийская?» – «Ну давай, причаливай будем пити и ести все мы со смолянами».

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Смоленский по левую руку садись, ближе к сердцу. А по правую наше правое дело –

тверич, молодой князь тверской, Тверя... Вы смоленские, значит князь у вас Смоля, так?.. За смоленских тост, за смоленских! За князя смоленского...

Смоленские живо рассаживаются между тверскими и московскими, между боголюбовскими и владимирскими. И питье, как и веселие на Руси, продолжается.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*привставая*). А чего это вы, смоленские, как раз сюда к нам попали? Как узнали? Ай тоже лазутчика подсылали?

КНЯЗЬ СМОЛЕНСКИЙ. И без лазутчиков всей Руси уж известно, куда Византийскую Икону повезли – Владимирскую Божию Матерь. Сюда, на Москву.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Ох, и ловкачи вы, друзья сопредельные! Так и норовите Москву прикарманить, к рукам прибрать, тайный умысел держите. А сами то рыбу отсюда тянете, то коней наших угоняете.

ТВЕРСКИЕ И СМОЛЕНСКИЕ. Да что ты, Великий Князь! Да нам и в голову не приходило... Чтобы не свое к рукам липло... Своего хватает, свою землю хотя б удержать...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*возвысив голос*). Вот-вот! Свою бы в распыл не пустить! А то опять степь пошла, на закат ковылями идет по двенадцать километров в сутки... Скот впереди гонят, города по пути сметают... А Русь – страна городов... А мы будем все брать да чужое делить...

ГОЛОСОК В ГЛУБИНЕ. Как отец твой... точь в точь...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*вспыхнув*). Сказал это кто?!

ТВЕРСКОЙ И СМОЛЕНСКИЙ КНЯЗЬЯ (*оба сразу*). Вся смута в Киеве идет от Мстислава. Они все наводят смуту... Вы икону у них отняли...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*вставая во весь рост*). Нам икона тут-то нужнее, сохраннее будет тут, мы отсюда Русь под ней собирать начинаем. Тут у нас в уголке легче выстоять, выдюжить степь, коли она пришла в движение... Нам икона важна. Да пошли, спросим у Богоматери, сама пусть скажет, где ей лучше? Пошли, пошли туда, на холм, к ней самой, да и спросим – что скажет?

МОЛОДОЙ ДРУЖИННИК (*в кольчуге и шлеме*). Чалого вести, князь?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Так дойдем, до холма тут недалече. Идем, братцы?

ГОЛОС ИЗ ЗАСТОЛЬЯ. Веди, князь, веди....

Московский холм над Москвой-рекой. На той части, что к речке, уже кладут камень, из стволов начинают городить частокол. Тут под надежной охраной и содержат в шатре византийскую икону – Владимирскую Божию Матерь.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*на ухо Молодому Стражнику Никите Бакунину*). Ничего не заметил? Не покушались ли на икону?

(*И громко на всех*). Видите, как хорошо тут иконе. Не побоялись ни Владимир, ни Боголюбово отпустить от себя эту нашу святыню... (*Набирая голосу*). Не произнести ли мне, братья, тут слово, как говорится, святое, со слезами смешанное?..

Толпа из собравшихся тут москвитов, окрестных смердов, чуди, гостей со всей Руси, сбежавшихся сюда под напором степи:

Произнеси, произнеси, Великий Князь, слово это святое, великое! Слово пламенное! Перед нашей святыней русской – Иконой Владимирской Божией Матери.

Сцена четвертая

(*продолжение*)

Великий Князь Руси во Владимире Андрей Боголюбский произносит свое пламенное, золотое слово в защиту Москвы:

«Дорогие други! Русичи, москвичи – москвиты! Народ мой владимиро-боголюбовский! Гости наши со всей Великой Руси! Вы слышите стук копыт по степи, это уже поскакали, скачут сюда к нам ордынцы. Вот-вот загорятся наши крыши, деревянные храмы, осквернятся наши иконы, падут первые... Вы падете, вы, люди... Москвиты! Мое сердце сжимается болью»...

ТОЛПА (*загудев*). У – у – у ... а – а – а ... о – о – о ...

Молодой Стражник Никита стоит молча с тикой в руке. Шевельнулись люди, оттесняют его за шатер к деревянному храму на гребне холма. Взглядываясь в дали, вверх по течению

Клязьмы, в сторону Боголюбобо, он незаметно исчезает, уходит в сторону, остается один.

ГОЛОС СВЫШЕ. Буря зреет в душе Никитенка, сменяясь тихим светом умиротворения. Где-то над лесом возникает белое облачко, под ветерком из него получается лик – кто это, молодая монашка, возлюбленная его, но почему она в белом?... Говорят, где-то у кого-то белое – знак печали, и даже смерти.

НИКИТЕНОК (*шепча*). Ольда... Что с тобой, Ольда?..

(*В сторону*). Она в Боголюбобо, за избушкой, в том глуховатом местечке, где Летописец кладет на свиток свои письма...

Ветер дует, доставляет слова: чьи они – Ольдовы или Летописца?...

«Она руку мужскую его целовала,

Она волосы, вея, в ладони брала.

Отпускала Перуна в глубины овала –

В огнедышащий кратер звала и звала.

А когда лишь наутро вернулась из леса,

Ахнул каждый, увидев: девчонка – не та!

И смотрели теперь уж не без интереса.

Как сияла над ней Красота, Красота.

Как движения плавны, во взгляде значенье.

Сколько тайн, сколько полных магических лун.

И никто не узнал про ее помраченье,

Что в лесу приходил к ней любовник Перун.

Только Пан подглядел. И, соперник коварный,

В небе Солнца рисуя горящий овал,

Позавидовал, что ль, молодой и удалый,

И в лесах, хохотал, хохотал, хохотал».

ГОЛОС СВЫШЕ. И белое вдруг стало затягивать черным, расплзлось и истаяло, и пошел красный дождь, и по Клязьме от самой Москвы – туда, потекли ко Владимиру ало-красные слезы.

Никитенок тряхнул головой, прогоняя видение. Оглядысь, ищет рукой он свою пику. Пика же там, где и люди, где икона,

где князь Андрей Боголюбский продолжает держать перед москвитями речь.

«Дорогие люди мои! Москвичи – москвиты! Православные всей большой православной Русской земли. Сродники и соседushки, подлинные жители этой земли, по право обитающие на своей родине и вскормленные родной стороной. Мы же все русичи, русские люди, отчего мы тайны лелеем в груди друг от друга, норовим хотя бы пядь отпятьить один у друга, проливая при этом нашу братскую кровь?»

Земля наша нам дорога. Она не раз еще станет ареной, сплывивая нас, русских, вокруг всяких бед. А мы явно и втайне стремимся присвоить ее, растащить по кускам. Земля наша русская достойна хвалы, любви всех людей. Она породила нас и вскормила и кормит, подражая женщине: беременеет с весны и рождает к осени – Русское поле, седые хлеба. Они благоустривают всю нашу жизнь, этой среднерусской равнине учреждают каждодневный уклад, обучают ремеслам, дают силу жить и мечтать, браться в нужный момент за оружие... Русское поле, седые хлеба, – они дают нам подлинную свободу. А свобода, как скажет потом Патриарх, хоть в застенке тебе, хоть на крайней черте, даже на пике презренья, гонений дает право быть человеком. Мы устриваем свое правление так, чтобы люди были свободны.

ГОЛОСА ИЗ ТОЛПЫ. А сами, князь, нас гнетете, нашу кровь льете, топите нас в интригах, скрытны вы, жадны... Князь Юрий Долгорукий убил Кучку, а ты сын своего отца...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*вспыхнув*). Скорблю, готов порой броситься в ноги. Простите меня, прощая – обретаем себя... Двадцать лет минуло. а вы помните...

ГОЛОСА В ТОЛПЕ. Да, помним. Кровь смывается кровью.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Но мы не язычники, мы отказались от Перуна... «Устривая наше правление, мы не должны приносить других в жертву, мы видим людей хороших и напротив – дурных. Павшие принадлежат к хорошим, даже к прекрасным»...

ГОЛОСА ИЗ БОГОЛЮБСКИХ. Он храм на Нерли созидает. Он смотрит на красоту каждый день.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*продолжая*). «Люди, братья! У вас есть бояре, князья, есть Великий Князь Руси во Владимире. Одни получают право от вотчины, в наследство, другие – с одобрения всех. Как в Славене (Господине Великом Новгороде), на вече народном. Право за каждым, власть в руках большинства, но посмотрите и там, что творится – на вече, богатые подкупают бедных, а бедные дают себя подкупить...»

ГОЛОС СВЫШЕ. Как скажет в будущем, Ф.Д.Рузвельт «должности и полномочия должны передаваться тем, что кажутся лучшими, причем ни телесная слабость, ни бедность, ни безвестность предков не служат поводом для чьего-либо отвода»...

ГОЛОСА ИЗ ТОЛПЫ. А у нас бояре – навечно, князья – навечно... засядут и держат друг друга...

ГОЛОС СВЫШЕ. Как в будущем: Брежнев – 19 лет, стагнация, Лужков – 18 лет – коррупция, Гаврила Попов – один год, а другой уже тоже 17...

ГОЛОСА ИЗ ТОЛПЫ. Квасу, квасу дайте князю, а лучше сурьи...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Люди, москвиты! Считайте, первая часть моего слова закончена. Давайте послушаем Летописца. Иди сюда, Парменон.

Парменон подходит к Великому Князю, кланяется в пояс сначала ему, потом народу, стоящему тут, у шатра, пониже холма. В руках Парменона свиток.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Что это у тебя?

ПАРМЕНОН (*кивнув на шатер, где икона*). Вот к ней приложение. От древних греков еще, привезено из Царьграда княгиней Ольгой. Византийский Патриарх вручал ей после обряда крещения... «Речь Аспазии». Мудрая была, обучала ораторскому искусству. Вот отсюда начнем:

«В основе общественного устройства лежит равенство по рождению. В городах собраны самые различные люди, поэтому их устройство отклоняется от нормы – таковы тирании и олигархии; города эти населяют люди, считающие других либо господами, либо рабами. Мы же все и все наши люди, будучи братьями, детьми одной матери, не признаем отношения господства и

рабства между собою; равенство происхождения заставляет нас стремиться и к равным правам для всех, основанным на законе, и повиноваться друг другу лишь в силу авторитета, доблести и разума»...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*перебив Летописца, вставляет свое*). Право большинства, но князь видит всех и каждого. Так, Парменон?

ПАРМЕНОН, ЛЕТОПИСЕЦ (*продолжая читать «Речь Аспазию»*). «Отцы погибших и наши отцы совершили множество прекрасных дел как в частной жизни, так и на общественном поприще... Поэты уже воспели в прекрасных стихах их доблесть. Но это, достойное славы, по поводу чего еще ни один поэт не высказался достойным образом и что пока находится в забвении, – об этом, думаю мне, следует напомнить, почтив такие деянья хвалой, дабы побудить других изложить их в песнях и поэмах...

Итак, мы сказали о многих делах, находящихся здесь мужей. Но есть еще больше дел, о которых мы не сказали. Ведь поистине много дней и ночей не хватило бы тому, кто пожелал бы это все перечислить. Как следует, помня об этих людях, передавать всем их потомкам наказ – не покидать строя своих предков. Я и сама хочу наказать вам, сыновьям доблестных мужей... это моя собственная речь, говорили же они так: «Дети, свидетельством, что вы родились от нынешних отцов, являются нынешние события. Мы предпочли этому славную смерть, дабы не ввергнуть вас и ваше потомство в позор... мы считаем, что тем, кто приносит бесчестье своим сородичам, не стоит и жить, подобное не мило никому из богов и людей – ни тем, кто ходит еще по земле, ни тем, кто похоронен и уже лежит под землей. Почтить заслуженное родителями – это прекрасно и величественно – это сокровище их детей; расточить же такое сокровище, как деньги и честь, и не передать потомкам – позорно, не мужественно...

От имени павших прошу брать пример с них, быть стойкими и уверенными в себе. Мы берем на себя личную и общественную заботу о вашей старости, издавая законы, касающиеся заботы о детях и о родителях тех, кто погиб на войне; эти граждане

пользуются особым покровительством наших законов, согласно которым охраны их возложена на высшее должностное лицо, коему надлежит следить, чтобы отцы и матери павших не претерпели обиды. Все они в течении всей своей жизни пользуются заботой (общества и государства – Л.З.)... Теперь вы, как и все остальные, оплакав, согласно обычаю, павших, ступайте».

Парменон-летописец, свернув свиток и поклонившись народу, отходит в сторону.

Пауза. Слышно, как черные птицы пролетают над Московским холмом. Шелестят крылья, капает дождь.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*видя перед собой всех и каждого*). «Русичи, москвиты! А теперь давайте увидим то, что за этим стоит. Распахните шатер. Вот она – Богоматерь Владимирская, которую святая Ольга привезла из Царьграда. Вот она, наша душа. Мы ее оберегли, принесли вам сюда на руках, унесем ее в свое сердце»...

БОГОЛЮБОВЦЫ (*заволновались*). Как унесем в своем сердце? Она наша, владимирская – Владимирская Божия Матерь, но хранится пока там у нас, в Боголюбово.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*не снижая тона*). «Да принесли сюда вам, чтоб вы глянули. Восхитились ее красотой и бессмертием, чтобы она и вам запала в самое сердце... Будущее небезоблачно, а порою и страшно. Божия Матерь Владимирская со младенцем станет опорой вам и защитницей – всех и каждого, всей Москвы и каждого москвича, москвиты... так ли сказал, други мои, свое слово золотое я, терпкое, со слезами сердечными смешанное... Мы – боголюбцы, под Богом ходим и Бог любит нас...»

ТОЛПА (*колыхнувшись, восхищенно*). Так, так, о Великий Князь! Русь Великая вся с тобой!

ГОЛОСА РАЗРОЗНЕННЫЕ (*в глубине, с разных мест*). Отчего слезы-то? По крови по невинной? По Долгорукому, протянувшему сюда к Москве долгие руки... по убиенному Кучке?...

ДРУГИЕ ГОЛОСА. Заткнитесь, Кучковичи! Хватит уж, пострадались. Двадцать лет минуло, пора и забыть (*поверх всех у Московского холма, перед шатром с Византийской Иконой*). Князю Великому, нашему князю Андрею Боголюбскому – слава!

ТОЛПА (*глухо*). Слава, Слава, Слава!

ГОЛОС ЗЫЧНЫЙ. Матерь Божия, Владимирская Богоматерь!

Просим, молим тебя: стань опорой нашей, защитницей нашей Москвы!

Толпа рухнула на колени и замерла.

Сцена пятая

Москва. Бывшее подворье боярина Кучки, превращенное Андреем Боголюбским в постоянный княжеский двор.

Князь Андрей после встречи с народом на Московском холме сидит босиком на пне, подперев голову кулаком. Шум у коновязи, конское ржанье, разгоряченные голоса.

Стражники подводят к князю схваченного человека.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*вяло кивнув на него*). Кто такой?

СТРАЖНИК (*подавая нож этого человека*). Да вот коня твоего зарезать хотел.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*вскакивая*). Чалого?!

СТРАЖНИК (*толкая в спину еще одного – схваченного молодого парнишку*). Вот, гляди на него (*занося над ним саблю*).

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*подняв руку*). Кто такой, кем подослан?

СТРАЖНИК. Тутошний, говорит, из Кучковичей. Глебов внук.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*махнув рукой стражнику*). Ладно. Выведи за ворота и в шею.

Стражник, бурча, уводит молодого Кучковича. Князь Андрей подходит к коню, гладит ладонью по крупу, заглядывает под живот – глубока ли рана? Ничего, обошлось. Конь довольно прядет ушами.

Князь Андрей накидывает седло на Чалого, подтягивает подпругу. Так и стоит у коня, замерев в размышленьях о делах земных и небесных. Как говорится, многоступенчатый, как пороги днепровские, вся Русь Великого Княжества...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*коню*). Вот стоишь, и не знаешь, где мы с тобой, Чалый, с утра окажемся? То ли грудь в крестах, то ли голова в кустах. Не маши головой, не тряси долгой гривой, не согласен со мной? Что ж я должен с тобой, конь, считаться? Как

читал Парменон-летописец из речи Аспазии, мы, князья, должны видеть всех и каждого. У нас с тобой, Чалый, теперча тут, забегая вперед, «демократия»... «демагогия».. «демография»...

Что нас, русичей, ждет: у древлян – Немиги кровавые берега, у владимирцев – сожженные ордынцами терема, у Кучковичей и то и другое.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Эй, стража! Позовите Никиту – моего личного телохранителя. Проедемся с ним по московским срубам и отрубам.

СТРАЖНИК (*издали*). Да нет Никитенка-то, нет! Только что был, и нет. Пешой куда-то убег.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*в сторону*). Вот охрана, туды ее, как распустились! У Немиги кровавые берега, берега кровавы, а у Кучковичей пост великий. Подпругу надобно подтянуть, а то брякнешься посередине дороги...

– И-и-и-и, – заржал Чалый.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*вслух*). Не гогочи! Да, брякнешься, как стеклянный, рассыплешься...

СТРАЖНИК (*догоняя его*). Нельзя тебе одному, все же князь – первое лицо Великого Княжества.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*бурча под нос себе*). Ишь, как при дворе присосались.

СТРАЖНИК. Еще и хорувь подыму над собой, чтобы видели – князь едет!

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Ну не дают поссс... тоять у древа, исполнить свою заветную мечту...

СТРАЖНИК. Мужскую – исполняй, но тоже при нас, при страже.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*ворча, но уже как-то мягче, податливее*). Сладко есть любите, долго спать, туды вашу мать! А как коню мому Чалому кинжал в брюхо едва не всадили, так вас, стражников, нетти.

Как ты думаешь, Чалый, успокоилось в чугунке у Кучковичей, или еще кипит, ложка в вареве так и пляшет?

СТРАЖНИК. Ты прямо как не князь, говоришь, по-простому.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. А я и так, и так могу. У меня на то есть Мефодьевна – кормилица моя, с детства такому учила... Пил

сосунком слова, как молоко: сколько хошь, когда мошь... Да куда же делся этот Никитенок паршивый?! Говори, как на духу.

СТРАЖНИК. У старшого бы спросил, князь, а я за ним не слежу.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. И чей ты малый? Недавно в страже.

СТРАЖНИК. А кормилицы внук... Внук Мефодьевны... Боголюбовские мы, из Боголюбово.

Кукушка прокуковала кратенько и захлебнулась.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*вздыхнув глубоко*). Да, мы стареем, а молодые, как трава...

Оглядевшись опасливо, словно испугавшись чего-то. Мы с тобой тут, в болотах одни. Никого въяви, слышь, кикиморы захохотали...

Князь Андрей хлестнул Чалого зеленой веткой, сорванной на ходу, и ускакал в сторону Московского холма, едва виднеющемуся из-за высоких деревьев. А стражник остался. И сразу же из болот на него навалились смрад какой-то, скрежет зубовный, предсмертные хрипы. Так бывает на месте кровавых сражений или тайных убийств...

Внук Мефодьевны – великокняжеский стражник – угнул голову в плечи и затрусил на лошадке по лесной дороге, которой только что ускакал на Москву Великий Князь Руси во Владимире Андрей Боголюбский.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. А в это время личный охранник князя Андрея – Молодой Стражник Никита Бакучин брел по отдаленным подворьям, искал то злополучное, страшное место, где Юрий Долгорукий убил когда-то боярина Кучку.

НИКИТЕНОК (*под нос себе*). Сам убивал или кому приказал? Какая разница. А все-таки, все же.

Останавливается у деревянной церквушки с края холма, на речке Неглинной. Обходит церквушку со всех сторон. Тужась, собирается составить перед глазами картину убийства. Как живо, в виденьях все представилось вдруг Никитенку. Он задохнулся, вообразив еще шевелящегося, недобитого Кучку где-то у угла деревянного церковного сруба.

Скрипнула дверь. Выходит священник – старик, странно смотрит на Молодого Стражника из княжеской свиты: зачем он тут, а не там? С князем он или с Кучковичами?

НИКИТА БАКУЧИН (*хрипло от напряжения, и в сторону*). Так с кем я – с князем Андреем или с москвитами? Да, но есть москвиты, которые тоже с князем Андреем. Да, но ты по крови их отдаленный родич...

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Священник вдруг принимает очертания Юрия Долгорукого. Никитенок тужится вообразить у священника руки по локоть в крови – не получается. Улыбаясь, старичок затворяет дверь, и как проваливается вместе с церквушкой, с тенью Юрия Долгорукого, уходит в лоно куда-то.

НИКИТА БАКУЧИН (*вслух, сам себе*). Нет, не тут, не это место. Не может быть тут, возле церкви... Пройдем далее по Неглинной, туда – к крайней московитской усадьбе...

Плешь у самого леса. Лежат свежесрубленные стволы. Тень какая-то, появляясь, движется следом за Молодым Стражником. Кто же это, что за тень – те же кровавые руки, тень Юрия Долгорукова?.. С топором из лесу выходит мастеровой, начинает ошкуривать бревнину – толстый сосновый ствол. Руки его обыкновенны...

НИКИТЕНОК (*вздвогнув от тени, скользнувшей все той же тропкой*). И за сосной никого... и за той... и за третьей... Но чую, что-то живое, а не тень Юрия Долгорукого крадется обочь. Вроде похож на напарника, с каким я стоял, скрестив пики, в княжеских палатах... А дальше что ... далее?..

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Молодой Стражник углубляется в лес, да так и идет с тревогой в душе, темноватой лесной дорогой на Боголюбово. Идет и идет, идет и идет – до самого Боголюбово.

Вечереет. Солнце низится туда, откуда пришел Никита Бакучин сюда, на просторный луг у Нерли перед белой церквушкой. Тут ему как-то спокойнее. За опушкой в лесной избушке, где живет Летописец, и вовсе делается хорошо – привычное место.

Только Нерль при закате и видать, сквозь редкие сосны; закатываясь, солнце кровит, не унимая тревоги...

НИКИТЕНОК (*в глубину леса*). Ольда! Ольда, Ольдушка!

Кто-то в белом движется в сумерках навстречу из отсыревшего леса – это она, она.

МОЛОДОЙ СТРАЖНИК (*пугаясь*). Ты зачем здесь, Ольда?

ОЛЬДА (*теперь уже просто*). Жду.

НИКИТЕНОК. Кого?

ОЛЬДА. Тебя.

НИКИТЕНОК. Как? Я же должен быть там, где князь. Я же за ним, как нитка за иголкой.

Обнимает ее и уводит в кусты, где когда-то в первый раз в жизни они тут и были. И опять не то лес, лесной Пан, не то Парменон-летописец им доносят слова.

ОЛЬДА. Я беременна.

МОЛОДОЙ СТРАЖНИК. От кого?

Остановились, прислушались, слышат.

ОЛЬДА. От бога Пана.

ГОЛОС СВЫШЕ. За дверью избушки Парменон-летописец все кладет и кладет в скрижали свои письмена. Слово по слову, нескончаема нить.

Месяц родился! Месяц родился!

И человек появился.

Люльку повесил на узенький рог

Пан – наш лесной, человеческий бог.

Вот и растет, наливаются силой

Мальчик ничейный, мальчик красивый.

Очень похожий на узенький месяц

Где-то у звезд – провозвестниц.

Пусть все дитя это малое видят

И никогда не обидят...

Пан был доволен, с собою сличая,

Люльку на узеньком роге качая.

НИКИТЕНОК (*Ольде, оглядевшись*). Что же теперь мы с тобой будем делать? Где жить?

ОЛЬДА (*зардевшись вся*). Тут, у Пана.

Снова скрипнула дверь, на порог выходит Старик-летописец. Переглядел звезды, пересчитал, какие знал давно и любил, да и сказал, им сюда, молодым, записанное в серебре леса:

– Горят высокие огни,
Вечерние глаза.
Они вставляют наши дни
В святые образа.
Горят не Пановы огни –
Любовь и лики с книг.
Они такие тут одни,
От Бога я у них.

И волчье сыть уж стороной.
И не страшна уж степь...
Так и завыл бы под луной
И перегрыз бы цепь.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Владимир. Успенский собор. Великий Князь Андрей Боголюбский со свитой. Все они только что из Москвы.

Сцена первая

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*слезая с коня и передавая его своему новому телохранителю, сменившему Никитенка, строго*). Гляди у меня за Чалым! Глаз не спускай! (*Оборачиваясь к придворным*). Забудьте тут, что мы из Боголюбово! Мы все вла-ди-мирские! А я, Андрей Боголюбский – Великий Князь Руси во Владимире!... Отныне будем сидеть во Вла-ди-мире!..

Созвать сюда со всей Русской земли мастеровых, пушай готовят палаты достойные. Княжий трон освежить, обновить, усыпать камнями, прибавить ищцо брильянтов. Чтоб гляделось и виделось: князь тут сидит, Великий Князь во Владимире! Владеет если не миром, так Русью всей неделимой Великий Князь всея Руси! Чтоб знали власть...

Подходит Боярин-распорядитель.

БОЯРИН (*кланяясь*). Входить будем в Собор али как? Ночевать тут будем ай сразу в Боголюбово?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. В Успенский собор мы войдем с иконой – с Владимирской Богоматерью.

Прибавить золота алтарю, покрасить ворота, промыть окна... Собрали мастеровых, какие тут живут, во Владимире? Идем к ним, говорить буду...

Князь Андрей со своей свитой проходит к людям под соборной тенью. Прижавшимся друг к другу, под суровым северным ветром.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*усмехнувшись*). Тоже мне могучая кучка (*возвышая голос*). А ведь будет могучая! Соберем мастеров со всей Руси, из Киева, Новгорода привезем... Поставим Золотые Ворота, Божию Матерь во Владимир, в Успенский собор, пронесем через Золотые Ворота... Богу – богово, людям – княжеское...

БОЯРИН-РАСПОРЯДИТЕЛЬ (*на ухо Великому Князю*). Гонцы из Ростова и Суздаля.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*властно*). Небось, подождут.

Пауза. Со стороны Боголюбово появляются всадники.

БОЯРИН-РАСПОРЯДИТЕЛЬ (*князю Андрею*). Ищцо гонцы. Сразу трое – из Киева, Твери и из Новгорода – Господина Велико-го Новгорода...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*сдвигая брови*). Это они там у себя «господа», а у нас тут – Владимир! Принять Киев и Тверь, Новгород погодить, опосля Ростова и Суздаля...

БОЯРИН-РАСПОРЯДИТЕЛЬ. Так из Новгорода самые мастера.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*смягчившись*). Ну тада давай по очереди. Как приехали, так и примем... А прежде, после дороги-то, омовение совершим – рожи сполоснем. Отряхнем с плеч пылицу.

БОЯРИН-РАСПОРЯДИТЕЛЬ. Сундук чай везем, в сундуке княжья сбруя.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*усмехнувшись, уже совсем мягко*). Что я тебе конь, что ли? Утварь в сундуке, одежда княжеская, чтобы переодеться.

БОЯРИН-РАСПОРЯДИТЕЛЬ. Кафтан чесучовый да яловые сапоги... Золоченные кубки...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Вина и тут достаточно припасено.

БОЯРИН-РАСПОРЯДИТЕЛЬ. Так, говорят, попили. Пока мы в Москве сидели... они тут за твое, князь, здоровье...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*совсем по-доброму*). Ну да ладно. Будем пити свою, – сурью, медовуху. Чай мы не из Цареграда, а тоже рущики.

Пауза. Князь застегивает кафтан до самого горла. Хмурится, собирая в сборки чело.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Оставь меня! Дай хоть мысли сомкну в тугой узел, вон куда разбежались... По всем этим лесам и болотинам...

Садится на сундук, думает, как всегда, подперев голову кулаком.

В сторону. Сколько всяких узлов навязано, попробуй развяжи. А без этого не сдвинешь Русь, не придешь к намеченному... Северо-Восток Руси – лесной, глуховатый край. Болотина на болотине, много воды. Главное – в стороне, не на самом ходу степняков; Ростово-Суздальская Русь, а князь Великий всея Руси во Владимире. А сам Владимир то ли под Ростовом Великим, а то ли под Суздалем. А Суздаль то ли над Ростовом Великим, а то ли Ростов Великий над Суздалем... А Киев где-то там, на южной Руси, то ли еще над всеми нами, то ли уже под степью, платит ордынцу дань...

В жменю, в кулак надо собирать Русь тут, во Владимире, а не катать по ладони, зерна от плевел не отделяя. Пока птицы черные по зернинке не выберут, не исключют...

Подходит Старший из мастеровых, кланяется князю Андрею.

СТАРШИЙ МАСТЕРОВОЙ (*поправляя темную полоску на лбу, чтобы волосы не спадали*). Великий Князь, начинать класть камень али погодить?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Чего годить-то? До осени надо ворота поставить, в храм икону внести. Русь должна стать великой по-настоящему, пока я молодой.

СТАРШИЙ МАСТЕРОВОЙ. Погодить надо. Тучи над головой больно грозные. Как пройдут дожди, так и класть.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Дела! Целый черед: дворец великокняжеский строить, храм, может, отдельный для Божией Матери делать, че ей тесниться в Успенском-то?

СТАРШИЙ МАСТЕРОВОЙ. Ну, гляди, князь. Хочется как лучше, а не как всегда: авось, небось да как-нибудь. Ну пошел закладывать камень дай Бог увидим, что получится...

Мастеровой уходит. Князь Андрей переносится мыслью в другую сторону: на Москву, где они со свитой только что были. И где сейчас на Московском холме, в малом рубленом срубе-храме, под конной и пешей охраной, пребывает божий дар – Икона Владимирской Божией Матери.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Она Москву нам держит, Кучковичи дали слово блюсти святыню в целости и сохранности.

Поднимается с сундука и идет в палаты, откуда только вымели дохлых крыс, мышинный помет и много другой всякой всячины.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (ударив ладонью по князьему трону, чтобы не скрипел, покрепче держался). Кивает Боярину-распорядителю. Пушай входят гости.

БОЯРИН-РАСПОРЯДИТЕЛЬ. Все втроем?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (хмелея от прихлынувшего чувства власти). Валяй.

БОЯРИН-РАСПОРЯДИТЕЛЬ. А придворные, княжеские советники?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Переводчики нам не нужны, говорить же будем по-русски.

Входят, застревая в дверях, сразу трое: Ростов, Суздаль и Великий Новгород. Стража пропихивают гостей сюда, в тронный зал, к Великому Князю.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (с улыбкой протягивая им свои долгие руки). Братья, братики, проходите.

БОЯРИН-РАСПОРЯДИТЕЛЬ. С кого начнем?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (рассмеявшись). Все великие. Начнем с малого – с Суздаля...

ГОНЕЦ СУЗДАЛЬСКИЙ (обидчиво). Суздаль тоже не малый.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. В будущем так и останется малым. Что – не нравится? Ну так это, давай вставай третьим. Бог любит троицу, пушай тебя любит Бог...

СУЗДАЛЕЦ. Без Бога – не до порога.

И пошел становиться на первое место.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Чего хотел мне твой князь передать??

СУЗДАЛЕЦ. Устно велел сказать. Наш князь писать не хочет, ибо читать не умеет...

БОЯРИН-РАСПОРЯДИТЕЛЬ *(вклиниваясь)*. А пиктографическое письмо?

СУЗДАЛЕЦ. Наш князь велел передать: не ндравится ему, что ты, князь, затеваешь. Икону таскаешь туды-сюды, строить собираешься Золотые Ворота.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Вы-то строите, чего захотите... ну и стройте... иконы свои хоть в Ростов таскайте, а хучь куда, в суете своей.

РОСТОВСКИЙ и НОВГОРОДЕЦ *(оба сразу)*. А чего это вы, владимирцы, все про Тверь да про Смоленск нам? Других вам нет городов?

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ *(в сторону)*. А то. То! Что Боги им, не боятся даже Владимирской Божией Матери. Не слушаются Великого Князя: то с ордынцами вяжутся, от Руси тайно мостик наводят, то с ганзейцами...

РОСТОВСКИЙ и СУЗДАЛЕЦ *(оба сразу)*. С ордынцами. Знаем, это рязанцы. Они с краю Дикого поля. А с ганзейцами вот они, новгородцы... Мы, говорят, Господин Великий Новгород – город ганзейский. А центр у Ганзы где-то за бугром, далеко – за пределами...

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Ну и что в таком раз делать Великому Князю, как стоять за единую и неделимую? Вон ордынцы *(костры горят как сигналы, идут сообщения)* уж поперли сюда на нас с большими конными лавами... И что скажут на это ваши князья?

ВСЕ ТРОЕ ГОНЦОВ. А то, что и мы.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. А что вы?

ВСЕ ВТРОЕМ. А то, что и наши князья.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ *(стукнув посохом о пол)*. Ну, что, что скажете вы, холопы, и ваши князья, люди русские?!

ВСЕ ВТРОЕМ. Веники надо вязать, веники. Веник не переломить.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ РУСИ ВО ВЛАДИМИРЕ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*вставая*). Ну вот, и все сказано вами. Спасибо. (*Придворному-распорядителю*). Скажи, пушай наломают им веников. Из владимирской березы. Да запарить покрепше. Сами же говорите, таких веников не переломить...

СУЗДАЛЕЦ. Пиктографическое письмо.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Передайте каждый своему князю веник отсюда, Владимира, от меня, Великого Князя Руси... Вот, скажите, мое последнее княжеское слово – березовый веник... Им можно еще и мести, сор выметать, чтобы у нас на Руси было чисто...

ГОНЦЫ (*откланиваясь*). Спаси бог, Великий Князь.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*подымаясь окончательно*). Вот мое последнее слово: нас русских княжеств много, а Русь – мать одна. На Москве сейчас Владимирская Богоматерь, она там с народом глаголит.

Сцена вторая

Владимир. Утро. Княжеские палаты

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Сладко потягиваясь, князь Андрей перетекает мыслью навстречу течению Клязьмы-реки туда, к Боголюбово, в родные луговые, лесные, ягодные места. К избушке Парменона-летописца, к его словам, сказанным ему, князю Андрею, когда единожды он пришел к мудрому человеку туда, в избушку, по подземному тайному ходу.

Летописец читает только что записанное им в скрижали веков: «Умный выкручивается, мудрый к умным в сети не попадает. Князь зовет в придворные, а поэты, летописцы дворовыми быть не могут. Те же, что при дворе, очень хотели бы стать поэтами, восхваляя друг друга, а не получается. А я хочу быть поэтом при Боже»...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. А еще Парменон сказал уже устно: «Что же ты, князь, обираешь себя и людей? Ставишь рядом с собой все более худших и худших, восхваляя как лучших. Это, князь, опасно: для тебя, для княжеской власти плохо, для наших святынь, для Руси...

Вот читает ему Летописец свое, перемешивая Перуново с Христовым, святое с греховным, с византийским русское, а на Троицу в травах-муравах, луговых и лесных, во все это вникнув, готов вздыбить словом все это, перемешать.

Я рожден в День Березы,
В краю, где царит
На российском престоле береза.
Я – березовый отпрыск,
Во мне говорит
Всемонаршья поэзия, проза.

Сок березовый капнет
Из мартовских вин,
Я – на вещем коне, на излете,
Я – задумчивый царь,
Мне любой гражданин
Срубит голову на эшафоте.

Рубят – щепки летят,
Сок звенит с топора.
Брызжет пенная влага монаршья.
Серебро к серебру,
От такого добра
Кровь, дичая, вскипает на марше.

Розу утром несу,
Всю росу отрясу,
Все умою, что тут не умыто.
Я – березовый царь,
И меня – на фонарь?!
А за то, что в лесу я – элита!»

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*подзывает нового своего личного телохранителя*). Никитенка не разыскали?

НОВЫЙ МОЛОДОЙ СТРАЖНИК (*сдержанно*). Ищем.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Скажи, пусть придет ко мне Старший мастеровой... Ну из тех, тех, что ставят во Владимире Золотые Ворота.

Пауза. Князь Андрей по привычке подходит к окну. Вбегают Боярин-распорядитель, следом входит Старший мастеровой.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*вошедшим*). Ну что там у нас с Золотыми Воротами?

БОЯРИН-РАСПОРЯДИТЕЛЬ. Золотые! Сияют!

СТАРШИЙ МАСТЕРОВОЙ. Красим снизу, завершаем поверху кладку.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*махнув*). Ну идите (*Останавливает Старшего Мастерового*). Говоришь, опасно может быть... Дожди были, почва размокла.. Опасно?

СТАРШИЙ МАСТЕРОВОЙ (*пожимая плечами*). Богу одному известно, что с нами завтра будет.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. На Бога надейся, а сам не плошай.

Старший мастеровой уходит. Князь садится за стол, берет тяжелую византийскую книгу, раскрывает свиток – свод законов, что взял читать у Парменона.

ГОВОРИТ ВСЛУХ. Нельзя считать виновным того, кто не хотел делать то, чего не хотел делать, а это случилось.

Князь Андрей смотрит в окно – в ту сторону, где строятся Золотые Ворота – подарок владимирцам, Владимирской Богоматери, всей святой Великой Руси.

Внизу слышатся крики, вопли, люди бегут, рвутся сюда, обезумев. Наконец, у самых дверей затихают.

КНЯЗЬ БОГОЛЮБСКИЙ (*страже*). Эй, что там!

Стражники вводят Тетку с клюкой – ту самую, из города Киева.

СТРАЖНИК. Вот она – колдунья... все сотворила...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*бледнея*). Что случилось?

СТРАЖНИК (*выдохнув, разом*). Князь! Золотые Ворота упали!

Как подкошенный князь Андрей, так и плюхается, садясь мимо трона.

Строительная площадка. Золотые Ворота, лежат на боку. И там под камнями – люди. Стражники, сдерживая ярость народа, сплотились вокруг Великого Князя.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*белый, как полотно*). Небо! Боги! Богоматерь Владимирская! Помогни людям остаться в живых. Будем живы – будет Русь спасена. Божия Матерь, где ты?..

Отходит в сторону. Обезумевшие люди бросаются на него, на бояр, на стражников. Стража плотно держит кольцо перед князем. Оставшиеся в живых мастеровые приступают к расчистке завала. Все ждут терпеливо, что будет?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (едва шевеля губами). Господи... Господи... Господи... Помогите... Помогите... Помогите...

А толпа растет. Сбегаются люди с факелами, дрекольем. Вот-вот, как всегда на Руси, пойдут громить бояр, их подворья. От греха князь Андрей Боголюбский уезжает со свитой с глаз долой, в свои княжеские палаты. Кремля во Владимире нет, князь Андрей переходит в ближний монастырь. Сидит за высокой монастырской стеной, чутко прислушиваясь к многолюдному гулу у Золотых Ворот, каждый раз вздрагивая, как только раздаются взрывы криков, песнопенья толпы.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ, Господи! Коли поднимут Золотые ворота, люди под ними живыми окажутся, значит, ты услышал меня... Я прощен тобой, Господи, за все мои прегрешенья...

Эй, боярин! Послали людей в Москву за иконой – Владимирской Богоматери?

БОЯРИН-РАСПОРЯДИТЕЛЬ. Да послали, послали, князь! Уж давно ускакали.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Надежных ли послали людей? Привезут ли в целости и сохранности?

БОЯРИН-РАСПОРЯДИТЕЛЬ. Да, надежных, надежных, самых надежных, таких молодцов.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Отдадут ли им икону Кучковичи?

БОЯРИН-РАСПОРЯДИТЕЛЬ. Как не отдать? Там дружина твоя, как это не отдадут?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Боярин! Ты у меня, распорядитель. А как зовут-то тебя хоть, а?

БОЯРИН (потупясь). Да почти что как и тебя: Любовша я.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Стало быть, мы с тобой ровень?

БОЯРИН ЛЮБОВША. На корню сидим, на отчине.

И тут от Золотых Ворот скачет к Великому Князю гонец. Пика ввысь острием, на пике – белый платок.

ГОНЕЦ (*крича издали*). Боголюбский! Князь! Добрая весть! Люди живы! Все под воротами, живы! Боги любят тебя!

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. И Старшой жив, что из мастеровых?

ГОНЕЦ (*подходя к князю и валясь перед ним на пол*). И Старшой.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*поднимая гонца и целуя его прямо в губы*). Во истину Боги любят нас, боголюбовских.

Обеспокоясь вдруг.

А что же с исконой-то нашей? Владимирской Божией Матерью?

БОЯРИН ЛЮБОВША. Да на Москве она, на Москве. Что с нею станется?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Надежные, говоришь, московиты, Кучковичи? Для себя надежные люди, а для Божией Матери?

БОЯРИН ЛЮБОВША. Не бойся, князь. Раз признали Владимирскую Богоматерь защитницей Москвы, стало быть, так и будет.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Не того боюсь, что признали, а того, что другое никак не признают. По сю пору держат в памяти, не забывают.

БОЯРИН ЛЮБОВША. Душегубство на Руси долго помнят. Это в Киеве князю Владимиру простили.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Так крестил Русь, крестил! Пошел в бабку свою – княгиню Ольгу... Сделал Русскую землю святой...

(Взмахнув руками и как бы прогоняя что-то перед собой – виденья, что ли). Рыбу возил Владимир по Киеву... мясо и хлеб по подворьям... церкви десятину назначил... Так грехи свои замаливал...

Эй, дружина! Запрягайте коня, грузите телеги! Поехали по дворам, по подворьям, развозите люду владимирскому хоть рыбу, хоть хлеба и мяса... из наших запасов, из того, что наготовили себе года на три... Бог пошлет нам ищщо, мы Богом любимы... Золотые Ворота себя показали... Везите, ничего не жалейте, кормите народ... даром, даром... В тяжкие поры это откликнется... Как аукнется, так и откликнется, так оно у нас на Руси...

Уже на самом выезде из Владимира Великий Князь Руси Андрей Боголюбский придержал коня – своего Чалого, бросил поводья стражнику, подошел к поворотному камню, к березе. Прислонился к ней и почувал впервые за столько лет токи родной земли.

БОЯРИН ЛЮБОВША (*обеспокоясь*). Чего ты, князь? Перетомился?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*качнув головой*). Да так как-то, вещунье вещует. В последний раз еду я этой дорогой, в последний разок во Владимире.

БОЯРИН ЛЮБОВША. Ну что ты, князь, что ты? Гони тяжкие думы. Приедем домой, изопьешь медовушки-сурьницы и завтра же будешь, как новенький. Хоть жени в третий раз...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*с печалью в голосе*). Со второй-то живу, а первая в памяти. Все кажется мне, что зло она содержит в себе против меня, замышляет чего-то...

БОЯРИН ЛЮБОВША. Содержательная баба. Все они такие, Кучковичи. Вон их сколько на Москве, в Боголюбово – и с характером, и на погляд видные.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. То-то и оно-то. С волхвами якшайся, говорят, сам с того волхвом можешь стать.

БОЯРИН ЛЮБОВША. Может, тут, на Москве, у Глеба, много всякого якого. Камень носят за пазухой. А у нас в Боголюбово Борис смиренный, никто никогда ничего не слышал от него супротив.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Двадцать лет дружим семьями, ходим друг к другу на праздники, сурью вместе пьем.

БОЯРИН ЛЮБОВША (*вздыхнув глубоко, основательно*). Хотя, конечно, как-то не по себе, в тихим озере черти водятся.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*слабым голосом*). Икону надо вызволять из Москвы, возвращать в Боголюбово. А там везти и во Владимир, ведь она Богоматерь – Владимирская.

Сцена третья

Боголюбово. Княжеские палаты. Великий Князь Руси во Владимире Андрей Боголюбский собирается на охоту в дальние

урочище, где, говорят, развелись кабаны, много всяческой дичи, даже, говорят, ходит медведь – шатун.

БОЯРИН ЛЮБОВША. Опасен медведь, всеяден. А ты, князь, уже не молодой.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Русская забава. Это только разведка. Думаю большую охоту организовать, князя Киевского позову...

БОЯРИН ЛЮБОВША. Мстислава?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Хана из ближайшей орды. Ну и своих тут – соседских княжат...

БОЯРИН ЛЮБОВША. Охота – дело опасное. На нее собирают тех, кому верят.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Вот и окажем доверие, проверим родичей, друзей.

БОЯРИН ЛЮБОВША. Глухомань-то какая. Лучше уж затеять рыбалку – тут у нас, на Нерли. Рыбки для гостей нагнать сюда поболее, хоть из Клязьмы...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*наклоняется к уху Любовши*). Ездил наемни туда... в глухомань... медведей прсверять. Стрела провенела, и в ствол, висок охолонило, кожа на виске аж затряслась... Кто бы это мог, а?

БОЯРИН ЛЮБОВША. А кто знал про то, что поедешь?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*оглядчиво*). Да все. Родня, боголюбовские (Боярину). Силки расставлять умеешь? Силки поставь.

ЛЮБОВША. Куда делся этот... любимец твой... Никитенок?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*махнув рукой*). А-а, об этом не думай. Не годен на такие дела, не он. Это – матерые люди, разбойники. Иконой таких не прошибешь. *Выходят из княжеского подворья, углубляются в лес.*

БОЯРИН ЛЮБОВША. У Парамошки бываешь, князь?

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. У Парменона.

ЛЮБОВША. Как ты ходишь к нему?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*уклончиво*). А как и все: ногами да по лесу. Едва смеркнется.

ЛЮБОВША. Смотри, князь, на корягу не напорись.

Что-то зашевелилось в кустах. Князь Андрей выхватывает лук у стражника, идущего следом, пускает стрелу. Раздается короткий вскрик.

Князь Андрей с боярином Любовшей бегут к кустам.

БОЯРИН ЛЮБОВША (глядя на лежащего человека). Готов.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Кто это?

ЛЮБОВША (переворачивает лежащего лицом вверх). Кучкович. Второй внук Бориса.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (подозрительно). Зачем он тут? Твой охранник, тебя охраняет?

ЛЮБОВША (смушенно). Да меня, меня. Вишь, и тебя тоже доохранялся.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Я – князь, да еще Великий Князь Руси во Владимире. Первое лицо, государь.

ЛЮБОВША. Ну, а я Боярин-распорядитель, тебе помогаю.

Вернулись молча в великокняжеское подворье. Да так же молча и разошлись в разные стороны, каждый думая про свое.

На другой день боярин Любовша пошел к боярину Борису Кучковичу, чтобы выразить отцу, как сказал он, сочувствие. И долго, долго они с Кучковичем разговаривали о чем-то. Пришел боярин от Бориса – взъерошенный, мокрый. Как заметили княжеские придворные и тут же передали князю Андрею, боярин был не в себе, словно скрывая внутри себя какую-то тайну.

На утро проверяя тайный ход, ведущий из княжеской обители, в лесок поблизости, что напротив Нерли, князь Андрей Боголюбский прошел под землей ровно столько, чтобы оказаться в избушке у Летописца.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (присаживаясь на привычное место). Ну, что, Парамоша, давненько с тобой не выдались?

ПАРМЕНОН. Не знаю.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. И что говорят про нас звезды? И что заносишь ты в святцы о звездах земных?

ПАРМЕНОН-ЛЕТОПИСЕЦ. «Немиги кровавые берега, берега кровавы».

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Чувствую, в последний раз у тебя я в этой обители. В последний разок мы с тобой разговариваем.

ПАРМЕНОН-ЛЕТОПИСЕЦ. Боги слушают нас, мы говорим и Богам. Русь святую ждут потрясения... На века вперед ее чудится путь. От тебя, Великий Князь, по всем будущим русским государям счет пойдет, от твоей жизни и смерти...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*отвернувшись*). Смерти?

ПАРМЕНОН-ЛЕТОПИСЕЦ. Да, от смерти. И совсем, совсем близкий счет.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Не люблю волхвов, не терплю предсказателей, халдеев.

ПАРМЕНОН-ЛЕТОПИСЕЦ. Ты знаешь, я не предсказатель – пророк. В чем разница? Предсказатели не уверены, они это делают с внутренним страхом, я же почти уверен в том, что будет с эпохой, народом, страной. Вот с тобой, Великий Князь во Владимире, с Русью нашей после того...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. После тебя или до тебя?

ПАРМЕНОН-ЛЕТОПИСЕЦ. Я – вечен, как сама Русь, меняю столицы свои, даже названия, но сохраняя смысл – русские...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Русские – кто, люди? И куда делось слово «люди»? И куда они еще денутся?

ПАРМЕНОН-ЛЕТОПИСЕЦ. А туда, где и все. Ты, князь, уже на краю. Все цари пойдут за тобой, все императоры, властители... Ни один не умрет своей смертью...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Ни один? Ты мне участь мою облегчаешь.

ПАРМЕНОН-ЛЕТОПИСЕЦ. Так не так, а мне уже ведомо кое-что.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Пророк! Волхование губит нас.

ПАРМЕНОН-ЛЕТОПИСЕЦ. Да что ты, князь, что ты!

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Можешь показать на стене живой образ Владимирской Богоматери, что сейчас на Москве?

ПАРМЕНОН-ЛЕТОПИСЕЦ. Могу.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Хочу видеть ее перед смертью. Буду знать хоть, за что погибаю... Ну а все же так ли уж плохо? Можно ли Божью Матерь просить, ей молиться?

ПАРМЕНОН-ЛЕТОПИСЕЦ. Молись. Я в скрижали уже занес про тебя...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*показывая на деревянную кружку*). Что это?

ПАРМЕНОН-ЛЕТОПИСЕЦ. Питие. Вода на меду, на душице.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. От слова «душа»?

(*Махнув рукой*). А-а, да на все ли равно. Будем пити. «Питие на Руси есть...

ПАРМЕНОН-ЛЕТОПИСЕЦ. ... есть веселие», – так сказали наши отцы. Занесли летописцы в скрижали свои, оставили нам навсегда... Видишь? Я наливаю, мы пьем душицу, я горю весь, сгораю от пожара, видишь?..

На деревянных досках стены проступает изображение – все явственнее, проясненнее, видишь? С младенцем у лебедино изогнутой шеи...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Божия Мать! Я тоже был когда-то дитя, это я, сынок твой, у тебя на груди... И мне скоро гнить под толстым слоем земли в темноте, стать пустыми, трубчатыми костями, и куда денутся все мои годы, победы, совесть, любовь?..

Видение Богоматери на стене оживает.

ГОЛОС СВЫШЕ. Я оставляю младенцем тебя, дитя там у тебя на руках. Ты живешь на крови. Я тебя защищу от мрака, от мракобесия, лжи... Люди скажут потом, это был не просто Великий Князь, а человек... не просто показавший русским людям Аспазию, в ее слитности с Божией Матерью, уводящей Русь от отцов – к деткам, предкам, а от деток – к отцам... «Благослови на последний подвиг мя, Боже, моя Мать, Божия Мать, наша Всематерь людская»...

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (*поворачиваясь лицом к Летописцу*). Я готов, дай же твердость духа мне, осознание справедливости, совести.

Пауза. На стене одно лицо сменяет другое, появляется Юрий Долгорукий – Великий Князь Руси в Киеве.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Отец! Неужели за то, что двадцать лет тому совершил ты, отвечать должен я – твой отпрыск, твой сын?

ПРИЗРАК ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО. Ты взял «стол» от меня, стал Великим Князем Руси, – плати!.. Все, кто получают «столы» после тебя, властители даже самые маленькие, будут платить... Детки расплачиваются, в конце концов, за отцов.

ПРИЗРАК ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО. А когда кончится то, что было начато мной?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Кровь? Москва?.. Никогда?.. Кто же, кто за мной?..

Видение на стене исчезает.

Князь Андрей сидит, не шелохнувшись

ПАРМЕНОН-ЛЕТОПИСЕЦ. И Гомер поведал когда-то до нас: а Никто.

ГОЛОС СВЫШЕ.

Попрощавшись, Князь Андрей Боголюбский возвращается к предкам, в свои княжеские палаты, но уже поверху, а не под землей. Бррр, противно-то как, страшно даже подумать про это! Под землей, где истлевает твоя и чужая плоть...

Проходя лесом, князь Андрей отыскал самый крупный тут ствол сосны, стрелу в нем ту самую, рванул ее на себя и, сломав пополам, отшвырнул далеко. «Немиги кровавые берега, берега кровавы»...

* * *

Парменон-летописец сидит какое-то время, не шелохнувшись. Встает, зажигает лампаду в святом углу под иконой, ставит свечку во здравие всех великомучеников на Руси, какие были и будут. Потому как свечки людям надо ставить тогда, когда они еще живы... «Господи! Прости нас грешников. Мы не знаем, чего творим». Произносит вслух то, как сказали бы через века:

– Князь, ты дошел до крайней степени нервного истощения... Тяжела ты, шапка, Мономаха.

И заносит в свиток четким стелом своим: «Был князь Андрей, его посещают видения, отец приходил оттуда и увел сына туда же на веки веков».

Парменон-летописец выходит из избушки наружу, стоит на пороге, слушает небо в ожидании первой звезды. Черные птицы

со свистом пролетают над головой, указывая путь по направлению к кладбищу. Поднимается ветер, бесы раздирают небо, рвут в куски душу. Стороной, за избушкой, также молча проходят люди, скрепят осины, как-то сплоченно проходит группа людей, грешные человеки. По телодвижению Парменон узнает среди них женщину – первую жену князя, из Кучковичей, боголюбовские, Могучая кучка – они исчезают где-то, тьма наваливается на лес...

На опушке Парменон отыскивает глазами церковку на Нерли – как стояла при князе на фоне луны, так и стоит, обозначая на линии между княжеской обителью и первой звездой.

Парменон-летописец накладывает на себя крест троеруко, шепчет неистово:

Господи! Помоги Руси устоять и ныне, и присно во веки веков.

Сцена четвертая

Боголюбско. Княжеская обитель. Князь Андрей, собираясь опочивать, долго стоит у окна. Любимов зрелище: с привычного моста вглядываться в эту церквушку, лицезреть, проникая во всю ее поры, в неиссякаемую красоту.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ *(шепча).*

Господи! Дай мне завтрашний день прожить так же, как и вчерашний. «Молюся, Боже, тебе! помилуй мя и прости прегрешение моя, вольная и невольная, еже словом, яже делом, яже ведением и неведением!»...

Москва. Храм на холме, Владимирская Богоматерь во храме. Люди, она опять мироточит... Прости, Матерь, нас за все, что было и что будет, за все наше: дела и помыслы грешные... Спаси нас, Боже, и сохрани, и Русь нашу с нами, дай жить по совести и справедливости...

Боголюбско. Княжеские покои. Князь Андрей Боголюбский переживает утомление отходящего дня. То снимает кольцо, то опять одевает ее.

СЛУГА *(заглядывая).* Позвать княгиню, князь?

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ. Не надо.

Затягивая полог, кладет кинжал под подушку. Встает решительно и выходит во двор. Идет на конюшню, к коню.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*Чалому своему*). Смотрите-ка, не расседлан. Может, еще и не кормлен на ночь?.. Эй, конюший! Ты чего Чалого не расседлал? Под седлом стоит, этак ты меня моего любимца лишишь.

Подходя к коню, прислоняет голову к гриве, разговаривает с конем.

Глаз лиловый, конь бедовый, норов бешеный. Все-то ты понимаешь, только не говоришь. Вот и не сказал, чтобы тебя расседлали, стоишь, косишься на меня, не расседланный... Вот тебе овсеца, вот тебе подстилочка на всю эту тихую, оставшуюся для меня последней, мою бессмертную ночь...

Через сколько же битв мы с тобой, конь, прошли? Сколько верст за всю жизнь проскакали? Побывали и в Киеве, и в Господине Великом Новгороде, в Твери и Рязани, в Смоленске, Ростове и Суздале. Дикой степью прошли по грудь в ковылях, и аркан и кривая сабля степняка висли у нас с тобой над головой, свистели стрелы, впивались в тугое первитое тело и мое и твое... Объяли почти что всю Русь, пробираясь к победам по лесам и болотинам, по горам и долам. В речи вслушиваясь ордынцев, вместе улавливали тайный смысл их речений, за прямым словом русских князей перед нами витали смерть, рознь и междоусобица... Ты жалеешь меня, конь, я тебя не жалел, друг мой верный и храбрый, прости...

Князь Андрей кладет голову на грудь своему коню, конь стоит, присмирив, только переступает, перебирает копытами.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*в сторону*). Что это ты косишься назад. Кто там? Ах, это Мефодьевна, кормилица моя, беззаветная бабка! С детства пестовала меня, направляла, кормила, потчевала тихим русским словом – выпестовала, даже баловала меня, чего не делал ради меня никто, даже мать. А отец так и вовсе, бывало, бросит в речку – плыви, а начнешь хлебать воду – ну и хлебай, тони, как щенок какой-нибудь, пока не научишься плавать, скакать, держать в руке пику наперевес...

Вслух. И что ты явилась, Мефодьевна? Что ты хочешь сказать?

ТЕТКА МЕФОДЬЕВНА (*подперев пальцем щеку*).

Не ко князю – я пришла к тебе, милоч, милый, касатик мой. Сердце что-то щемит... Боюсь за тебя, не знаю, не ведаю почему, а вещунье вещует... Берегись, сынок, ты не только нам, боголюбовским, нужен, но и всем людям русским – владимирским, рязанским, смоленским, всей Великой Руси... Вот принесла тебе белый платок, в неровен час, в случае чего – рану можно перетянуть, головушку горемычную перевязать...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*смущенно, с сырыми глазами*). Что ты, мать моя – кормилица, что ты? Что вы все меня отпевае, ай не го ж уже ни на что? О детках моих позаботься, помоги – в случае чего – младшему, да еще и жене... поди, посиди в светелке своей, помолись обо мне, пересиди эту темную, паскудную ночь...

Скажи только, как оно по тебе-то, твоему разумению, должно быть у людей: сын за отца отвечает?

ТЕТКА МЕФОДЬЕВНА (*отмахнувшись*). Да ты что, ты чего?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. А как оно у государей? Не волнуйся, не бойсь за меня. Ступай, иди отдыхай...

Целует Мефодьевну-кормилицу троекратно, по-русски, по-московски даже: в щеки левую, правую и прямо в губы. Утерев глаза краем платка, тетка уходит. Князь Андрей стоит неподвижно, глядя в подступившую полночь.

Половинка Луны на небе. Другую половинку еще на той неделе, скорее всего, отъела собака.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*в сторону*). Кто-то стоит у врат, чья-то тень. Свой, скорее всего: голоса собака не подает... А чего не подходит, таится?.. Вот и смертушка моя близится, подступила... Еще кто-то пришел за ним – человек, или это только мне кажется?

Этот кто-то идет навстречу.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*отступая на шаг*). Ах, это ты, Никитенок? Ты пришел по душу мою?

НИКИТА БАКУЧИН (*бывший стражник, даже личный телохранитель, оглядливо переходит на шепот*).

Князь я твой оберег. Ночью они придут к тебе... за тобой...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Кто?

НИКИТЕНОК. Кучковичи.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. А охрана?

НИКИТЕНОК. У тебя нет охраны. Давай, князь, я лягу в постель, вместо тебя.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Уходи.

И Никита Бакучин исчезает во тьме. Князь Андрей Боголюбский стоит, закаменев.

В сторону. Что все это значит – во истину или чтобы вызвать страх, неустойчивость? В битвах князья себя не жалеют, ничего не страшатся, но там по бокам и сзади свои, в тебе есть уверенность, а тут ночь кромешная, даже собаки не воют.

Широкими, решительными шагами Великий Князь Руси Андрей Боголюбский направляется в опочивальню. Останавливается: переключка стражников да пофыркивание жеребца – его Чалого.

У двери князь Андрей заглянул в глаза Молодому Стражнику, тот не выдержал, отвернулся. Князь Андрей пощупал кинжал под подушкой, прилег, вытянул ноги.

ГОЛОС СВЫШЕ. И сейчас же дневная усталость потекла, побежала по телу к рукам и ногам, обнимая сладко всего. На какой-то момент Боги оставили князя. Вспыхнули, протекли мимо клином косым журавли. Пробежали тени от них – призраки, галлюцинации? С полунеба тени эти перешли в настоящие, четкие тени уже на земле. Превратились в грозные, невероятные силы. Человек двадцать во главе с женщиной постояли, постояли у боковых врат, пошептались со стражей и скользнули вовнутрь.

Первым пал от удара Молодой Стражник у двери княжеской опочивальни. Дверь, смазанная гусиным салом, даже не скрипнула. Кто-то отдернул полог. Кто-то занес руку первым. Потом каждый ударил по разу, чтобы не узнали, чей удар оказался смертельным. Били кто чем, кто куда: во тьму, непонятно в кого. Жаждали крови, а крови не видели. Били по князю, а попадали в подушку. Полетели пух и перья. Окрасились лица, руки.

КТО-ТО. Ну, хватит.

КТО-ТО. Еще по разочку.

ГОЛОС СВЫШЕ. Кто-то кому-то был должен за что-то Кто-то кому-то платил ни за что. Кто-то кого-то любил... кто-то кого-то убил...

Тени исчезли в истории, как и явились.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*застонав*). Летописец, впиши в скрижали мое последнее слово: «Что будет с Великой Русью?» Вписал.

И это придало князю сил. Он стал подниматься и падать, падать и пониматься. Не для того, чтобы остаться живым: жить сегодня и завтра, а для того, чтобы найти в себе ниточку, чтобы спастись и спасти свою Русь в будущем, в глазах поколений.

«Боже! Спаси нас и сохрани...»

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*набираясь духа*). Я помню, помню... память уходит последней... этот ход под землей, тайный ход к Летописцу...

ГОЛОС СВЫШЕ. Спускаясь по каменной лестнице, он оставлял кровавые ладони по залапанной каменной стене, шел как будто руками по белому, чистому снегу. К тайному ходу, к истине, к свитку Летописца, цепляясь уже не за жизнь, а за вечность...

ДРУГОЙ ГОЛОС СВЫШЕ (*со стороны*). А те, что сюда приходили, забились днем в норы, каждый – в свою, но бес на всех был один, бессовство закрутилось и понесло зло по русской истории.

Утро. Княжьи люди в подворье у Боголюбского.

Гляньте, тучи какие! Что-то случилось. Бедные, бедные мы, боголюбые! Боги покинули нас.

РУССКИЕ ЛЮДИ-ВЛАДИМИРЦЫ. Будем молиться, отмаливать грехи наши тяжкие. Да поможет нам наша Владимирская Богоматерь.

РУССКИЕ ЛЮДИ В МОСКВЕ. Господи, помилуй! Ищите да обращаете! Выстоим и пойдем, обновясь, по святой Руси, православной!

* * *

В то же утро. Все там же в лесу, у избушки.

ПАРМЕНОН-ЛЕТОПИСЕЦ (*глядя в пространство перед собой*). Ночью стою на пороге, что вижу: те двадцать в черном, что уходили, теперь возвращаются. И женщина в черном опять впереди – наклоняясь и падая.

И ветер, ветер. История не имеет сослагательного наклонения.

ПАРМЕНОН-ЛЕТОПИСЕЦ (*заноса в скрижали веков*).
«Наклонение есть и история есть, и этого хватит».

* * *

Ближе к полудню. Солнце уже высоко. У лесной избушки появляется Никита Бакучин – бывший Молодой Стражник, даже личный телохранитель Великого Князя.

НИКИТА (*Летописцу*). Лучше бы они убили меня, а не князя, кто?

ПАРМЕНОН. Могучая Кучка.

НИКИТЕНОК, Кучка? Могучая?

ПАРМЕНОН. За Москвой – великое будущее.

НИКИТА БАКУЧИН. Ни тут и ни там. Ни то и ни это. Что делаю, как живу?

ПАРМЕНОН-ЛЕТОПИСЕЦ. Русь впереди себя ставь – неделимую.

НИКИТА БАКУЧИН. Да что я? Даже князь Андрей лег навечно у ног.

ПАРМЕНОН-ЛЕТОПИСЕЦ. Кого?

НИКИТА БАКУЧИН. Владимирской Богоматери.

ЛЕТОПИСЕЦ. «Москва – третий Рим», «Новый Иерусалим»... Матерь Божия смотрит с Неба на нас, наблюдает...

Сцена пятая

Боголюбово. Избушка Парменона-летописца. Луг по берегу, церковка белая на Нерли.

Появляется Никита Бакучин.

НИКИТА БАКУЧИН (*приостанавливаясь*). Привычное место (вздыхая). Солнце уже садится. Зайти к Парменону? Нет не могу. Все кажется, что и он меня в шею. Изгой какой-то! Никому дела до тебя. Только что от Кучковичей, от Бориса. Так те, как мешками побитые. Увидели, от меня шарахнулись – руки прячут...

Убирает и свои руки за спину.

Особенно эта тетка – сестра Бориса, первая жена князя.

Никита подходит к оконцу, за которым, он знает, Парменон-летописец день и ночь кладет клинья в свои письма.

И княжата не пустили тебя к себе на подворье. Новая стража не подпустила к палатам, где князь в тронном зале лежит уж в домовине, прибранный. Скоро будут впускать прощаться...

И кто теперь будет вместо него тут, в Боголюбово? А во Владимире? А на Москве?.. Пока что Боярин-распорядитель Любовша? Боярин Борис, из Кучковичей? А князя Андрея нет... И тут могут вытолкать в шею. Встал бы вдруг перед ними, а они б кто куда. Тут бы стражники их и похватали...

Боже! Что-то все не то у меня. С тех пор, как Ольга появилась. Все в порядке а с головой? Не могу понять, проникнуть, встать душой не в ту сторону. В эту в сторону не таятся встать, я один...

Я – за князя по старой привычке. Да и он как будто не видел меня, он не понимает, что вокруг него вся раскололась, кипит... Надо ему во Владимир перебираться, а он не поверил и в шею, в шею меня...

Меня-то? Меня – личного своего телохранителя?..

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Бывшего.

НИКИТА. Ну бывшего, бывшего! Меня – в шею, а с этими... с Кучковичами... чикался, склеивал давно уж расколотое...

Никита Бакучин поднимает комок земли и швыряет в сторону избушки.

И этот хорош – Парменон. Только и знает, что кладет и кладет стелом свои письма. Говорит, я ни то, ни другое, я – «над схваткой»... Господи, это же мука! Быть ничейным, ничьим, не к кому прислониться.

ВЕТЕР С НЕРЛИ. К Божией Матери! К Богоматери! В храм сходи.

НИКИТЕНОК (*сжимаясь в комок*). В храм – боюсь. Грешен я, грешен. У Христа невесту отнял – Ольду, эту монашку... И где она – сейчас, где? Не могу догадаться. Она что – скрывается от меня? Сказала – беременна, а сама бегаёт, как коза... как стрекоза... летает... скрывается... грешница...

Прости меня, Господи! Я запутался. Как и князь Андрей, который лежит в домовине, и ему не нужно уже ничего. И тебе, Никитенок, тоже будет не нужно уже ничего, не нужно? А Ольга,

ЭХО В ЛЕСУ. ... ни, ни, ни... но фамилия-то одна.

НИКИТЕНОК. Все дело в том, что молюсь Христу, а верю все еще в Перуна. Мы – Кучковичи, мы – язычники. А князь Андрей вел нас к Христу, к Богоматери.

С раздражением, с криком:

Да где же хоть Ольда! Где она, куда запропала? Лес все шумит, река играет, а люди мучаются и погибают.

* * *

Ольда, сидя у омута где-то на дальней поляне, куда приносит ей еду Парменон.

В сторону. Я слышу толчки под сердцем, это во мне стучится, рвется сюда новая жизнь. Бог не простил меня, не простит и его – моего ребенка, дитя. Что будет с ним тут, куда мы пойдем, где отыщем пристанище, будет ли крыша у нас с ним над головой?

Где-то поблизости, по лесной дороге, проскакал всадник. Прокричал с радостью: «Князь убит, князя нет! Мы свободны!». Но сердце мое, переполняемое материнством, стучит не так, по-другому:

«А ведь это был человек,
И его тоже мать родила.
И еще это князь был,
Каково Руси без князя?
Начнут снова делить, выяснять, воевать -
И сына заберут у меня на войну».

ОЛЬДА (*вслух*). И зачем тогда жить?

В ее воображении.

ПЕРУН. Не хочешь жить – не живи.

ВЛАДИМИРСКАЯ БОГОМАТЕРЬ. Ты – мать, греха в этом нет.

ПЕРУН. Будешь там жить, если не можешь тут.

ОЛЬДА (*вскакивая в ужасе от ударившей в голову мысли*). Как – в этом омуте грязном, с лягушками?

И бежит, запавшись, через лес, мимо избушки Летописца, к чистым, тихим водам Нерли под покров белой церкви, к божественной красоте ее неземной и прямо с берега бросается в реку.

ГОЛОС СВЫШЕ. Никитенок! Никита Бакучин – бывший Молодой Стражник, бывший личный телохранитель Великого Князя Руси во Владимире Андрея Боголюбского увидел на Нерли лицом вверх в пузырившемся белом платье ее, плывущей вниз по течению.

Сначала он не узнал, не понял, не осознал. И тут что-то сверкнуло в нем: «Боги! Они оставляют тебя совсем одного. Одиночество! Одиночество – вот что гнетет тебя всю твою жизнь и, наконец-то, сгубило...

Только что найдено в этом мире родное существо, и вот она там, а ты останешься тут – не нужный никому, по-прежнему одинокий. Ольда! я с тобой... за тобой...

ГОЛОС СВЫШЕ, КАК В ПУСТОТУ. Белое платье с чем-то темным медленно уходило под воду. Чистые воды не возмутились, как ни в чем не бывало, продолжали катиться куда-то вниз, к впадению в Клязьму, по которой когда-то откуда-то сверху, давно ли, протекли багрово-красные пятна.

«Немиги, Немиги кровавые берега».

По берегу, к храму Покрова на Нерли, у красоты которого впервые увидев, часами стоят паломники-пилигримы, шел Парменон-летописец. Воздев руки в крестам, он вскричал, задохнувшись от крика: «Боже! До чего допускаешь в своих владениях?».

Пришел в избушку и занес в скрижали свои на века:

«Немиги кровавые берега,
Берега кровавы».

А сам подумал и о себе так: «Люди гибнут от одиночества. Даже больше, чем в сечах. И особенно Поэты от Бога – со словом своим, обращенным к людям, а когда те не слышат их Слово, они думают, да зачем тогда жить?»

По занавесу бегут прекрасные имена: «Афанасий Фет, Сергей Есенин, Жерар Нерваль... Перси Биши Шелли... Марина Цветаева...» Какая роскошь слов, какие потери...

* * *

Москва. Кремлевский холм.

Голос Парменона за сценой. И ударили колокола.

А византийская икона – Божия Матерь Владимирская мироточила и мироточит.

Говорят, она защитница не только Москвы, но и Поэтов, Избранников Божьих, прекрасных в своем одиночестве, любящих и скорбящих,

Обреченных на муки,
Верных и неизбывных
Словотворцев Руси.
И колокола, колокола -
Все «сорок сороков»:
Московские, владимирские, боголюбовские,
Ростовские, суздальские, тверские,
Курские, орловские, рязанские,
Киевские,
Минские,
Феодосийские -
Великорусские колокола.

ЭПИЛОГ

Занавес опускается. На его ало-золотом фоне все та же икона Владимирской Божией Матери – защитницы Москвы.

ГОЛОС СВЫШЕ. Эта византийская икона была привезена на Владимирскую землю из Киева, а в Киев ее привезла из Византии Великая Княгиня Ольга, когда ездила в Царьград, чтобы принять обряд христианства.

Андрей Боголюбский обратил богоматерь с младенцем в главную святыню великого княжения своего во Владимире. Припадая к ней в лихую годину, в невообразимо таинственных прозреньях будущего, он предчувствовал мистику, чуда иконы. И это свершилось, проявилось в эпохах. Великий Князь Владимирский Андрей Боголюбский пал жертвой заговора 4 июля 1174 года (начало монархии), император Николай Второй с семьей был расстрелян 17 июля (по старому стилю тоже 4 июля) 1918 года. Конец монархии.

И еще. В ноябре 1941 года, когда враг подступил к самой Москве, главный атеист страны приказал возить в самолете над войсками по всему периметру обороны эту самую икону Владимирской Божией Матери. И мы отстояли Москву.

«Пресвятая Богородица! Яко благословенна, да славится пречетное имя Твое во веки веков. Соверши еще одно чудо, божия мать: спаси нас и сохрани на века. Аминь».

ГОЛОС СВЫШЕ. Смотрите, смотрите! Живая капля, искрясь, движется и от правого глаза сбегает вниз по щеке.

Занавес

20-26 сентября 2010 г.,
г. Орел – г. Малоархангельск,
Храм святого Михаила-Архангела

А. С. Пушкин

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный -
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела -
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

Леонард Золотарев

ПУШКИН:
«ЗАТО УВИДЕЛ ЕРМОЛОВА»
(лирико-историческая драма)

Увы, наш круг час от часу редеет.
Александр Пушкин

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

А.С.ПУШКИН – русский национальный гений, по дороге в изгнание, на Кавказ.

А.П.ЕРМОЛОВ – опальный генерал в Орле, герой войны 1812 года.

АЛЕКСАНДРА ЧЕРНЫШОВА-МУРАВЬЕВА – жена декабриста, Прекрасная тагинянка, кому Пушкин передал свое стихотворение «Во глубине сибирских руд...»

ЯМЩИК, везущий Пушкина по тракту из Москвы через Калуги в Орел.

ПРИЗРАК ДЕНИСА ДАВЫДОВА – поэта-кавалериста, героя 1812 года.

Прохожие, люди того и нашего времени.

Силуэты ПУШКИНА ГРИГОРИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА – правнука поэта, современных писателей-орловцев, матери Леонарда Золотарева – МАРИИ ГЕРАСИМОВНЫ – хозяйки дома, где встречалась с потомком Пушкина эта поэтическая плеяда. А также тени из прошлого – чиновники, купцы, жители уездного городка времен Гоголя, его легендарного «Ревизора».

ГОЛОС АВТОРА. Действие происходит в 1829 году в Серединой Руси, где проезжал когда-то великий поэт по ямскому тракту Орел – Тагино – Малоархангельск.

ПРОЛОГ

Орел, Дворянское гнездо. Писатели-современники останавливаются у здания с мемориальной доской.

ПИСАТЕЛЬ ПОСТАРШЕ. Смотрите-ка, встречу Пушкина с Ермоловым в Орле, наконец-то, увековечили (*Читает*). «Из Москвы поехал я на Калугу, Белев, Орел и сделал таким образом 200 верст лишних, зато увидел Ермолова»

ПИСАТЕЛЬ ПОМОЛОЖЕ. Доска всего-то, на «новострое», а был ведь целый дом мемориальный... в два этажа... Помните, мы тогда с вами помещеньеце для писательской организации подыскивали?

ПИСАТЕЛЬ ПОСТАРШЕ. «Потери старого Орла»... Статья такая была в центральной печати... И не одно это здание потеряли, а еще дом, куда к жене своей приезжал Сергей Есенин...

ПИСАТЕЛЬ ПОМОЛОЖЕ. В самом деле, пятидесятилетие организации могли бы встречать тут вот, в доме на этом месте. И какая была бы аура, совсем другой коленкор.

ПИСАТЕЛЬ ПОСТАРШЕ (*с гордостью*). У меня есть раритеты – прижизненные издания Пушкина.

ПРОХОЖИЙ (*слыша их, приостанавливается, иронично*). Что это вы тут, у особо охраняемого объекта?

ПИСАТЕЛЬ ПОМОЛОЖЕ. Да, стоим вот пушкинского духа набираемся, «пока свободой горим, пока сердца для чести живы».

ПИСАТЕЛЬ ПОСТАРШЕ. Встречу воображаем – Пушкина с Ермоловым у нас в Орле. Уж забыто, небось, всеми про это.

ПРОХОЖИЙ (*усмехнувшись*). Камень Ермолову закладывали на площади, так прежний губернатор говорит, мы тут у себя, в третьей литературной столице, памятник ему до небо отгрохаем.

ПИСАТЕЛЬ ПОМОЛОЖЕ. Кому? Прототипу? Литературный портрет на пьедестале.

ПРОХОЖИЙ. На коня, сказал, посадим Ермолова!

ОБА ПИСАТЕЛЯ (*рассмеявшись*). В каком веке – в этом или в следующем?.. На такую высоту вознесем Ермолова, что будет виден отсюда Кавказ... Смотрите, «страшись, Кавказ, сидит Ермолов»... Скорее драму я напишу, чем генерал от инфантерии станет генералом от артиллерии.

ПРОХОЖИЙ (*иронично*). Слава богу, не бедные. У нас тут в Орле есть и маршалы: Каменский и Жуков.

ПИСАТЕЛЬ ПОСТАРШЕ. Да, в названиях площадей.

ПИСАТЕЛЬ ПОМОЛОЖЕ, АВТОР ДРАМЫ, КОТОРАЯ ПИШЕТСЯ. Но на коне у нас только Пушкин – поэт! Как приехал сюда с бубенцами на тройке, так и укатил далее, по своему назначению.

ЗНАКОМЫЙ ПРОХОЖИЙ. И куда же вы, – на свой юбилей?

ОБА ПИСАТЕЛЯ (*усмехнувшись*). А куда и все, на Кавказ.

Сцена вторая

ХІХ-й век. Ямская дорога. Ямщик и кибитка. И Пушкин в кибитке держит путь от Белева по направлению к Орлу, а дальше на юг, на Кавказ, в изгнание; нежелательно для властей пребывание поэта в столицах.

Дорогу перебегают черная кошка.

ПУШКИН (*встревоженно, ямщику*). Что это, милый, за город? Собор да все церкви, церкви.

ЯМЩИК. Болхов, батюшка.

ПУШКИН. А-а, Суздаль Орловский (*В сторону*). Черная кошка. Не к добру... Повернуть назад, что ли? Как тогда. Уж выехал в Петербург к друзьям, на Сенатскую площадь, да черная кошка так же вот дорогу перебежала. Страшно сделалось, озноб пробрал. Думаю, высшей силы вмешались. Ну и повернул назад, не поехал. А не послушался бы себя, оказался бы там, где и все... Ах, Петербург, Петербург! Все мы под Медным Всадником...

Мало поцарствовал, много накуролесил.

Сто в Сибирь сослал, семерых повесил.

ЯМЩИК. Что это вы, батюшка, все шепчете?

ПУШКИН. Спой-ка, братец, народную, ямщицкую, а я послушаю. Как замерзал в степи твой брат ямщик.

ЯМЩИК. Талан мне не даден. Талан – дело редкостное, не каждому Боги дают.

ПУШКИН. В приметы-то веришь?

ЯМЩИК. Верю, батюшка, верю.

ПУШКИН. Видал? Черная кошка дорогу нам перебежала.

ЯМЩИК. Так я уже пальцы скрестил. Ничего не случится. К Орлу подъедем засветло. Кони добрые, колеса новые.

ПУШКИН (*в сторону, предаваясь мыслям*). Но парадоксы могут быть. А «случай – парадоксов друг...» Поехал-то из Москвы не через Воронеж, а тут вот, через Орел. А чтобы увидеть Ермолова – опального генерала. «Страшись, Кавказ, идет Ермолов!» А теперь там Паскевич, а Ермолов дома тут, не у дел. Интересно встретиться визави, тетатет поэту, отправляемому в изгнание, с опальным военным.

«Овидий был когда-то изгнан из Древнего Рима в северное Причерноморье»...

ЯМЩИК. Шепчете что-то, барин. Овидий – кто он вам, кум?

ПУШКИН. Крестный отец (*В сторону*). Ермолов – мой крестный. Вот с ним сейчас тут и встретимся, поговорим... По душам... Если это получится... Знаем, мы этих генералов, как я, отправляемым в изгнание... Служака Ермолов, характер, говорят, железный... Его сам Арачеев военным министром прочил, да царь чего-то не согласился...

Вот за такие, небось, как эта вот его, Пушкина, эпиграммочка на Аракчеева.

«Преданный бес лести»

Всей России претеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он – друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? Преданный без лести
... грошевой солдат.

ПУШКИН (*вслух, ямщику*). А что, братец, генералов ты любишь?

ЯМЩИК (*сходу*). Как любить-то их? Мы генералов не возим. Свои птицы-тройки у генералов. Пролетят, обдадут грязью и нету.

ПУШКИН (*вслух, своего добиваясь*). А поэтов любите?

ЯМЩИК (*помедлив*). Поэтов-то? Это каких? Наших – какие ямщицкие песни поют?

ПУШКИН. Ну хотя бы так. Авторов, авторов – любите? Слышь, ветер свистит, а сквозь ветер сюда к нам доносятся чьи-то слова... Из Орла долетают. Как бы из будущего...

Зорюшка ты, зоря, незакатная,
Троечка да троечка – обратная!
Эх, как встанет тот ямщик,
Глянет – степь до дому, пусто.
Вспомнит бабу, стопку, щи,
Где – капуста.
Головою как крутнет,

Песню звонку как завьет!
Как достанет тот ямщик
Пряничек печатный.
Вот что значит с мясом ши,
Что – обратный.
Зорюшка ты, зоря, незакатная!
Троечка ты, троечка обратная!

ЯМЩИК. Таких авторов у нас любят... Любят...

ПУШКИН (*снова в задумчивости, в сторону*). Еще с Аристотеля так: есть поэты от Бога, а есть прагматики, историки. И есть поэты при них, от власти – не Овидии, так.

Цари никогда не любили поэтов,

Поэты всегда не любили царей.

Вот Александр Македонский пошел по Персиаде со своими греками, а ему из Греции шлют на подмогу поэтов, артистов тысяч тридцать... Аристотель пишет туда своему ученику Александру Македонскому письма всякие, ободряющие. А тот ему отвечает:

«Учитель! Зачем всем знать то,
Что должны знать только цари?»

ПУШКИНУ (*вслух*). Да, только Кавказ седой да сам Ермолов и знают то, как покорял генерал, вершины кавказские.

ЯМЩИК (*поймав слово «Кавказ»*). Приходят оттуда и сюда к нам в деревню без рук, без ног.

ПУШКИН. В Орле родилась она.

ЯМЩИК. Кто?

ПУШКИН. Анна Керн. «Я помню чудное мгновенье...»

Или вот.

«Я вас любил, любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем,
Но пусть она вас больше не тревожит,
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим,
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим».

ЯМЩИК (*глядя вдаль*). Знобит что-то барин. Опять замораживает.

СВЫШЕ СЛОВА... Скорее всего, из будущего. Получается ряд, если судить по первой строке... только после меня...

«Я вас любил, меня вы не любили» (Тургенев)

«Любимая! Меня вы не любили» (Сергей Есенин)

ЯМЩИК (*вслух, погоняя лошадок*). А что ж, барин, есть у тебя друзья, товарищи? Кто они – тоже слова сочиняют?

Пауза. Кони фыркают, кибитка летит навстречу судьбе. Вот и Орел впереди, где-то там и Ермолов.

ПУШКИН (*раздумчиво*). Есть.

ЯМЩИК. И где они?

ПУШКИН (*кратко*). В рудниках, на Кавказе...

... Поэта дом опальный,

О Пущин мой, ты первый посетил,

Ты усладил изгнания день печальный...

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней.

Хвала тебе – фортуны блеск холодный

Не изменил души твоей свободной.

О Дельвиг мой, твой голос пробудил,

Сердечный жар...

Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было...

ПУШКИН. Поговорим о бурных днях Кавказа,

О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне... пируйте, о друзья!

Предчувствую оградное свиданье:

Запомните поэта предсказанье:

Промчится год, и с вами снова я...

О, сколько слез и сколько восклицаний,

И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!

И всю до дна в честь нашего союза!

ЯМЩИК (*слезая с облучка*). На, барин, поддержи вожжи! На колесо взгляну. Что-то правое переднее заколотило... Так и есть спица вылетела. Я сейчас – подобью...

Пушкин берет вожжи в руки, пересаживается на облучок.

Москва, Москва!..
Орел, Орел!..
Как много в этих звуках
Для сердца русского слилось!

Сцена вторая

Орел, в доме на бывшей Борисоглебской улице, что на Болисской горе. Генерал в отставке Ермолов Алексей Петрович. Сидит у окна, перебирая бумаги, лицом на север, откуда со стороны Болхова должен приехать Пушкин – поэт из Санкт-Петербурга.

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ (*вслух, сквозь зубы*). Столичная штучка!.. Знаем мы этих поэтов. Наговорят с три короба, когда можно вместить в два-три слова. И все, ах, мечты, мои мечтания, высоких дней очарованье... А остальное все хоть пропади... Бумагомарачки! Возьмут силу такие – они же всю Россию нам просвистят...

ГОЛОС СВЫШЕ. От портупей до портупей
Мы все тупей.

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ (*повернув голову*). Кто это сказал? (махнув рукой). А, да так. Никто, в трубе просвистело... Ходят вирши по всей Руси-матушке, только народ смущают. К бунтам, к Емельяну Пугачеву подталкивают. Интересно, совесть хоть есть у таких вертихвостов? Справедливы ль они, эти поэты? Благо общественное у них на уме, с языка Цицероны слетают, а что с того государству, государю, Руси – матушке, России великой – хоть трава не расти. Правда, есть наподобие и среди нашего брата военных. Помнится, летом 1826 года в русские пределы вторглись персы. Мы, нападение отразили успешно. Однако император шлет наместника на Кавказ своего любимца Паскевича Ивана Федоровича вместо меня. Составляя, реляцию, писал царю лично (читая бумагу): «В случае нездоровья или другого непредвиденного препятствия, вверить генералу Паскевичу командование корпусом»... И что оставалось мне делать в такой ситуации? Подал прошение об отставке. Однако все же счел за должное открыть глаза императору Николаю: «При теперешних обстоятельствах дела здешнего края поручены человеку, не имеющему

ни довольно способностей, ни деятельности, ни доброй воли...»
Что и нашло потом подтверждение у властей....

Ермолов широким, размеренным шагом начинает расшагивать по тесной комнате. Останавливается перед горящей лампадкой.

В сторону. Слава богу, обращение к императору – не внешний фактор, а внутреннее – все иное куда глубже. После известного события на Сенатской площади вот и к нему, командующему Кавказским корпусом, из столицы пришло предписание разобраться в среде офицеров, дабы пресечь известные настроения... Потихонечку, как говорят у нас на Руси «втихаря», шепнул писателю и дипломату (в зоне своего влияния) Грибоедову Александру Сергеевичу. И тот, прежде чем явилась «голубые мундиры», кое-что из переписки успел у себя уничтожить...

Донесли все же, дошло до государя, что, вероятнее всего, и послужило истинным мотивом его увольнения – «по домашним обстоятельствам»...

Да, грибоедовская «Горе от ума» – серьезная вещь. Все «горе» у нас в России, особо при нынешних положениях, именно «от ума», от иного настроения мыслей и чувств, чем общепринято, предписано, утверждено. Свое иметь, даже тайно, чрезвычайно опасно... Отчего на Руси это повторяется каждый раз, периодически?..

Давно ли, в прошлом или в позапрошлом году, в августе, в Орле к нему на Борисоглебскую, на Бодисскую гору, приезжал из своей Давыдовки Денис Давыдов. Ну это совсем другое. Кажется, ведь гусар, герой войны 1812 года. К тому же родственник, да еще сосед по «вотчине» в Лукьянчиково. Генерал в отставке не принимает чиновников, принимает только военных, а Денис – офицер...

ЕРМОЛОВ (*кричит в приоткрытую дверь*). Эй, кто там? Самовар сюда! Человек!

Снова вливается в бумаги, перелистывает листки, кладет книги перед собой.

Без самовара не могу. Хоть в походах, хоть тут в Орле. Верный мой друг, с моим с темпераментом, клокочет, как я. Отклокочет – молчит, таит в себе все. С душицей чай гоняю – с нашей, орловской, духмяной. Бывало, на Кавказ мне туда присылали такой самоварчик, с собой брал даже в горы, отправляясь к чеченцам на

военные позиции. Под пулями под картечью приходилось пивать чаек с душицей – наш орловский, духмяный чаек.

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ (*наливая в кружечку кипяточку покруче*). Вот он мне и говорит... кто говорит? Да Денис Давыдов являлся – тоже поэт, но каков? Призрак это сейчас, является передо мной гусар лихой, офицер. Вот призрак мне и говорит: «А давай-ка я спою тебе или стихи прочитаю, про кинжал». – «Стихи, – говорю, – давай, вирши». – Из басен Крылова Ивана Андреевича про коня и булат, или «Кинжал» Лермонтова. – «А Лермонтов, – говорю, – кто такой?» – Тоже, – говорит, – офицер, после будет такой на Кавказе. – Ну, давай, – говорю, – офицера, из будущего.

ГОЛОС СВЫШЕ.

М. Ю. Лермонтов

«Кинжал» (1838)

Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на мечь тебе ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.

ЕРМОЛОВ (реально, голос свыше). А этот поэт, что сейчас едет сюда, – Пушкин, он написал что-либо про кинжал?

ГОЛОС СВЫШЕ (в ответ).

А. С. Пушкин

«Кинжал» (1821)

Лемносский бог тебя ковал
Для рук бессмертных Немезиды,
Свободный тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды...
О юный праведник, избранник роковой,
О Занд, твой век угас на плахе;
Но добродетели святой
Остался глас в казненном прахе.

ЕРМОЛОВ (*реально, пребывая Голос*). А еще кто написал или кто еще напишет про это?

ГОЛОС СВЫШЕ.

И.А.Бунин

* * *

(1900-1902)

На высоте, на снеговой вершине,
Я вырезал стальным клинком сонет.
Проходят дни. Быть может, и доныне
Снега хранят мой одинокий след.

На высоте, где небеса так сини,
Где радостно сияет зимний свет,
Глядело только солнце, как стилет
Чертил мой стих на изумрудной льдине.

И весело мне думать, что поэт
Меня поймет. Пусть никогда в долине
Его толпы не радуется привет!

На высоте, где небеса так сини,
Я вырезал стальным клинком сонет
Лишь для того, кто на вершине.

ЕРМОЛОВ. А что? Это мне нравится (*Голосу свыше*). Нет ли еще чего у поэтов?

ГОЛОС СВЫШЕ. Опять же за Пушкиным вслед, тот офицер, что окажется на Кавказе, – М.Ю.Лермонтов. А другой Автор, уже в XXI веке, положит его слова на музыку своей души, так же вот сидя у самовара. И споет всем на Фетовском празднике поэзии, идучи к людям, как на картечь.

Поэт (1838)

(М. Ю. Лермонтов)

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надёжный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал, —
Наследье бранного востока.

Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;

Не по одной груди провёл он страшный след
И не одну прорвал кольчугу.

Теперь родных ножен, избитых на войне,
Лишен героя спутник бедный;
Игрушкой золотой он блещет на стене —
Увы, бесславный и безвредный!

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы;
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как божий дух, носился над толпой;
И отзыв мыслей благородных
Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных.

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?
Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ (вскакивая и срывая со стены свой кинжал, привезенный с Кавказа, говорит громогласно туда – на Север, оттуда долетает к нему обратно сюда). Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк!

Ермолов наливает из самовара кружку свою до краев.

ГОЛОСУ СВЫШЕ. Послушай, а нет ли у тебя еще чего-нибудь вроде этого посвежее?

ГОЛОС СВЫШЕ. Из будущего?

Л. М. Золотарев (2 октября 2010 г.)
«Олений рог»

И, выхватив кинжал, трубим в свой жалкий рог,
В остаток мыслей благородных.
Двадцатый век палит в единого,
Эпоху возвещая сумасбродных.

Гроза народов, личностей могила –
Всех пробудил, чтобы уснуть навек
Восточный деспот, на коне Атиллы, –
И распят Бог, и стоптан человек.

И что кинжал и все в крови пророки?
Труба трубит, неистовствует рог.
Оленя нет, его сожрал жестокий

Восточный деспот, западный порок.
Зачем трубили в рог мы в час молитвы?
Зачем сражались, гибли, нужны ль битвы?
ЕРМАКОВ (*резко*). И что тогда, не нужны генералы?

ГОЛОС СВЫШЕ. Изредка будем посылать генералов в войска,
как в командировку.

ЕРМОЛОВ. А поэты что?

ГОЛОС СВЫШЕ. Доберутся и до поэтов.

ГОЛОС ПУШКИНА (*издалека, подъезжая к Орлу*).

Булгаринных наплодят, а то отдадут поэзию, сказал Аристо-
тель, «машине времени».

Сцена третья

Орел. Пушкин и Ермолов в домике на Борисоглебской улице, на Бодисской горе.

ПУШКИН (*выходя из кибитки и играя словами, как мячиками*). Гора и горе, горе и гора...

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ (*улыбаясь, с широко раскинутыми руками*). Милости просим, милостивый государь.

ПУШКИН (*сдержанно, принимая цилиндр*). Государь у нас один... в Санкт-Петербурге. Отец наш, мы все его дети.

Через полчаса они уже на Дворянском гнезде, в большом двухэтажном доме, где ныне мемориальная доска, запечатлевшая их тогда во весь рост.

ПРОХОЖИЙ (*в шинели-крылатке, узнавая Пушкина и Ермолова, низко кланяясь им*). Чего это вы, господа, то там, то тут – в разных местах в чрезвычайно короткое время?

ЕРМОЛОВ. Да вот, видишь, кто к нам приехал? Поэт!

В сторону. Каков орел! Шинель-крылатку надел. Небось, специально. (*Вслух, Пушкину*). Почетный горожанин, поэт, еще цитировать? (*В сторону*). Знаем мы вашего брата. Гвоздя в стенку забить не можете, дармоеды.

ПУШКИН (*вслух*). Лермонтов появился, уже пишет стихи, значит, как поэт уже существует. Так он играет и на скрипке, и на фортепьянах, даже скульптуры лепит. Слепил намедни, говорят, Аракчеева или этого, как его... тоже с Кавказа...

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ. Шамиля?

ПУШКИН (*аж подпрыгнув*). Ах да, вспомнил! Тоже герой 1812 года – Багратиона! Вот кого слепил!

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ (*сдержанно*). Вы, небось, и Раевского знаете?

ПУШКИН. И генерала Раевского, и Дениса Давыдова... Старостиху Василису, Герасима Курина... Бородино, Багратионовы флешы...

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ. Да ты эрудит, Пушкин!

ПУШКИН (*прикладывая к плечам зеленые листья вместо погон*). Мы такие – мы псковские, мы – псковские, мы – такие.

ПУШКИН (*приободренный Ермоловым, пытливо глядя в глаза генералу*). А то такая легенда про восточного владыку.

ЕРМОЛОВ (*живо*). Что – про самого царя Александра?

ПУШКИН (*скупо*). Про человека... Жил-был такой человек и друг такой был у человека. И звали его Николай. Каждый год отмечал Николай свой день рождения, да еще дважды в году именины – Никола весенний и Никола зимний. И каждый раз приглашал к себе друга. И вот задумался Николай: сколько раз это у него за четыре года получается? Двенадцать. А у друга,

рожденного 29 февраля, в високосный год, получается только раз в четыре года... Только раз бывает в жизни встреча...

ЕРМОЛОВ (*насторожась*). Ну-ну, Пушкин, дальше давай.

ПУШКИН. И решил Николай: что бы это придумать для лучшего друга? И придумал. Друг-то его был сочинитель, весьма плодовит. Каждый месяц писал по сочинению. Так вот, то друг ходил к Николаю и носил читать только что сочиненное. А то Николай и говорит, а теперь ты ходи, носи ко мне, как напишешь. Подсчитал – только в одном году получается двенадцать раз, а если в четырех?.. Вот Николай и стал видеть друга своевременно и насквозь.

ЕРМОЛОВ (*вовсе насторожась*). (De morluis) aut bene, aut pibul (лат.) о мертвых – хорошо, или ничего.

ПУШКИН (*рассмеявшись*). Вот какой генерал! Как ствол дерева, под самые небеса. А боится. А я маленький и – не боюсь. Mens sana in corpore sano. В здоровом теле – здоровый дух.

ЕРМОЛОВ. Вам-то маленьким падать низко – земля близко, голову не расшибешь. А нам каково – столбовым, двухметровым? К небу близко. Падать низко – череп напополам, как орех... Вот вы, поэты, чернь и толпу как различаете?

ПУШКИН. Н-ну, различаем. Я, например, различаю.

ЕРМОЛОВ. А я вот – нет. Нам, столбовым, все равно – что чернь, что толпа... Однако, по-моему, не следует «черню» называть тех, кто не на коне, к земле, стало быть, ближе. И что поэт? Слово – серебро, а молчание – золото?

ПУШКИН (*вспыхнув*). А вот что!

Увижу ль, о друзья! Народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли, наконец, прекрасная заря?

ЕРМОЛОВ (*энергично*). Н-ну, Пушкин: откуда ветер дует в мозгах у тебя – с Запада или Востока?

ПУШКИН. А откуда солнце является.

«Встает на Западе румяный царь природы,
И удивленные народы
Не знают, им с чего начать:

Ложиться спать или вставать?»

ЕРМОЛОВ. Абракадабра какая-то.

ПУШКИН. На первый взгляд – да, а на второй?

ЕРМОЛОВ. Вы, поэты, что ростом маленькие, придерживайтесь Геи – богини земли. А Геркулеса уж оставьте нам, двухметровым.

ПУШКИН (*рассмеявшись, словно шарики в его горле так и покатались*). Вот они, шарики-то! (*щелкая по кадыку*). Миниатюры земные. А ведь когда-то земля считалась плоской и неподвижной. Пока один поэт не воскликнул:

«А все-таки она вертится!»

ЕРМОЛОВ. И кто же, по-вашему?

ПУШКИН. Забыл, давно дело было. Может, Диаген Лаэртий – философ, VI век до нашей эры. А может, кто ближе сюда к нам: Гомер со своей «Одиссеей», Лаэрт – отец царя Одиссея. Еще ближе Лаэрт у Шекспира – друг Гамлета... Но для меня лично совсем близко к нам сюда – Байрон.

ЕРМОЛОВ (*резко*). Смутьяны все байронисты! Пушкин, и ты с ними? Ну почитай, почитай старику что-нибудь в этом роде.

ПУШКИН (*зарозовев от комплимента*). А что – может, этот? «Анчар»? Нет, пожалуй, офицеры ближе вашей душе, генерал.

ЕРМОЛОВ. Да, ближе. Вызываю дух Дениса Давыдова, только что был тут. Пусть слушает как Пушкин читает написанное про тебя.

Певец – гусар, ты пел биваки,
Раздолье ухарских пиров.
И грозную потеху драки,
И завитки своих усов.

С веселых струн во дни покоя
Походную сдувая пыль,
Ты славил, меру перестроя,
Любовь и мирную бутыль.

ЕРМОЛОВ. Хорошо-то как, хорошо! Слушаю с удовольствием. Давай еще, еще про Дениса.

ПУШКИН. Я слушаю тебя и сердцем молодею,

Мне сладок жар твоих речей,
Печальный, снова пламенею
Вспоминаньем прежних дней.

* * *

Я все люблю язык страстей,
Его пленительные звуки
Приятны мне, как глас друзей
Во дни печальные разлуки.

ЕРМОЛОВ. Что, брат, может, махнем к Денису в Давыдову? В глаза ему считаешь. Да, был гусар тут у меня. Да, родственник мой, да, сосед мой по поместью, но чиновники орловские так всполошились, я же их не принимаю... Слушай, Пушкин, а почитай-ка, братец, все-таки этого «Анчара» своего... почитай...

ПУШКИН. В своем кругу читаю. При «зеленой лампе».

ЕРМОЛОВ. Не ломайся, как копеечный пряник, почитай.

ПУШКИН. «Анчар»... Ах, нет, вот это «Городок»!

Да в самом, в самом конце.

Ну да, при конце. Из моих ранних.

* * *

...Иль добрый мой сосед,
Семидесяти лет,
Уволенный от службы
Майором отставным
Зовет меня из дружбы
Хлеб-соль откушать с ним.
Вечернею пирушкой
Старик, развеселясь.
За дедовскую кружкой
В прошедшем углубясь,
С очаковской медалью
На раненой груди,
Вспомнит ту баталью
Где роты впереди

Летел навстречу славы,
Но встретился с ядром
И пал на дол кровавый
С булатным палашом.
Всегда я рад душою
С ним время провождать.

ЕРМОЛОВ. Пушкин, ты ублажаешь душу. А ты ублажь мою мысль... Прочитай «Анчара». Прошу, прочитай.

ПУШКИН. Бог любит Троицу. С третьего разу читаю.

Анчар (1828)

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет: лишь вихорь черный
На древо смерти набежит —
И мчится прочь, уже тлетворный.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;

Принес — и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А царь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

И тишина. И голос в распахнутую дверь.

ЯМЩИК (*Пушкину*). Стою ведь. Барин, ну что – распрягать?
Или далее едем – на станцию, на постоянный двор?

ПУШКИН (*глядя на генерала Ермолова*). Ну что?

ЕРМОЛОВ (*махнув ямщику рукой*). Езжай. А мы тут с приятелем пешком походим, поговорим.

ПУШКИН (*угрюмо*). Я бы вешал дворян.

ЕРМОЛОВ (*беря его под руку*). Кто это сказал, Пугачев? Так Пугачевых нам не нужно.

ПУШКИН (*Ермолову*). Товарищи мои – Чаадаев, Грибоедов... Возок с гробом Грибоедова я увижу потом – в горах, на пути в Арзерум... «Промчались года заточенья»... Нет, это вот – ода «Вольность».

Молчит закон – народ молчит,
Падет преступная секира...
Увы! Куда ни брошу взор –
Везде бичи, везде железа,
Законов гибельный позор.
Неволи немощные слезы.

ГОЛОС ИЗ БУДУЩЕГО (*откуда-то тут, через дорогу*).

Властитель дум, безвластья трона.

ПУШКИН (*тряхнув головой*).

Андре Шенье

Певцу, любви, дубрав и мира
Несу надгробные цветы.
Звучит незнаемая лира.
Пою. Мне внемлет он и ты.

ЕРМОЛОВ. Ну что, Пушкин, выйдем на воздух? Перейдем дорогу, окажемся на откосе, тут – на Дворянском гнезде.

Сцена четвертая

Орел, Дворянское гнездо. Пушкин и Ермолов на крутом берегу Орлика.

ПУШКИН (*вглядываясь в излучину реки*)
Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

В уединенье чуждых стран.
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Та катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

ЕРМОЛОВ (*глядя по-иному на Пушкина*). Какое вместилище чувств, сколько мыслей!.. Пушкин! И какой же ты русский! О, что ты чувствуешь тут сейчас у нас в Орле, на Дворянском гнезде!

ПУШКИН (*иронично*).
Примите «Невский альманах».
Он мил и в прозе, и в стихах:
Вы тут найдете Полевого,
Великопольского, Хвостова;
Княжевич, дальний ваш родня;
Украсил также книжку эту;
Но не найдете вы меня:
Мои стихи скользнули в Лету.
Что слава мира?.. дым и крах!
Ах, сердце наше мне дороже...

Но, кажется, мне трудно тоже

Попасть и в этот альманах.

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ (*в явном расположении духа*). Не горюй, Пушкин! Я тебя взял бы в разведку...

И ГОЛОС АВТОРА С ОТКОСА (*откуда-то со стороны*).

«Пушкину» (*первый вариант*)

Я молодой, моя душа горит!

Читаю, восхищаюсь, обмираю

От слез, какие вырезал пиит

В душе моей кинжалом где-то с краю.

Я молодой, душа еще жива!

Испив свое, пленяться не устала.

От Пушкина кружится голова,

Пью и хмелею от его фиала.

Я молодой, мы с Пушкиным вдвоем,

Бесстрашны в восхищении своем.

Под бездной неба, как орлы, витаем,

Основы бессловесные шатаем,

В кинжалах слов томительных живем,

Из ничего свободу создавая.

ЕРМОЛОВ. Что, Пушкин, скажешь на это?

ПУШКИН (*темпераментно, в том же тоне*).

Кавказ подо мною. Один в вышине

Стою над снегами у края стремнины;

Орел, с отдаленной поднявшись вершины,

Парит неподвижно со мной наравне.

Отселе я вижу потоков рожденье

И первое грозных обвалов движенье.

ЕРМОЛОВ. Орел – хорошо; предвосхищен. Как будто про меня.

ПУШКИН (*усмехнувшись*). Седой орел, геройский генерал.

ЕРМОЛОВ. Знаком с тобой я больше, чем ты думал. Вон твои книги, я пред тобою, Пушкин! А ты в разбросе времени, имен. Зачем тебе «О. Масон», каков намек?

ПУШКИН. Ах, это – «Ольга, крестница Киприды»?

ЕРМОЛОВ. Чтоб в будущем, да где-то в Кишиневе связать себя с тем словом?

ПУШКИН. Да, так, напишется пустое...

Здесь, лирой северной пустыню оглашая,

Скитался я...

ГОЛОС СВЫШЕ. Ни то, ни это. Про орла сказал бы, Пушкин.

ПУШКИН (*прислушиваясь к Голосу свыше*). Что я сказал, что еще кто-то скажет?

ГОЛОС СВЫШЕ. Из XX-го века. Поэт Николай Гумилев, поэтесса – Юлия Друнина.

«Орел»

Орел летел все выше и вперед
К Престолу Сил сквозь звездные преддверья,
И был прекрасен царственный полет,
И лоснились коричневые перья.

Не все ль равно? Играя и маня,
Лазурное вскрывалось совершенство.
И он летел три ночи и три дня
И умер, задохнувшись от блаженства.

Не раз в бездонность рушились миры,
Не раз труба архангела трубила,
Но не была добычей для игры
Его великолепная могила.

«Орлы»

Два сильные, две хрупкие крыла
И шеи горделивый поворот.
Да здравствует безумие орла,
Бросающегося на самолет.

Он защищал свое гнездо, как мог, –
Смешной бунтарь, пернатый Дон Кихот.

Да здравствует взъерошенный комок,
Бросающиеся в лоб на самолет!

Ах, Дон Кихот и как вы не смелы,
Геройство ваше – темы для острот.
И все-таки да здравствуют орлы,
Бросающиеся на самолет!

ЕРМОЛОВ. И все-таки не много ли стихов, поговорим же прозой. Век «золотой» – ты, Пушкин! Тобою начат ряд. И далее, «серебряный» пошел... А «Друнина» и вовсе в никакой, но как, о чем?

ПУШКИН (*в сторону*). Стихом заговорил и генерал? Как никакое время – ХХ-й век? В железах, грозный. Хафиз расстался с должностью престижной, чтоб стать поэтом, валяться по канавам...

ГОЛОС СВЫШЕ. А Македонский? Тайком и Сталин, Мао, дацзыбао.

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ. Не дай Господи, и мы окажемся в канаве. Сенаторов, масонов вспоминал...

ГОЛОС СВЫШЕ. Вот доминанта!

ПУШКИН. Ну хватит, хватит! Не молоды, шалунью – рифму вон... Скажите, генерал, вы не припомните из своей жизни случай на эту тему?

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ. Да, Пушкин, про тебя я знаю больше, чем думаешь. Вон твои книги у меня, все про твои три «П».

ПУШКИН (*изриво*). Трике, куплеты?

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ (*упорствуя*). Да нет, три «П»: поэт, не праведник, но Просветитель, Пророк. И Пушкин, тоже «П», мой дорогой! Прочти же сам мне свое звездное – «Поэту».

ГОЛОС СВЫШЕ. Во Франции, – поэт Артюр Рембо, великий юноша, напишет, а воскликнет кто-то: «Неправильно, но до чего прекрасно!» Мой генерал, скажите... почему?..

ПУШКИН. «Пьяный корабль» – это же Одиссея самого Рембо, это плаванье пылкого мальчика вокруг старушки Европы, провиденье: Европа – общий дом... В три года три этапа, а третий – не одолеют после и за век...

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ. А мы? А ты? Ты, Пушкин? Твое «Поэту» – это то, что вряд ли одолеют и далее Рембо, и в веке XXI-и. По Пушкину весь мир – есть общий дом, и это Пушкин! Читай же, я прошу.

ПУШКИН (*в сторону, раскатав в горле шарики*). Вот как заговорил, мой генерал!.. Масоны, Ольга, площадь у Сената... Уж не было ль чего-нибудь такого по молодости у генерала самого? Допустим, где-нибудь в Париже?.. (Вслух). Вы же, Алексей Петрович, герой войны с Наполеоном. Вы были на коне в Париже, ну, конечно...

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ (*не без гордости*). Конечно, был (уклончиво). Но не на корабле.

ПУШКИН (*рассмеявшись*). На Буцефале. Как Александр, конечно, Македонский... Ну что-нибудь мистическое было?

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ. Ну было, было. Но только, чур, об этом никому...

ПУШКИН. Еще бы!

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ. Так что поведать – про гауптвахту в Париже? А может быть, про мистику сказать, мистический круг жизни?

ПУШКИН (*пылко*). То и другое, Алексей Петрович.

ЕРМОЛОВ. Пришли мы вслед Наполеону. Царь Александр и мы, его войска. Вдруг что-то офицеры нашкодили. «На гауптвахту!» – приказ исполнить должен ваш слуга покорный. Но офицеры ж, герои битв, с медалями и ранами на теле. Да еще – русские, да перед всей Европой! Ну как тут быть? Докладываю вверх: мол, англичане там, на гауптвахте ... ну, общем, мне фортуна изменила...

ПУШКИН (*вспыхнув*). Вы – Патриот! Вы – Русский генерал!.. А что про мистику-то, Алексей Петрович?

ЕРМОЛОВ (*махнув рукой*). Да так, все случаи, пустые совпадения.

ПУШКИН. Известно, случай – парадоксов друг. И что – какие парадоксы?

ЕРМОЛОВ. Военный человек, а говорю как... как...

ПУШКИН (*смеясь*). Как просто человек. Да все мы люди, люди, Алексей Петрович.

ЕРМОЛОВ. Ну, значит, так. Был молодым я, и вот после Дербента я был представлен к ордену святого Владимира и получил чин подполковника, и вдруг я оказался не у дел. Производил служебное расследование в одном из провинциальных городков России. И вот однажды, за день утомленный – перебирал я записи свои. Заходит человек – простой, какой-то незаметный.

– Алексей Петрович, – сказал он мне.

– Чего тебе?

– Возьми перо, бумагу, – сказал мне твердо незнакомец, – и пиши.

И стал мне диктовать: «Подлинная биография. Писал генерал от инфантерии Ермолов»...

– «Какой я генерал?» – хотел сказать я, но онемел язык, как отвалился.

Рука же продолжала водить пером. Так целый лист и исписал. Уснул я прямо за столом. Проснулся утром, прочитал написанное, а там, хотя и кратко, вся моя жизнь на годы...

ПУШКИН (*живо интересуясь*). И как? Совпало хоть что-нибудь или напрасно исписан был тот самый лист?

ЕРМОЛОВ (*вздыхнув*). Вот то-то и оно, что не напрасно.

Все вижу, как сейчас, что впереди.

Ты едешь, Пушкин, на Кавказ, а там,

От станицы Темрюковской, целых триста верст,

Тебя, поэт, как будто генерала,

Сопровождать будет эскорт от немирных чеченцев...

Казаков шестьдесят и пушка с зажженным фитилем...

Поэт России! Так будет оценен...

Сцена пятая

Ямской тракт на юг от Орла – на Малоархангельск, по которому проезжала императрица Екатерина. Тройка с бубенцами, Пушкин в кибитке, на облучке тот же, знакомый ему ямщик.

ПУШКИН (*ямщику*). Говорил, что обратный ты. Значит, ехать тебе надо назад – на Белев. А куда едешь?

ЯМЩИК (*весело*). Ты, барин, мне приглянулся. Антересно с тобой поговорить. А по правде сказать, дружок меня попросил: съезди, говорит, вместо меня. Нету, мочи говорит, заболел.

Вот и еду. А что с тобой еду, так это случай, как ты, барин, говоришь, совпадение?

ПУШКИН. Ну да, «а случай – парадоксов друг». Спои, ямщик, какую-нибудь ямщицкую... Ах, да, ты не поешь. Талант такой тебе Богом не даден. Придется мне тебя развлекать.

ГОЛОС СВЫШЕ. А я?

ПУШКИН. Кто я?

ГОЛОС СВЫШЕ. Я – Автор. Из будущего.

ПУШКИН (*ямщику*). А ты его слышишь?

ЯМЩИК (*тряхнув вожжами*). Валя-я-а-ай...

ГОЛОС АВТОРА.

«Тройка»

Сидит лихач и правит тройкой.

Летит по вееру пути

Широкой степью этой бойкой,

Вожжами вверх, а ну, крути!

А ну, а ну! Крути, крути!

Одною – глосса.

А в той – метафора, в другой.

Ямщик несется под пургой,

Везет с «Валдаем» под дугой

Литературного колосса

Везет в своей худой кибитке.

И взмах руки, и голос пряткий:

– Лети, лети, конь добрый мой!

Неси колосса под пургой!

И то – метафора, то – глосса

Под бубенцами, под дугой,

То по Оке, то вдоль утеса

То слева – лирик из кибитки,

То справа – критик молодой.
Вожжа к вожже – губа не дура,
А вместе мчит литература
В степи то людной, то глухой, –
Русь – тройка, с песней удалой!

ЯМЩИК (*крутнув головой*). Ну дела-а-а! Сыплешь слова, как семечки.

ПУШКИН (*в сторону*). Вот и Орел уж позади, там остался Ермолов – генерал опальный, а впереди Овидий – опальный поэт. Три «П» – говорит, а четвертое – Пушкин?: А три «С» не хотите ли? Совесть – есть у Алексея Петровича? Есть, конечно. А Справедливость? Еще бы! А в чем же третья «С», в чем? И Совесть есть, и Справедливость, а в отставке, в опале. Так в чем же дело? А в третьем «С», в третьем – в Системе! В Систему не вписывается, хотя и от Бога талант, и уже генерал. А все-таки чуть в сторону и хоть на шаг впереди...

ПУШКИН (*ямщику*). В Систему голубчик, не впи – сы – ваемся – я – я! Не в той Системе мы с генералом, в другой.

ЯМЩИК (*взмахнув рукой, звонко*).

Лети, лети, мой добрый конь,
Неси колосса вдаль, в огонь!

ПУШКИН (*в сторону*). Немного вкось слова, зато прямо к Прометею. Ведь это он дал людям Огонь, создал цивилизацию, родил звонкое, многоголосое племя поэтов. Но и ужасное все от огня, верноподданническое, даже не верится, что это я написал слова – Пушкин.

Боже! царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли
Гордых смирителю,
Всех утешителю
Все ниспошли.

Там – громкой славою,
Сильной державою
Мир он покрыл.

Здесь безмятежною,
Благостью нежною,
Нас осенил.

Брани в ужасный час
Мощно хранила нас
Верная длань –
Глас умиления,
Благодарения,
Сердца стремления –
Вот наша дань.

ПУШКИН (*в сторону*). Что бы на это сказали друзья мои –
лицеисты, что? Что бы сказал там, в Орле, за спиной уже у меня
Ермолов – отставной генерал? Что скажешь ты, ямщик?

ПУШКИН (*вслух, напевая, искоса поглядывая на ямщика*).

Боже! Царя храни!

ЯМЩИК (тоже под нос себе)

Боже! Царя храни...

ПУШКИН. А говоришь, петь Бог «талана» не дал.

ЯМЩИК (*вздвогнув, перебивая думу*).

Эти слова у меня из сундука,

Изнутри на крышке – портрет:

Государь с наследником.

ПУШКИН (*в сторону*). Опять не в ту Систему попал. А все-та-
ки, все-таки: что бы сказал на это Ермолов? Разброс мыслей,
сомнения, страсти? Напишут ли когда-либо после меня вот так,
таким образом?

«Поэту» (1830)

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет ненужный шум.
Услышишь суд глупа и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,

Усовершенствуя плоды любимых дум.
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюнет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

ГОЛОС ЕРМОЛОВА (*Пушкину, издалека*). Писал стихи ты для сундука, сомнений, не для похвал?

ГОЛОС СВЫШЕ. Один – в мундире голубом – сказал: все хотят есть, и потому будут писать, что нужно нам.

ПУШКИН. Да, все хотят еды, одежды, крыши, но далеко не каждый способен на высоту самоограниченья, на тяжкий труд, к Богам идти всегда ль готов? Когда он там и слово там, что тут ему земля и люди? Убить хотят, взойдет к Богам до Прометей, вернется с факелом сюда. И что тогда им жалко, что ли, крышу дать, и маслица на хлеб, и в альманах престижный вставить?... Не так ли, Алексей Петрович?..

ВСЛУХ. Ямщик! Вам премии дают?

ЯМЩИК, Что, батюшка? Не знаем такого слова, чего за этим разумеют?

ПУШКИН. Ну, глоссу, глоссу – литературному колоссу.

ЯМЩИК. То дело ваше, наше – править тройкой, не забуриться куда-нибудь...

ПУШКИН (*иронично*). Русь-тройку?

ЯМЩИК. Да хоть бы так.

ПУШКИН (из будущего).

«Клеветникам России» (1831)

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою.

Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? Вот вопрос.
Борьбы отчаянной отвага –
И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, над кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..
Вы грозны на словах – попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постели,
Не в силах завинтить свой измайльский штык?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?

ПУШКИН (*громко вслух, обернувшись назад*). Ермолов!
Алексей Петрович, ты слышал мой ответ, ты слышишь? Да в ту
ль Систему я попал?

Сцена шестая

Село Тагино на юге Орловицны, имение дальних родственников Пушкиных. Тройка с бубенцами подкатывает к крыльцу. Из кибитки выходит Пушкин. Навстречу выбегает Александра – молодая женщина из рода Чернышевых, по мужу Муравьева, декабриста, сосланного в Сибирь.

Александра падает на шею Пушкину, в слезах.

АЛЕКСАНДРА МУРАВЬЕВА-ЧЕРНЫШЕВА. Ой, Александр
Сергеич! Александр Сергеич!

ПУШКИН (*глядя ее по плечам*). Прекрасная тагинянка,
прекрасная тагинянка.

Замирают оба от переполнивших душу чувств. Смотрят на зеленый холм, куда, как змея, ускользает дорога, которой увозил ее мужа жандармский возок.

Оба поднимают голову к небу.

ГОЛОС СВЫШЕ, СЛОВО АВТОРА.

«Прекрасная тагинянка»

Исток Оки, где берег камышовый.
Седой курган, окутанный в туман.
И тут же Александра Чернышова,
По мужу Муравьева, из дворян.

Возок жандарма. Имя в черном списке,
Увозят мужа в мрачный Петербург.
И кто она отныне, декабристка?
И кто враги, и кто остался друг?

Не жег мороз сквозь тоненькое платье.
Качало ветром дремлющую ширь.
«Да, решено! Туда за мужем, к братьям!
Из Тагино на каторгу, в Сибирь!»

– Лишитесь вы дворянства, состоянья...
– Да, я готова. – Имени, детей...
– Готова я. – В Сибири – расстоянья.
Там холода, да стоит ли злодей!!

– Он муж мне, мы повенчаны навечно.
И пусть меня отринет высший свет,
Но вот он, путь мой, – скорбный, звездный, Млечный.
И я иду...
А вел ее поэт.

И пали ниц к цепям, железам этим,
И освятилась вся Россия – Русь.
... Как на нее молились в копиях где-то,
Так я на эту женщину молюсь.

И коль Ока несет все те же воды,
Сухой камыш все так же шелестит,

В любую ночь за мой глоток свободы

Есть женщина, которая не спит.

На другое утро Пушкин снова садится в кибитку: ехать далее, по назначению.

Прекрасная тагинянка провожает поэта, ведя коня под уздцы. У околицы кибитка останавливается. Пушкин достает из нагрудного кармана листок со стихами, передает Александре.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ. Вот, друзьям моим. «Послание в Сибирь», поедешь туда – передашь.

Читает вслух.

* * * (1827)

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье.
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастною верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье,
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора.

Любовь и дружество до вас
Пройдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

АЛЕКСАНДРА (*прячет листок поглубже куда, на груди*).
Сберегу. сохранию, передам.

ПУШКИН. В случае чего – на память выучи, устно передашь.
Так вернее.

АЛЕКСАНДРА. Выучу, передам.

Пушкин целует ее троекратно, по-русски. Кони трогают: до свиданья! А скорее, прощай, село Тагино – родовое вено Пушкиных, дальних родственников поэта, ведущих род вон откуда, еще от Осляби – славного воина Александра Невского в той, далекой битве со шведами на Неве.

ПУШКИН (*думая об Орле, о Ермолове*). Вот кто знает обо всем, что творилось в России на протяжении многих лет, вот кому «записки» писать. Не бездарен: и мыслит оригинально, и чувствителен к слову. «Мне стыдно было б, если б я по дороге в Кавказскую армию не повидался с Ермоловым», – мной напишется позже. А в 1833 году мною же будет послано ему письмо со словами: «Ваша слава принадлежит России, и вы не вправе ее утаивать».

Историки скажут потом, что именно эти строки подвигнут генерала к написанию автобиографических записок.

А мне из Орла передадут, что наша встреча с ним произвела на Алексея Петровича такое сильное впечатление, что, частенько потом вспоминая о встрече, Ермолов воскликнет однажды в каком-то присутственном месте: «Поэт суть гордость нации»...

ЯМЩИК (*Пушкин, оглядываясь в глубь кибитки*). Что это вы, батенька мой, все больше помалкиваете? Как от Орла отъехали, редкое слово скажете.

ПУШКИН. Старше стал. Генерал кое-чему научил. Не всякое лыко в строку ставить, иной раз надо и погодить.

ЯМЩИК. А чего годить-то? Гляньте, какая кругом красота – Серединная Русь.

ПУШКИН (*вздыхнув*). Красота! А жить, как природа велит(ь), так ведь, братец, и не научились. Слушай, ямщик!

Прибодрясь.

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись;
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:

Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

ПУШКИН. *Слушайте, села родные, деревни.*

Приветствуя тебя, пустынный уголок!
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется грез моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.

* * *

Погасло дневное светило,
На море синее вечерний пал туман.
Шумы, шуми, послушное ветрило!
Волнуйся подо мной, угрюмый океан!

* * *

ПУШКИН. Ермолову Алексею Петровичу специально, чтобы слышал.

Редет облаков летучая гряда,
Звезда печальная, вечерняя звезда...
Люблю твой слабый свет в небесной вышине...

«Узник»

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе, орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном.

Клюет и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!»

Мы – вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора.
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляет лишь ветер... да я!..

* * *

На волю птичку выпускаю...
Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!
ЯМЩИК. И снова замолаживает в бок.
ПУШКИН. Садится солнце, смотрит люто,
Какая редкая минута!
Прощай, свободная стихия!

ЯМЩИК (*оборачиваясь к Пушкину, елеиным голосом*).

Барин! а, барин! Неподалеку тут речка начинается – Ока, где-то
впадает в Волгу. Хочешь покажу? Испить бы, пользительно.

ПУШКИН (*решительно*). Давай!

Здесь русских дух,
Здесь Русью пахнет.

ГОЛОС СВЫШЕ – ГОЛОСОМ АВТОРА *ему подпекает ямщик*.

Пояс Богородицы

(Песня об Оке)

Начинается с кружки, кончается морем
Среднерусская эта река.
Опоясав Орел, течет на просторе
Богородицы пояс – синеокая наша Ока.
Припев: Глазастая, под ивами, березками,
В туманах трав – хоть пей с них, хоть коси.
До Волги, ой, сторонка глазуновская
Окою протянулась по Руси.

Былинная, таланная, желанная,
Дай хоровод затеем, заведем.
Расстелемся, как скатерть самобраная.
По берегу к Есенину пойдем.

Размахнись, наша песня широкая!
Подмигни, уведи в окоем!

Мы живем тут, моя синеокая
Открывается этим ключом.

Припев: Глазастая, под ивами, березками,
В туманах трав – хоть пей с них, хоть коси.
До Нижнего сторонка глазуновская
Окою протянулась по Руси.
До Волги, ой, сторонка глазуновская
Окою протянулась по Руси.

Начинается с поля, с зернинки на севе,
И на Солнце, на Солнце стремится поток.
Все реки России на Юг и на Север,
И только, и только Ока поперек.

Богородицы пояс, живая вода,
И по ней города, города.

Сцена седьмая

Орловщина, Малоархангельск, ямской тракт с севера – от Орла, далее на юг – к Курску. На въезде собрались жители уездного городка: чиновники, купцы, мастеровые всяческих заведений и просто всякое двуногое существо, живущее тут, пьющее и едящее.

Молва прокатилась, из Санкт-Петербурга едет к ним сюда важная птица: проверять местную флору и фауну, которых не проверяли тут с основания городка.

И в точь в точь, как в «Ревизоре», все уездные канцелярии во главе с градоначальником Жмериным явились сюда, заметим, к городским каменным подвалам на въезде, а не в гостиницу, как это было у Гоголя, встречать хлебом-солью полномочного представителя поднебесного президенства.

ГРАДОНАЧАЛЬНИК ЖМЕРИН (*доверительно, своему окружению*). Ямщик, везущий его незнамо откуда, стукнул кому-то там на предградовой станции, а уж оттуда сюда прискакал нарочный: к вам, мол, мчится инкогнито из Санкт-Петербурга. Вроде стишками голову забивает, а сам с генералами накоротке,

имеет точное предписание сверять, проверять выводить всех на чистую воду. Особо таких вот, где засела она – сволочь, коррупция – по пути следования аж до самого Кавказа. А начинать будет с нас...

ОКРУЖЕНИЕ ЖМЕРИНА (*загудев недовольно*). А почему это с нас? С Орла бы и начинал. А то губернатор только и знает, что развешивает свои портреты даже по кунсткамерам, детским библиотекам, а дороги ни к черту, мосты развалились, а крыша на главном соборе покрылась травой.

ЖЕНА ЖМЕРИНА – *из купцов второй гильдии, по прозвищу «Баронесса»*. Не травой покрылась – береза выросла. А местный поэт из попов...

ГОЛОСОК (*сзади*). Из дьячков.

БАРОНЕССА. И местный поэт из чиновников духовного звания, обо-греваемый чиновниками же, вешает на березе свои «альманахи». Сколько уж тех «альманахов» повесил, а получил от Господа-Бога шиш с маслом, хоть сам и духовного звания. Вот!..

Показывает на пальцах: два пальца загнуты на одной руке, три – на другой.

МАСТЕРОВОЙ (*высовываясь из-за спины Баронессы*). А почему берешь сразу не пятерней? Как, например, грабаркой?

ГОЛОСОК ИЗ ТОЛПЫ, ЕЩЕ КЛАССОМ НИЖЕ. Что, господа, недокумекиваете? Потому как если с двух рук – больше вмещается. Две грабарки-то – вдвое больше. Хватай больше – кидай дальше...

БАРОНЕССА. Молчи, ты, непросыхаемый!..

СЫНОЧЕК НЕПРОСЫХАЕМОГО – *хороший такой, ангелочек, ходит уже в гимназию*. А можно товарища градоначальника Жмери-на спросить: как пишется слово «грабарка» – «гро» или «гра»?

ГРАДОНАЧАЛЬНИК ЖМЕРИН (*в сторону, в явном смущении*). Вот не думал-то, как пишется! Да как пишется, так и пишется.

Вслух. Поставим вопрос ребром на очередном совещании.

ДРУГОЙ МАЛЬЧИК. А учительница говорит: слово надо поставить не на совещание, а под ударение. «Грабить» будет, если под ударением.

СЫНОЧЕК НЕПРОСЫХАЕМОГО. Нет! «Гро-бить»!

Шум в толпе обывателей. Вот чертенята, да какая вам разница! Что «грабить», что «гробить». Как было у нас в городке сто лет в обед, так и будет. Ибо как есть у нас тут 4300 человек, так и через сто тридцать лет будет столько же нас в городке, как и было.

ГРАДОНАЧАЛЬНИК ЖМЕРИН (*подзывает чиновников*). Эй, вы, самоеды! Силовые структуры! Хоть прибрали бы по кабинетам вещдоки – реквизированные бидоны с самогонкой, самогонные аппараты. («Да прибрали, прибрали уж»). А вы, следователи, концы в воду, а воду – в речку сделали? («Произвели операцию, сделали, сделали»). И прокуратуре говорю от имени и по поручению: ковры посымайте, какие у вас по стенкам висят, взятые в качестве изображений. Да не какие это? Известно какие: что изъяли у жителей в счет оплаты за моральный ущерб и текущее делопроизводство.

Особо воспитательным учреждениям указываю: школьников – на коксагыз, учителей – на охоту в оцепление, а то больно много волкодавов всяких вокруг развелось.

Сельхозпредприятиям особо отмечаю: глядеть в корень – переименовать, запахать, отнять и разделить, но чтоб ни гу-гу... Глядите у меня!.. Едет сюда к нам, «летучий голландец», как нагрянет со своими широкими полномочиями, так небо в клеточку, мало нам всем не покажется. Виршами не отделаешься, сам поэт от имени какого-то Пушкина. Так вот, аплодировать, не возражать – не воз – рожать, можно и потерпеть, отложить свою графологию...

МАЛЬЧИКИ (*бегут, порхая, как воробы – денежки из кармана*).

Едет! Едет! С севера, со стороны Санкт-Петербурга, от Глазунки.

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Абракадабра какая-то! Ждут ямщицкую птицу-тройку, про какую песни в народе слагают, а едет натурально возок с каким-то военным в гражданском, с военной такой, понимаешь, фамилией Пушкин, и совсем другая картина.

ГОЛОС СВЫШЕ. Из двадцатого века, времен гражданской войны. Едут верхом на конях – в черкесках, с погонами, с газыря-

ми, стало быть, белоказаки. Хлеб-солью встречают жители местные, низко кланяются, особо купцы стараются, народовольцы. Ну молодцы! Давай жалиться! Пальцем тыкать во врагов своих классовых от Костюрино до Протасово.

А конники возьми и сорви погоны, черкески с плеч, а там вдоль груди буденновские малиновые «разговоры».

Олеко Дундич! Серп и молот! Хватайте, избличайте врагов народа, классового врага!

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

Абрикадабра не исчезает (она всегда как часовой на посту). А страх у чиновников и купцов никуда не девается. «Едет же, едет!» – кричат воробьи. Эко важная птица из Санкт-Петербурга! Пьете или не пьете, берете или не берете – все равно метла всех заметет, голыми лытками всех вверх поставят. У нас только телеграфные столбы не пьют, чашки у них вниз горлом, кверху ногами. И дубы не берут, ветки им еще в ту войну с турками поотрубали...

Появляется возок. Не особенно впечатлительный. Но ничего, обыкновенный возок.

МАЛЬЧИШКИ (*отстраненные от кок-сагыза*). Урра! Урра-а»!..

А чиновники стоят с хлебом-солью, как вкопанные, на градоначальника косятся, на Жмерина: даст отмашку иль нет?

ЖМЕРИН (*подходя к человеку в цилиндре, только что вылезшему из возка*). Вы, говорят, военный? А в гражданской одежде.

ЧЕЛОВЕК В ЦИЛИНДРЕ. Ну и что?

ЖМЕРИН. Так Пушкин же, Пушкин! Нас на пушку берете, вас на пушку берут, это что значит? Вот что, канальство, заманчиво.

ПУШКИН (*приподняв цилиндр, весело этак мальчишкам*).

Здравствуй, племя младое, незнакомое!

УЧИТЕЛЬ (*пробираясь из толпы, из самой гущи народной*). Нет, товарищи! Все же надо писать «грабарка» от слова «грабить».

ЧЕЛОВЕК В ЦИЛИНДРЕ. Пушкин я, понимаете? Пушкин.

УЧИТЕЛЬ. Ах, Пушкин? Это вы написали: «Мороз и солнце. День чудесный. Еще ты дремлешь, друг прелестный»?

ПУШКИН (*подхватывая*).

... Пора, красавица, проснись
Открой закрыты негой взоры,
Навстречу северной Авроры
Звездюю севера явись.

И мальчишки в толпе, и толпа вся:

Вечор! ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась.
Луна, как бледное пятно,
Как туча мрачная желтела,
И ты печальная сидела,
А нынче погляди в окно.

Великолепными коврами,
Под голубыми небесами,
Блестя на солнце, снег лежит»...

ГРАДОНАЧАЛЬНИК ЖМЕРИН (*облегченно, вздохнув*). Наш человек! Наш человек из Гаваны!

Чиновники зааплодировали, а юные леди – модели из местной гимназии, прошедшие намедни, по конкурсу красоты, стали вручать хлеб-соль. Пушкин отломил кусочек, а остальное отдал ямщику, чтоб положил в сумку. Мало ли что, в дороге и кнут пригодится.

И повел градоначальник Пушкина не к себе домой знакомить с супругой и дочерью да кормить «лаборданом», а напрямик, рядом тут, в городские подвалы. А там уже бочка наружи под ивой, а вокруг бочки гурьбой маленькие «боченята».

ПУШКИН (*глядя их по головке*). Маленькие, миленькие – бесенята...

И ребяташки, самым шустрым образом подбежав к нему, встали к Пушкину под его благословение. И стал Пушкин доставать из кармана штанов листки со стихами и раздавать всем, как интервью.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. А что? Бесценная вещь! Зря я тогда не родился, сейчас бы имел прижизненное издания самого Пушкина.

ГОЛОС АВТОРА. А Пушкин сидел на бочке и радовался, что его принимают не за кого-то, а за его самого – Пушкина. Так и

сидел бы, может, два-три века, а то, может, и больше. Больно нравилось, как его принимают: все рассказывают, дарят, дети его в щечку целуют, а купцы, кряхтя, только и знают, что новые бочки их подвалов выкатывают. Но тут забусил мелкий дождь, и кино кончилось. Подал ямщик Пушкину кибитку с отремонтированной рессорой.

И Пушкин отправился из городка по своему назначению.

Остановились они уже за чертой. Было видать за невысоким бугром городок, и сказал Пушкин ямщику сокровенное:

– Что-то, братец, не то. Даже в Москве так меня не принимают. Нигде, даже в Орле. Как ты думаешь, почему?

ЯМЩИК (*усмехнувшись*). Да это я им на той станции жукнул: везу мол, кого, знаете? – литературного колосса. С генералами, говорю, встречается запросто... Едет, мол, с самыми широкими полномочиями... что не так – в пух и прах и на бумагу, уже расписал под орех какой-то городок на пути. Перхоть от них так и посыпалась. Перхать будут теперь всю жизнь... останется в памяти... Это я так ихнему нарочному сказал в Глазуновке...

Пушкин расхохотался, будто шарики в горле раскатились и покатались, покатались далеко-далеко, до самого Кавказа, куда ехал поэт к месту своего назначения. Отхохотался Пушкин, успокоился, да и говорит ямщику:

– Надо Гоголю Николаю Васильевичу рассказать, сюжет такой замечательный. Пусть напишет про этот Малый городок, про чиновников, перо у него хлесткое, так раздраконит, весь мир обхохочется...

Что написано пером, то не вырубишь топором. Даже у меня, брат, не получится про коррупцию так, как у Гоголя.

ЯМЩИК (*весело*). Ну ка, ну-ка, батюшка, а как у вас?

ПУШКИН. Да так как-то. У Гоголя лучше. Посмотришь когда-нибудь в театре. «Всероссийская пьеса».

ЯМЩИК. Мы в киятры не ходим. В церковь ходим, каждое воскресенье.

ПУШКИН. Мужики – богоносики! Церковь – это одно, а театры – то совсем другое... Ну, ладно. Прочту тебе пару строк – из того, что написано было давно.

«Городок» (1815)

Живу я в городке,
Безвестностью счастливом.
Я занял светлый дом
С диваном, камельком.
Три комнаты простые,
В них злата, бронзы нет.
И ткани выписные
Не кроют их паркет...
Здесь добрый твой поэт
Живет благополучно,
Не ходит в модный свет;
На улице карет
Не слышит стук докучный.

ЯМЩИК (*запеваает вырвав коней лихих в поле*).

Ой ты, степь широкая,
Степь раздольная!..

ПУШКИН (*аж привстав, восхищенно*). Есть талант у тебя, человек. Да еще какой! Ух, Русь-матушка! Велика, необъятна, родная – я – я!..

ГОЛОС СВЫШЕ. Кибитка мчала Пушкина в Курск, чтобы оттуда напрямик и на Кавказ, к той охранной пушке с зажженным фитилем, к казачьей полусотне, что ждала поэта там, у станции Темрюкской, по пути на Тамань.

ЭПИЛОГ

Легенды живут куда дольше самих писателей.

И вот тут ставят памятник Пушкину. И на открытие приезжает тоже Пушкин, но Григорий Григорьевич – правнук поэта. И в честь такого события из Орла приезжает плеяда поэтов, да еще собираются местные жители вместе с Автором, который норовит показать свою драму про встречу Ермолова с Пушкиным.

Собрались в домике Автора все двенадцать апостолов за раскинутым крыльях дедушкиным столом.

Вот Автор – сын хозяйки, своей матери Марии Герасимовны – поднимается и говорит:

– Не видели мы ни Ермолова, ни того Пушкина, зато видим этого.

МАРИЯ ГЕРАСИМОВНА (*подавая всякую снедь, особо Григорию Григорьевичу, ласково*). Пушки – и – н! Живой! Вылитый, прямо не верится... А что же, вы тоже пишете? Или вот, как он – сын мой, отправляете сразу на Луну?..

ПУШКИН. На шесть поколений ниточки оборвалась, разрядилась энергия. На седьмом колене только и восстановится.

МАРИЯ ГЕРАСИМОВНА. А вы почитайте, почитайте. Люди скажут: сам Пушкин стихи в этом доме читал...

ГРИГОРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ (*шутя*). У вас тут не городок, а сказка про царя Салтана. Прадеда моего, говорят, приняли за ревизора, а меня принимаете – за поэта.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПЛЕЯДА (*за столом, как бы проснувшись*). Почитаете, почитайте, Григорий Григорьевич!.. Товарищ, верь, взойдет она...

ГРИГОРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ (*в сторону*). Сына никак не женю, – это моя самая большая печаль. Прерывается род – от старшего сына Пушкина, от Александра...

Вслух. На холмах Грузии лежит ночная мгла,

Шумит Арагва предо мною...

АВТОР (*восхищенно*). Смотрите, смотрите! Профиль-то пушкинский, копия! И голос похож... и душа... На писательском съезде в Москве, помню, он стоял у колонны, в Колонном зале, и профиль на белом, и белое в профиль.

ГРИГОРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ.

Мне грустно и легко; печаль моя светла;

Печаль моя полна тобою,

Тобой одной, одной тобой... Унынья моего

Ничто не мучит, не тревожит,

И сердце вновь горит и любит – оттого

Что не любить оно не может!

МАРИЯ ГЕРАСИМОВНА. Какое счастье.

СЫНОК (*обращаясь к Автору*). Ну почитай, почитай Пушкину.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПЛЕЯДА (*дружно, жизнелюбиво*). С тебя начинается Родина, Михалыч! Читай.

АВТОР (*вставая, читает в глаза – всем и каждому, самому Пушкину, сидящему напротив него – Григорию Григорьевичу*).

«Пушкину» (второй вариант)

Я молодой, моя душа горит!
Читаю, восхищаюсь, обмираю
От слов, какие выразил принт
В душе широкой без конца и краю.

Я молодой, душа еще жива!
Испив свое, пленяться не устала.
От Пушкина кружится голова,
Пью и хмелею от его фиала.

Я молодой, мы с Пушкины вдвоем
То тонем в восхищении своем,
То в синях неба, как орлы, летаем,

Основы бессловесные шатаем,
В плену любви в кругу своем живем,
Из ничего свободу созидая.
ГРИГОРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ (вставая).

Друзья мои, прекрасен наш союз...

ГОЛОС СВЫШЕ. Кстати, и еще чем знаменательно это число, так это тем, что 19 октября – день жены Автора – Людмилы. «Руслан и Людмила». Божий промысел, и тут совпадение с Пушкиным.

Занавес.

19 октября 2010 г.,
г. Орел – г. Малоархангельск

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЕВ

**ВСТРЕЧИ
С ПИСАТЕЛЯМИ**

Орел – 2010

- 3 82** Золотарев И. Л., **Встречи с писателями.** – Орел.: издатель Александр Воробьев, 2010. – 24 с.

В сборник литературного критика, кандидата филологических наук, доцента И.Л.Золотарева – выпускника Высших Литературных Курсов в Москве, по отделению критики, входят его воспоминания о встречах с писателями как в Орле, на Орловщине. так и в Москве, в общежитии Литературного института. Сюда же включены его выступления в музее И.С.Тургенева в Орле, в Тургеневской библиотеке (г. Москва) на Международной конференции, посвященные жизни и творчеству писателей-земляков, русских писателей.

Книга интересна как профессиональным литераторам, так и широкому читателю, всем любителям российской словесности.

Живое слово средней полосы

Что самое главное у любого народа, каков приоритет человека, всего человечества? Это речь, язык «гомо сапиенса». Художественный образ, духовное, божественное, нравственно-эстетическое начало – все это зиждется на языковой культуре. «Вначале было слово», – сказано в Библии. На такой базе, на самом слове стояла и стоять будет всегда литература, пока жив человек. Поэтика с ее поэзией, красотой поставлена Аристотелем впереди «Метафизики», а «Метафизика», по-современному, – это наука, новейшие технологии: электроника, интернет, мобильная связь, любые проявления технического гения человечества. Все это, как алфавит, начертания букв самого слова, его духовного, нравственного потенциала, выражаемого, прежде всего, в литературе. Поэтому живая книга никогда не умрет, не будет заменена электронной даже при самых больших успехах техники, когда создается иллюзия, что главное – это электронная книга, электронная библиотека.

Вначале было слово! Вначале по Аристотелю в «Поэтике» – это, прежде всего, понятие гармонии, диалог с миром, общение с Богом, это основа основ литературы. Все другое важно, архиважно. Но слово прежде всего. Так говорит Аристотель с его опытом в пять тысяч лет. Этот опыт осознан человеком и человечеством на базе слова, на основе живой книги, литературы. Что еще придумает добрый и даже злой технический гений любого народа, всего человечества? Дух народа, понятие Бога, божественной гармонии, красоты сохраняется в недрах любого народа благодаря именно языку, живой художественной литературе. Такой опыт, благодаря общению, передается от поколения к поколению, фиксируясь в письменной речи. Не было бы человеческого общества, не было бы литературы, которая говорит с человеком откровенно, один на один, душа в душу.

Язык, человеческая речь – это самое великое чудо человечества, а литература закрепляет коллективный опыт людей, опыт нации и передает его во времени и пространстве. Никогда никакие инновации и электронные сети не заменят живую книгу. Язык и литература – общая, саморазвивающаяся стихия, которая сплаци-

вает людей, является необходимейшим условием существования жизни на земле. Не было бы этой стихии, не было бы общественного развития, а с ним и науки, и техники, не было бы ничего.

Люди вступают в общественные отношения благодаря языку, литература строит диалог человека с человеком, поколения с поколением, старого и нового мира, делая человека автором, изобретателем, провозвестником будущего.

Диалект Серединной Руси, образный и колоритный, издавна формировал русский язык, базу особо тонкого, яркого сознания народа. Этому способствовали благоприятные климатические условия средней полосы, равнинный характер обитания. Историк Ключевский отмечал красивый ландшафт, разнообразие живого и растительного мира, которые красили языковую палитру. Здесь жили помещики, дворяне, и в такой народной и достаточно культурной среде проявлялась стихия народного языка в дворянской культуре, классической литературе, определяя язык страны, народа, общей культуры. Присмотримся и увидим, что самые красивые места на Орловщине связаны с именами таких писателей, как Лев Толстой, И.С. Тургенев, А.А. Фет, Н.С. Лесков, И.А. Бунин. Кстати, Бунин – наш первый нобелевский лауреат. Итак, народная речь, образное видение мира, пейзажи, неброская красота нашей среднерусской природы формировали народные представления, темперамент людей, их художественный вкус, которые оказались в центре внимания наших классиков, выводили их на мировой уровень. Любой из орловских писателей-классиков, окажись где-нибудь в другой стране, один смог бы сделать ее притягательной. Такую честь нашей серединной полосе оказывает всемирная отзывчивость русской души, она привлекает к нам европейского и мирового читателя, формируя понятие «третьей литературной столицы», которое связывается обычно с Орлом, Орловщиной. Живая литература, как и музыка, по мысли Гете, всегда желанный гость как в одиночестве, так и на любом форуме, где властвует слово, обожествленное человеком.

Хранить свою речь, беречь свой язык, ценить и развивать его – долг каждого живущего в нашей стране, каждого говорящего на русском языке, он наше главное богатство, национальное достояние.

«ПОМНЮ ВСЕГДА»...

Выступление в музее И.С.Тургенева на вечере, посвященном памяти И.Ф.Лободина (28 октября 2010 г.)

Немало лет я знал лично Игоря Федоровича Лободина. Бывало, втроем (он и я с моим отцом) мы выступали неоднократно в районах Орловщины по линии Бюро пропаганды художественной литературы. Помню, однажды мы приехали в родной Лободину город Дмитровск, где он жил на красивом месте: напротив Кантемировского парка, вблизи высокого берега, над большим городским прудом. И улица, помню, носила красивое название – «Свобода». Все втроем мы оказались на окраине Дмитровска, на пенькозаводе. Был конец рабочей смены. Тяжелейшие условия труда: работают в основном женщины, запорошенные, как пылью, серой мелкой трестой. Они бродят в цеху, как тени. Воздух, словно в тумане, не продыхнуть. А мы говорим о значении русского слова, о литературе, о книгах своих и классических, о человеческих судьбах. И Игорь Федорович был в ударе, выступая перед своими земляками, которых знал с самого детства. Это было эмоционально, насыщено мыслями! Мы говорили о них, женщинах-труженицах, их нелегкой судьбе, о том, что мы, писатели, ищем в людях таких, как они, вдохновение. Взволнованные, они провожали нас с Игорем Федоровичем по всей территории пенькозавода, до самых ворот. Это было незабываемо.

Теперь на его улице, на доме, построенном его собственными руками, висит памятная доска. Действительно, именно там, на улице Свободы, жил и работал, писал свои тонкие лирические рассказы писатель Игорь Федорович. Он хорошо понимал трудового человека. Его рука была тяжелой, увесистой; широкая и плоская, как лопата, она была раздавлена тяжелой работой, топором. Он сам себе и срубил такими руками, как говорится «в лапу», тот самый дом...

Плотничьи, рабочие руки, как у Иоанна Предтечи, сделавшего те самые ясли, в которых нашли Иисуса Христа...

После мы выступали в Глазуновском, Урицком, Сосковском районах. В частности, после поездки в отдаленное село, кажется,

в Рыжково, мы в том же Сосково, на окраине райцентра, после встречи с читателями в «Сельхозтехнике», оказались на сырзаводе. Директор, переведенный туда перед тем из Малоархангельска, угостил нас своей продукцией. Помнится, на полках «дозревали» ноздреватые сыры, а мы выступали перед людьми, и в душу нам глядели десятки глаз. И тут Игорь Федорович так расчувствовался, так разошелся! Он говорил об истории создания своего, может быть, главного рассказа «Прощенный день», о его героях и прототипах. Мне захотелось написать об этом рассказе Лободина, и я это сделал, постаравшись вникнуть в смысл феномена самого писателя. Вот что потом сказал об этой моей статье В.А.Громов: «Самое хорошее впечатление производит квалифицированный анализ рассказа Игоря Лободина «Прощенный день». Этот анализ убедительно показывает, для чего нужна литературная критика и что она собой представляет. Это профессиональное суждение о художественном тексте, проникновение в глубину побуждений героев рассказа, в логику развития главной мысли его автора. Название этой статьи я хотел бы предложить автору как название всей его книги». Кратко попробуем что-то сказать о прозе Лободина.

Рассказ Игоря Федоровича Лободина «Прощенный день» – это история любви лирического героя и одной молодой женщины. Ровный, спокойный слог повествования предполагает такое же размеренное течение событий и обстоятельств. Однако за подобной манерой письма скрывается, по-моему, горькая ирония, сожаление по поводу неудавшейся судьбы человека. В электричке встречаются студент Литературного института и молодая особа – орловчанка. В Орле он заходит к ней в гости, и они читают любимые стихи, еще раз убеждаясь в близости чувств. И вот он стал приезжать к ней по праздникам. Как-то на весенних каникулах он увидел ее маленькую дочурку, смутные надежды поселились в его груди. Но вскоре он получил письмо от нее, что встречи не нужны, а девочке нужен отец...

Как видим, рассказ не о самой любви, а о неустроенности, быть может, искалеченной жизни. Замысел трогателен, близок каждому. Тем более, что язык повествования прост, доверителен,

безыскусен. Здесь одна сюжетная линия, автор ведет героев по событиям. Казалось бы, вереница этих события расскажет что-то особенное, ждешь поворота такого, что поставило бы героя на грань выбора. Но отчего они, те события, слабо подпитаны поступком, действием, мало заряжены энергией? И вот, наконец, вроде бы выбор героев в финале. Однако позиции выясняются мимолетно, чувствуется глубокая усталость героев, у героини едва ли не душевная депрессия. И нет того эмоционального всплеска, что приподняло бы ее, возвысило дух над бытовыми, житейскими волнами. В героине, действительно, чувствуется отсвет тургеневских девушек. И это создает настроение, что, конечно, совсем неплохо в наше жесткое время. Хотя писать о любви всегда было делом нелегким. И все же по настрою, по стилю ждешь действия, именно поступка от героини, ее выбора между семейным домом и чувством. И героиня, приподнятая воображением героя, уже не оправдывает себя.

Она не может решить сложную проблему, как ей соединить ребенка и мужчину, которого она любит. Получается своеобразный треугольник в рассказе. Отстраненность автора не означает человеческого отчуждения. Жизнь только материал для писателя, для творческой натуры художника этого мало. Цитирование героиней четверостишия о смерти (автор Афанасий Фет) – это всего лишь призыв к красоте, любви. Не подкрепленное поступком и это как бы повисает. Нет выбора, нет и судьбы. Действительно, время не только антигероизма, но и, вообще, может быть, и безвременье.

Эпистолярность нуждается в сопереживании, в доверии к читателю. Однако комментирование событий, повествование от первого лица затеняет авторскую интонацию, она уже менее цельна, менее личностна. На мой взгляд, в какой-то мере это происходит из-за того, что фон ослаблен, нет той широты, доли условности, что придает произведению хотя бы претензию на многозначность. Автор желает достичь цели простыми, доступными средствами, но многомерность персонажей, их психическая многозначность при этом разве бы изменили суть?

Образ рассказчика, кольцевая обрамление не позволяют запутаться в перипетиях. Тому же помогает и стиль прозаика: плавный, музыкальный, он не режет слуха, но в то же время, так сказать, и не погружает в «нирвану...»

И все же писатель – лирик, всей душой он стремится проникнуть в мир своей героини. Автор настаивает на просветлении. Его озарило, и он готов идти за ней, куда угодно. Но она все еще не решила, никак не может решиться, проститься с ним или не проститься? Я лично так понимаю название рассказа «Прощенный день», хотя, конечно, не отрицаю и иного смысла. Проститься или простить другого, его недостатки, вину – все это хорошо. Но беспокоит иное: когда герои берутся за рассуждение, холодком веет от их размышлений о бренности жизни – это в литературе у нас дело привычное, этого у нас не отнять. Оттого и глохнет истинная страсть. Но, может быть, герои рассказа таковы по своему темпераменту? Излишне частые ссылки автора на писателей различных эпох, сами литературные реминисценции затемняют свою точку зрения, свою интонацию, свою, наконец, постановку проблемы. К примеру, после стихов Бунина читаем в этом рассказе: «Что прибавить к этим грустным словам?!» И снова цитата.

Герои Лободина посещают места, где Лиза Калитина встречалась с Лаврецким. Обходят памятные места, дорогие им переулочки, но от этого в их судьбе ничего не меняется. Правда, ощущение тоски, тяга друг к другу переходит в ощущение безысходности: «Утром опять был Орел, вокзал, черный провал Оки»... И те минуты, те часы, когда они были вместе, должны, по замыслу автора, обострить декларативность такого описания. Красота жизни неоспорима. Вселенная прекрасно организована. Это мы, люди, часто не можем найти в ней себя. Ощущение гармонии не позволяет подавить в нас чувство прекрасного, наоборот, оно побуждает того, кто не сломлен, к активности, расковывает, возвращает духовные силы. По словам Гете, природа «все разъединяет, чтобы снова все соединить». Каждая точка Вселенной, каждый индивид замыкается в себе, обособляется, чтобы быть независимым и свободным. Но как все это раздробленное сливается после в мировую гармонию, во вселенскую жизнь!

Через преодоление эгоизма и осуществляется тот высший закон бытия, когда кто-то жертвует собой во имя другого.

Что же видим мы у героини рассказа – жертвенность во имя любви к своей дочери или нежертвенность во имя своей любви к молодому мужчине, студенту, во имя обновления? Долго, слишком долго нет в рассказе ни того, ни другого, оттого, возможно, и так затянулось прощание. Вялость в самом характере, неторопливость в поступке скрывает за собой хаос чувств героини, тот самый эгоизм, из-за которого иные никогда не взойдут на костер. Как считали Тургенев и Тютчев, именно борьба в самом себе с эгоизмом и образует в нас самоотверженность, чувство глубокой сопричастности с природой, космосом, сопереживание с ближним. От закрепощенности к высвобождению – в этом счастье. Или же от свободы чувств к их подавленности – и в том несчастье. Не отсюда ли минор у героини Лободина? Оба героя переживают, не зная, как им быть дальше. Слишком уж лежит на поверхности то, что героиня обязана выполнить свой долг перед дочерью, чтобы та была счастливее матери. А что мадам Бовари или Анна Каренина разве не желали того же? Классики обладают притягательной силой, так что «тайные силы жизни» становятся явью, выходят наружу. Насколько наблюдателен рассказчик, каковы детали, симптомы его внутренней и внешней жизни, всего субъективно-лирического повествования, – вот отчего зависит вся атмосфера, стихия искусства, природных человеческих сил. И тут, на мой взгляд, не помешало бы посмотреть на проблему семейного счастья, обретенного женщиной только в своем мирке, явно архаична, нуждается в переосмыслении. Что же смущает молодую женщину в ее выборе – в конце концов, вина перед собой или вина перед дочерью?

Проблема вины в рассказе «Прощенный день» – это как эхо, как возможная вина героини уже не столько перед собственной дочерью, сколько перед новым, идущим вслед поколением. Однако как вести себя перед ним – проблема, увы, не простая. Быть, как все, или, наоборот, выделиться из всех? Сколько нужно было понимания, такта, культуры, мастерства, чтобы не превратить ту же Анну Каренину в просто порочную женщину... Доступный героиня

не рассказа Лободина мир поэзии усложняет ее мироощущение. Она тонко чувствует прекрасное, склонна и к самоанализу. Если так, то разве не сила ее – в ее женственности, все женской бесполезности перед всеми теми же «тайными силами жизни», которые, может, впервые бросают ей вызов любовью. И это естественно, это прекрасно. И, кто знает, может быть, дочь ее, все понимая, устав от этого долгого, затянувшегося прощания, оценила бы больше тот лучик правды, который бы открылся ей в матери. Пока же акцент – на то, что человек сам кузнец своего счастья. Отдавая дань «кузнечной», откровенной программе в себе, не задумываемся ли мы о том, что человек сам как ребенок? Да, дети – наша святыня, и чем нравственней отношения, тем ближе они к гармонии. А ближе ребенку все, что связано с материнской любовью, очищенной от греха, от недомолвок и от лжи в этом так затянувшемся, слишком долгом молчании. Такая правда, естественность чувств вряд ли толкнут ребенка к тому по-детски острому эгоизму, от которого мы не знаем, куда себя деть. Вот как, на мой взгляд, проблема вины в рассказе «Прощеный день» Игоря Лободина выглядывает из-за кадра. Нет постановки проблемы, и она все-таки есть. В конце концов, молодые люди в рассказе, переступив порог храма, обретают друг друга.

В заключенье хочется подчеркнуть одну мысль, которая не оставляет меня в покое, когда я читаю прозу Лободина, например, первый сборник лирических рассказов, изданный в Центрально-Черноземном издательстве в Воронеже, – это «Пучок земляники». Как все слитно тут в стиле, тоне, настроении, лиризме рассказов, в самой творческой личности, самой жизни Лободина, ее безыскусности, скромности человека, незаметной, неназойливой позиции автора. Так ведь происходит с самой земляничкой где-нибудь на лесной поляне. Сверху хоть сколько гляди – трава да трава, сплошь июньская зелень. А приляг, поведи глазом в сторону – красное, духовито-ягодное, земляника лесная так и польхнет, озарит всего тебя, душу гладит, а сердце щемит. Автора уже нет, не воскреснет в тот самый воскресный день, названный автором так просто и хорошо: «Прощенный день».

Так и ушел он куда-то в небытие, с нами не попрощавшись.

Две истории на одну тему

«Муму» И.С. Тургенева и «Кокотка» Ги де Мопассана

В этом году литературная общественность отмечает 160-летие со дня рождения Ги де Мопассана, который был своеобразным, талантливым последователем И.С. Тургенева. Об их личных отношениях и творческом сотрудничестве пойдет речь в данном выступлении. Оба писателя были связаны дружескими отношениями, они принадлежали к одному литературному течению, совершенствовали реалистический метод, способствуя движению литературы к новой эстетике. Обогащая реализм эстетикой фантастического, писатели стремились к более глубокому познанию человека, исследованию его сложного внутреннего мира.

Мопассан высоко ценил творчество русского писателя, считал его своим метром, особенно в области фантастики. Вот что он пишет о своем друге и наставнике в статье «Фантастическое» от 7 октября 1883 года, опубликованной в газете «*Le gaulois*»:
«Великий русский писатель Иван Тургенев был фантастическим рассказчиком, он рассказывал так, что кровь стыла в жилах... Он рассказывает, скорее, то, что сам испытал, как он это испытал, давая почувствовать беспокойство и тревогу своей души перед тем, что он не понимает, и это ощущение необъяснимого страха передается как неизвестное дыхание потустороннего мира.»¹
Затем Мопассан пишет о «Странной истории» И.С. Тургенева, о рассказах «Тук, тук», «Три встречи», которые он считает шедеврами. Говоря о рассказе «Сон», его Тургенев пересказал у Флобера, Мопассан отмечает, что это было так удивительно, так волнующе, с такой силой необъяснимого страха, который Тургенев сумел передать слушающим, что все решили: рассказ был странным, фантастичным. Простые слова и факты приобретали у Тургенева таинственный характер, могли внести в душу тревогу и беспокойство.

Мы остановимся на двух произведениях писателей с похожим сюжетом: «Муму» И.С. Тургенева и «Кокотка» Ги де Мопассана

Guy de Maupassant. Le horla et autres récits fantastiques. – Paris. Librairie générale française, 2000. – P.365-366

(этот рассказ печатался также под названием «История собаки»). В газете «Жиль Блас» он был опубликован в 1881 году и назывался «Мадемуазель Кокотка». Новелла французского писателя, безусловно, была навеяна тургеневским рассказом «Муму» из «Записок охотника», которые Мопассан знал и любил. Несмотря на схожесть сюжетов в обоих произведениях, мы видим неповторимое лицо каждого из писателей, отражающих менталитет своего народа.

Персонаж Тургенева – это крестьянин в городе, а герой мопассановского рассказа – обеспокоенный горожанин в безвыходной ситуации.

Тургеневский Герасим, русский богатырь в «красной косоворотке», выделяется из дворни московской барыни, он здесь чужой. Это совестливый, прямой, трудовой человек. Его имя ассоциируется с именем Геркулеса – греческого атлета, подчеркивается сила этого человека. Однако он не может вслух выразить себя людям, Герасим от рождения немой. Любовь ко всему живому определяет его внутренний мир. Все знают, что собака – друг человека, человек приручил ее еще в доисторические времена, чтобы защищать свое жилище, предупреждать его об опасности. Жан Жак Руссо писал, что естественное природное чувство привязанности к животному миру – врожденное, наследственное качество, полученное человеком от предков, оно записано на «жестком» диске в его памяти.

И вот Герасима заставляют физически лишиться жизни собаку, ставшую ему другом, самым дорогим существом, дающим смысл его жизни. Убить дорогое для него существо противоестественно для натуры Герасима. Заявить же об этом лишенный от рождения дара речи Герасим не в состоянии. С детства привык он к полевым просторам, крестьянскому труду. «Отчужденный несчастьем своим от общества, людей, он вырос немой и могучий, как дерево растет на плодородной земле. Переселенный в город, он не понимал, что с ним такое делается».²

Тургенев рисует картину очеловеченных отношений Герасима с собакой по кличке «Муму». Трогательны сцены, когда герой

² Тургенев И.С. Собр. Соч. в 12 т. – М.: Худож. лит., 1977. – Т.5. – С.238

спасает тонущего щенка, затем выхаживает его, как ребенка. Собака становится полноправной хозяйкой в каморке Герасима. Она сторожит его немудреный скарб, никого не выпускает в его жилище. И Герасим от всей души жалеет Муму. Муму разделяет его одиночество, скрашивает безрадостное существование. И вот жестокосердная барыня приказывает согнать Муму со двора, ночами собака не дает ей спать. Сцена прощания Герасима со своей любимицей полна внутреннего трагизма. Герасим приводит Муму в трактир, заказывает ей щи, крошит туда мяса и уже затем вывозит в лодке далеко за город. Он должен исполнить жестокий приказ барыни утопить собаку.

На Международной Тургеневской конференции, посвященной 180-летию писателя, исследователь А.Н. Иезуитов называет тенденцию обогащения реализма «философией взаимодействия»,³ когда необъяснимое в самом человеке может быть осмыслено только через взаимодействие материального и духовного, являясь отображением их взаимовлияния. Тургенев сопрягает реальное, конкретно-историческое содержание с планом вселенским, универсальным, обращается к общечеловеческим ценностям, желая уловить отблески высшей реальности в динамичной действительности. В.Н. Топоров отмечает приступы тоски, преследовавшие Тургенева до последних дней жизни. «Нередко это переходило в страх и даже ужас, в основе которого лежало соприкосновение с «космическим», с беспредельностью, угрожающей растворить в себе все «привычное, земное».⁴ Исследователь правомерно утверждает, что за видимым Тургеневу открывался иной, недобрый мир как бесспорная реальность, вызывающая мучительные страдания. Тургенев пытается утвердить человека в абсолютных, естественных законах природы, в драматических внутренних коллизиях.

Насилие над Герасимом, олицетворяющем стихию земли, разрушает в нем естество, неразрывно связанное с миром природы, в частности, с миром животных. Без Муму Герасим

³ Иезуитов А.Н. Философия взаимодействия в фантастических произведениях И.С. Тургенева. – С-Петербург. Орел: Международная Тургеневская конференция, 1998. – 8с.

⁴ Топоров В.Н. Странный Тургенев. – М., 1998. – Вып. 20. – 192с.

лишается нормальной человеческой жизни, теряет законное, врожденное право на жизнь в естественной среде. Тургенев затрагивает невероятные глубины подсознания, поднимает целые пласты человеческой психологии. А.И. Батюто верно отмечает: «Эта скоротечная истина неизбежно грешила бы известным эмпиризмом, не обладай Тургенев даже при его огромном изобразительном таланте и человеколюбии глубоко философским мышлением, неизменно включавшим как будто обычные и психологические явления своей эпохи в вечный поток мировой жизни».⁵

Тяга к собаке, этому живому существу из мира природы, сдерживает хаос в душе Герасима. Исполнение каприза барыни означает для него крах всего земного, вечного, это грозит выпадением из «жизни всеобщей» (Тургенев), неминуемой гибелью. Мир людей и мир животных едины, нерасторжимы. И потому «мы обязаны быть в ответе за того, кого приручаем» (Антуан де Сент-Экзюпери). После насилия над собой, в знак протеста, Герасим порывает с двором московской барыни и возвращается в деревню – в среду своего прежнего, естественного обитания. После стольких лет несвободы Герасим снова на земле, среди родных просторов. Он снова берется за косу: «Размахнись, плечо, шире дедова!» (А.В. Кольцов). Неестественная городская обстановка не смогла погубить чуткую, одухотворенную натуру Герасима. Возвращая своего героя в свободную стихию природной жизни, Тургенев применяет в изображении антропологические принципы, прекрасное, лучшее сохраняется в человеке вне социальных условий.

Трогательно описание гибели собаки, скупой строкой сказано о смерти барыни, как бы получившей кару небесную. Эмоциональный настрой тургеневского рассказа вселяет уверенность, что лучшие чувства в человеке неистоимы, лучшие качества непобедимы.

Новелла Ги де Мопассана «Мадемуазель Кокотка» (публиковавшаяся также под названием «История собаки») была напечатана в газете «Жиль Блас» в 1881 году. Повествование

⁵ Батюто А.И. Тургенев-романист. – Л.: Наука, 1972. – 389 с.

в этой новелле Мопассана, как и во многих других, ведется от лица рассказчика, который утверждает, что достоинством этой простой истории является то, что она правдива от начала до конца. К Франсуа – возчику при богатом хозяине – пристала бродячая собака. Франсуа приютил ее на вилле, где сам был кучером. Вскоре стаи псов закружились вокруг Кокотки (кличка, которую она заслужила), весь дом был полон собак, которые бродили повсюду, не давая никому покоя. Как и в рассказе «Муму», хозяин приказал кучеру избавиться от беспокойной особы. Франсуа обожал собаку, он даже плакал, но отправил собаку подальше от дома. Вскоре Кокотка вернулась. Приходящие псы стали еще больше беспокоить обитателей виллы. Хозяин повторил, что Франсуа потеряет место, если собака не исчезнет. Франсуа хотел уехать вместе с собакой, но, поразмыслив, понял, что с Кокоткой он нигде не получит места. Тогда он решил утопить собаку сам.

После этого события Франсуа, переживший сильнейший стресс, заболел. Повсюду его преследовали видения Кокотки, он слышал ее лай, видел ее каждую ночь во сне, ему мерещилось, как собака лижет его руки, он стал страдать от галлюцинаций. И только спустя несколько недель постепенно пришел в себя.

И вот с наступлением лета, в июне, хозяева Франсуа отправились на отдых в окрестность Руана, взяв его с собой.

Однажды утром Франсуа пришел на берег Сены искупаться. Войдя в воду, он увидел труп собаки, плывущей по реке. «То была огромная дохлая собака, раздувшаяся и облезлая, она плыла по течению лапами вверх... Он описывал круги на воде, держась на почтительном расстоянии... от животного... Он начал приглядываться к трупу... Мертвая собака опять нашла своего хозяина в шестидесяти милях от их дома».⁶ Это была его Кокотка. Франсуа потрясен, ужас охватывает его, он бежит, не зная, куда, он теряет рассудок. Эта чудовищная встреча, что это? Случайность, сверхъестественное, галлюцинации? Рассказчик на той же странице повторяет, что это правдивая, абсолютно правдивая история. Таким образом, совершенно незаметно писатель подводит нас к фантастическому, навязывая нам беспокойство,

⁶ Мопассан Ги. Собр. соч. в 7 т. – М.: Правда, 1977. – Т.2. – С.273

вселяя тревогу перед этим фантастическим феноменом, который является результатом галлюцинаций персонажа или вмешательством иррациональных сил, сверхъестественного. Это событие ужасно, фантастично, необъяснимо. Странная встреча Франсуа с трупом своей собаки шесть недель спустя в шестидесяти милях от Парижа необъяснима и почти невозможна. У Мопассана фантастическое рождается в обычной жизни, из наблюдений за обычными вещами, обычными людьми.

Мопассан со своим фантастическим становится писателем тревоги и страха. Создавая новеллы о глубокой тревоге, страхе, доводящем порой до безумия, писатель берет свои темы из повседневности. В «Кокотке» автор показывает столкновение персонажа с иррациональными силами, демонстрируя «чудовищное» (М. Бари) в обычной, привычной реальности. С помощью такого эффективного приема, как фантастика, писатель показывает переживания, смущающие сознание героя, нарушающие его равновесие, душевную гармонию. Очень часто Мопассан в новеллах использует рассказчика, который ведет диалог с автором или рассказывает историю от первого или третьего лица, это может быть и дневник («Орля»). Писателю нужен рассказчик для создания достоверности своей истории. Так в «Кокотке» он два раза на протяжении небольшого рассказа настаивает, что эта история правдивая от начала до конца. В то же время писатель классифицирует свои фантастические произведения то как сказки, то как новеллы, то как необыкновенные истории.

В новелле «Кокотка» читатель может выбрать одну из версий для объяснения состояния персонажа: это, действительно, странная, фантастическая встреча или это галлюцинации Франсуа, плод его воображения? Часто в фантастических новеллах Мопассана речь идет не о рациональном или иррациональном объяснении, а о фантастическом в самом человеке. Иррациональное начинается с беспокойства, которое переходит в тревогу, в необъяснимый страх, «ведущий человека в тупик, из которого нет никакого выхода» (Цветан Тодоров в своем «Введении к фантастической литературе»). У Мопассана много новелл, где показывается страх без причины, таинственный страх, выражающий душевное

беспокойство, страх непонятный и необъяснимый. В «Кокотке» страх Франсуа объясним странной, фантастической встречей на реке, которая является не частью пейзажа, а местом действия иррациональных сил не только в безвыходной ситуации, но и в целом мире, из которого человеческий разум не находит выхода. (Le monde sans issue).

М. Бари в предисловии к изданию «Орля и другие фантастические рассказы» Мопассана пишет, что гений писателя умеет пленять читателя, действуя на его сознание, ненавязчиво заставляя его поверить, что это фантастическое внутри нас тоже обычная жизнь, которая вдруг становится странной. Отсюда эффект фантастического, невероятного.

Оба великих писателя И.С. Тургенев и Ги де Мопассан были мастерами реалистической фантастики. Мопассан писал о Тургеневе, что в своей книге «Странная история» он описывает свой визит к юродивому Василию, используя обычные слова и выражения с такой удивительной силой, что читаешь его, затаив дыхание.

В рассказах «Муму» И.С. Тургенева и «Кокотка» Ги де Мопассана похожий сюжет, но рассказ Тургенева, написанный в 1852 году, – реалистический рассказ, где Герасим находит выход из ситуации в единении с природой. Вернувшись в привычную среду обитания, герой способен возродиться, очиститься, спасти свою душу.

Рассказ Ги де Мопассана, написанный под влиянием «Муму» тридцать лет спустя, – это фантастический реализм, где беспокойство, тревога персонажа ведут его в тупик, откуда человеческий разум не может найти выход. Однако фантастическое не оставляет ситуацию безысходной, помогая человеку преодолеть в себе темные, иррациональные силы. Участвуя в этом процессе, оба рассказа образуют единый комплекс реального и фантастического, совершенствуя реалистический метод, помогая проникать в глубины человеческой души.

ДМИТРИЙ БЛЫНСКИЙ

Имя этого поэта знакомо орловцам. Когда-то мы вместе с моим отцом, Леонардом Михайловичем, отправились в покровско-дросковские места, в хозяйство с поэтическим названием «Заветная мечта», где родился и вырос поэт, где им были написаны первые стихи. Все жило тут воспоминаньем о своем земляке. Руководитель хозяйства Петухов отвез нас в деревню Васютино, где показал нам родительский домик Дмитрия Блынского, те стежки-дорожки, по которым Дмитрий ходил в школу. На центральной усадьбе мы побывали в музее Дмитрия Ивановича. Тут мы увидели его семейные фотографии, первые сборники, выходившие в Москве, Туле. Люди, которые знали Блынского, рассказывали о трудном послевоенном детстве поэта, о его матери, о связи поэта с родной землей, своими земляками-хлеборобами с открытой, чуткой русской душой. И душа самого поэта раскрывалась перед нами во всей своей чуткости к слову, неповторимости.

Особенно в памяти держится такой факт. Я учился в Москве на Высших Литературных Курсах, жил в общежитии литинститута. И вот как-то на подоконнике я разглядел надпись «Дм. Блынский», покрашенную белилами. Надпись эта привела меня в неопишуемый восторг. «Это же комната, где жил когда-то тут и учился мой земляк! И я тоже живу в ней, все наполнено тут его духом». Я раскрыл первую книгу стихов Блынского «Сердцу милый край». Слова из нее потекли в душу мою легко и свободно.

«Пойдем в мой край»...

Его сердцу милы родные луга, леса и реки Орловщины, они питают образный, художественный строй поэтического мышления Блынского

«А когда перекличкой
Журавлиные стаи

Журавля над колодцем
 Позовут вечерами,
 Вслед посмотрит он грустно,
 Головою кивая,
 И не сможет расстаться
 С нашим краем и с нами» («Август»).

Восстанавливаются гармонические отношения между поколениями, между человеком и человеком, человеком и природой. Преодолевая себя, люди все больше осознают необходимость не покорять природу, а вливаться, вписываться в нее, учиться у нее естественности, гармонии мира. По-весеннему неудержимое пробуждение сил природы воспринимается Дмитрием Блыным как утверждение в человеке его высших нравственных качеств, укрепляющих в нем силу, веру, мужество. И вот эти связи между человеком и природой оказываются под угрозой. Поэт чутко улавливает дисгармонию между человеком и миром, его окружающим.

«С низовья ветер дунувший
 Разжег сильней пожар – попробуй тронь.
 Но подошел к ней в синем майке юноша
 И обломал
 И потушил огонь». («Черемуха»).

Естественны чувства поэта, тонко выверено слово. Читатель как бы заново впитывает в себя его образный строй. В самой природе стиха неудержимо стремление к счастью. В строках потаенный, изначально здравый смысл как суть собственного бытия, как необходимое условие существования на земле. И природа воспитывает в человеке поэта. И поэт сливается с ней в изумлении перед величием и красотой мира.

«Лишь ты, не удивляясь ничему,
 Не зная, что рябина есть на свете,
 Вздыхаешь, неизвестно почему,
 Зимой о весне, весной о лете. («Сентябрь поджег»...)

Природа у Блынского – источник счастья и красоты. Настоящий смысл ее раскрывается только тем, кто беззаветно любит свою Родину. Во почему лирический герой поэта полон душев-

ной гармонии. Природа очищает, укрепляет дух человека, воплощая для него в себе большую и малую Родину, так хорошо это чувствуешь в стихах Дмитрия Блынского, где воспевается милая сердцу Орловщина. Отсюда такая органичность связи поэта с природой, его радостное восприятие жизни. Созидать, устанавливать более справедливые отношения человека с человеком, человека с природой предстоит еще не одному поколению. В наше время переоценки ценностей мы как бы заново открываем для себя такого цельного, гармоничного поэта. Возвышенность натуры, простое теплое слово делают Дмитрия Блынского открытым, естественным, всегда молодым.

Возьмешь сборник Дмитрия Блынского, перелистаешь страницы и вместе с поэтом окажешься в родимой, естественной среде, где тебе хорошо, где слово звучит не как море, а как ручей, бегущий мимо твоего дома, переполняя душу историей твоей жизни.

ИГОРЬ ЛОБОДИН

И вот после сельской школы во мценском Алябьево, где я работал учителем, учил крестьянских детей, вот и сам я тоже учусь. На этот раз после Орловского пединститута в Москве, на Высших Литературных Курсах при литинституте. Писал статьи и рецензии долгими зимними вечерами в деревне, послал их на конкурс, прошел его и теперь вот учусь. Из деревенской глуши да в столицу! Живу в общежитии литинститута. А в нем кипит жизнь. Кого и откуда тут только нет, со всех сторон великого Союза. Часто в общежитии появлялись и выпускники разных лет, тянуло их сюда, на прежние-то места. Частенько они, ставшие уже писателями, «обмывали» здесь свои книжки. Целые вечера проводили мы в разговорах «по душам», в задушевных беседах о поэзии, прозе, о литературном процессе...

И вот, помню, появился земляк мой – орловец Игорь Федорович Лободин, тоже выпускник Литературного института. Был он по рождению орловец, а жил в то время в Курске, работал в пединституте, выпускал газету «За педагогические кадры», как бывало, в Орле у нас Валентина Ивановна Амиргулова. Тоже была

редактором пединститутской многотиражки «За педагогические кадры». Помнится, ночевал Лободин у других, у него в общежитии литинститута было немало друзей, но и ко мне, бывало, заходил он «на чай». Все рассказывал былые легенды об известных поэтах, прозаиках, учившихся вместе с ним, в его время, особенно много я слышал о поэте Николае Рубцове. Лободин был, как говорится, в его «фаворе». Вместе иногда ходили по московским журналам, газетам, издательствам. И вместе, бывало, пили в «общаге» не только чай. В такой же творческой атмосфере рос и мой земляк – орловец Игорь Федорович Лободин, превращаясь в писателя.

Спрашивается, каким был он в студенческие годы? Каким помнили его на занятиях, в литинституте, в общежитии, таким оставался он и в Курске потом, где был вхож в дом к известному писателю Евгению Ивановичу Носову. Таким и остался он, перебравшись на родную Орловщину. Лободин всегда оставался скромным, отзывчивым, спокойным, даже тихим во всех своих взаимоотношениях с людьми. Его отзывчивость, естественность, искренность, человеческие качества, которые я заметил в нем при встречах в Москве, помогли мне лучше понять его прочитанные мной рассказы, войти в образ автора, проникнуть в творческие замыслы других писателей, лучше разобраться в литературном процессе.

Одно я выделил в Лободине, может, самое главное: у Игоря Федоровича не было никакой, даже «белой» зависти к творчеству своих собратьев по перу, он знал: будешь работать – будут успехи, все придет, если есть талант, если будешь трудиться, огранять трудом «камень» свой – самородок. Таким я себе Лободина и представляю. Добром вспоминал он наших преподавателей: Корякина, Смирнова, Гусева и других. Благодаря им он сумел лучше реализовать свое призвание, мог полнее овладеть сложной, интересной профессией писателя. Чувствовалось, знания, полученные им на занятиях, не пропали даром, они стали навыками, он теперь мог выразить много из того, что хотелось сказать миру, людям, своему читателю.

И потом уже, у нас на Орловщине, особенно на выступлениях перед людьми, он вспоминал как краткий миг в своей жизни,

добрый подарок судьбы, общение с такими мастерами слова, как Николай Михайлович Рубцов – этот «серебряный» поэт России XX-го века, Евгений Иванович Носов – тонкий лирик, мастер поэтической прозы...

Никогда не забывал Игорь Лободин родной литинститут. Институт заложил в нем духовный потенциал, познакомил с замечательными людьми. Не зря говорят, родные стены помогают. Родные стены свели с Лободиным и меня. Лободин был способен к тонкому, неназойливому общению с людьми, а это диалог, это база, основа из основ литературы. В лирической прозе Игоря Лободина, за его рассказами я вижу самого его – светлоликого, с голубыми глазами, слышу его негромкий, проникающий во глубину тебя голос. И, как сейчас, встает передо мной общежитие литинститута, моя комната и столик, где мы с тезкой гоняем «чай» за беседой.

МОИ ДРУЗЬЯ

**Владимир Иванович Славецкий,
Иван Иванович Машин**

И тут же на этаже, рядом со мной в общежитии, жил **Владимир Иванович Славецкий**. Он уже был кандидатом филологических наук, доцентом русской литературы Липецкого пединститута. Кстати, у нас в группе тогда, на семинаре критиков, была половина кандидатов наук. Много чего я узнал от Славецкого о литературе в неформальном общении. Например, о Д.С. Мережковском, которого тогда почти не публиковали. Владимир Иванович подарил мне статью Мережковского, напечатанную самиздатовским способом «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы».

На семинарах Славецкий всегда внимательно слушал меня, а потом высказывал свое мнение по поводу разгоревшейся дискуссии и моего участия в ней. Он был для меня как бы учителем, настоящим товарищем, тонким, даже изящным критиком моих слов. Он, безусловно, щадил мое самолюбие, если мной говорилось, по его мнению, что-то не так, он высказывал свое мнение без обиняков, компетентно и ясно. Я очень ценил его мнение.

Его знания были обширны, позиция выверена, по-товарищески строга, справедлива. Например, когда речь зашла о Тургеневе, и мои оппоненты, обсуждая данный вопрос, выступили недостаточно ясно, но с пафосом и определенным давлением, Владимир Иванович взял под защиту не только Тургенева, но и меня – самого молодого тогда слушателя ВЛК. Показал мои преимущества в знаниях перед ними. Помнится, с таким же запалом Славецкий оппонировал противоречивому мнению критиков при обсуждении статьи о зарубежных философах и слушателя наших курсов, уроженца Урала Н.И.Кузина.

Как-то к Славецкому в общежитие приехала из Липецка мама. Помогала ему на кухне, готовила обеды. Все общежитие знало об этом по вкусному запаху, распространившемуся по коридорам. По окончании учебы Владимира Ивановича взяли на работу в издательство «Молодая гвардия», и он перевез в Москву родителей из своего провинциального Липецка. Я узнал об этом и очень обрадовался. А когда мне стало известно, что потом от «перегрузок» новой, московской жизни скончались один за другим оба родителя Славецкого, а затем и сам Владимир Иванович, скорби во мне, в нашей семье не было конца. Человек – метеор, мелькнул на склоне небес, и – нет его. А память о нем в нас жива.

Иван Иванович Машин

Это вообще мой старший брат, а не только друг. Как дядька при Петруше Гриневе у Пушкина. Он жил в нашем общежитии в самом торце коридора. Как ни заглянешь к нему в комнату, все, бывало, сидит за шахматами то с русскими, то с таджиками – с земляками своими из Душанбе. Харизма такая была у него для меня, взаимное притяжение. А впервые увидели мы друг друга у лифта и сразу же расположились друг к другу.

– Любишь гитару? – спросил Машин.

– Люблю, – ответил я.

– Идем ко мне в комнату, позовем Колю Шипилова, будем играть и петь.

Все учились литературе на курсах, а я у Машина играть еще и в шахматы, и на гитаре. Как он, бывало, рассказывал об

испанском композиторе-гитаристе Эмилио Пухоле! Мы разбирали ноты испанца, шахматные партии в матче между Карповым и Каспаровым. В трудные моменты Машин всегда был готов вступить за друга. Машин был моей тенью. Например, мог достать нужную книгу в писательской книжной лавке на Кузнечном мосту. Был со мной в мастерской у отца друга – скульптора дяди Вали Чухаркина. Подарил мне свой сборник «Три закона любви», специально купил мне книгу «Мастерство перевода».

Вместе с Машиным я бок о бок сидел в автобусе на экскурсии по «Золотому кольцу». Мы были в восхищении: Владимир, Суздаль, другие древнерусские города. Во Владимире я, по совету Машина, купил сборник зарубежной лирики «Прекрасное пленяет навсегда». Мы ездили вместе также в Рязань и посетили в селе Константиново музей Есенина, любимого поэта Машина. Это было незабываемо!

А в Москве мы вместе с Машиным ходили в театры. Помнится, были в театре Пушкина, который расположен возле литинститута, на спектакле «На краю ночи», поставленном по пьесе Жака Анюя, потом на другом спектакле по роману В.М. Достоевского «Бесь». После того мы ночами засиживались, спорили, обсуждая спектакли, высказываясь по поводу главных ролей и неглавных, например, Тараторкина.

Экспериментальный театр Вячеслава Спесивцева находился рядом с нашей «общагой». И там с Машиным мы бывали неоднократно. Театр был преобразован из кинотеатра, в кинотеатр обычно посещало немного народу, а театр был всегда переполнен, вот что значит, живая сцена, живые артисты. Ходили мы с Машиным и по другим кинотеатрам, по книжным магазинам, покупали хорошие книги, смотрели хорошие фильмы, хотя каждая копейка была на счету. По роману Чингиза Айтматова у Спесивцева смотрели мы «Плаху», такой в то время культовый фильм, как «Легенда о Нараяме» Акуросавы. Нам нравилось все это, нам нравилось быть в Москве, жить в своем общежитии, нравилось учиться любимому делу. А главное – мы нравились друг другу, мы – русские люди, возможно, в будущем носители нашего языка, нашей культуры. Спасибо, Машин! Иван Иванович из Душанбе! Где ты сейчас, мой друг?

Александр Сергеевич Пушкин

19 октября

Роняет лес багряный свой убор.
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день, как будто поневоле,
И скроется за край окружающих гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.

Леонард Золотарев

И, запрокинув самого себя
на звезды,
Смотрю на Русь, на свой народ,
серьезно.

Вот живу и, нет, не наглядеться.
В удивленьи жизнь моя прошла:
Как такое маленькое сердце
Ты вместиться, Родина, смогла?

Содержание

Леонард Золотарев. «Зато мы увидели Пушкина» Вместо предисловия. Стихи.....	3
Предисловие. От «аза» до «яз».....	8
«Про стулья – глупые рассказы». ВРИО Козьмы Пруткова 9 <i>Об орловских писателях.</i>	
Альбина Ермакова. Об Александре Логвинове – ученом, критике, поэте и мужике	55
А. В. Рожкова. Памяти Александра Логвинова – поэта, критика, ученого.....	57
Л.М.Золотарев. Слово о Саше Логвинове. “Сашина песня”	61
Л.М.Золотарев. Памяти А.С.Шиляева. «Фатьяновские соловьи»	62
Л.М.Золотарев. «Могучая кучка, или Трагедия на Нерли» (историческая трагедия).....	67
«Пушкин: «Зато увидел Ермолова» (лирическая драма)	145
Игорь Золотарев. «Встречи с писателями»	189
«Помню всегда»... Выступление в музее И.С.Тургенева на вечере, посвященном творчеству И.Ф.Лободина (28 октября 2010 г.).....	193
Две истории на одну тему («Муму» И.С.Тургенева и «Кокотка» Ги де Мопассана). Выступление на Международной конференции в Тургеневской библиотеке, (г. Москва, ноябрь 2010 г.) ...	199
В Москве, в общежитии Литературного института Дм. Блынский (Орел).....	206
Игорь Лободин (Курск)	208
Мои друзья	
Владимир Иванович Славецкий (Липецк)	
Иван Иванович Машин (Душанбе)	210
Стихи А. С. Пушкина, Леонарда Золотарева	213

*К 50-летию Орловской писательской организации
(осень 2010).*

Золотарев Леонард Михайлович

ЗАТО МЫ УВИДЕЛИ ПУШКИНА

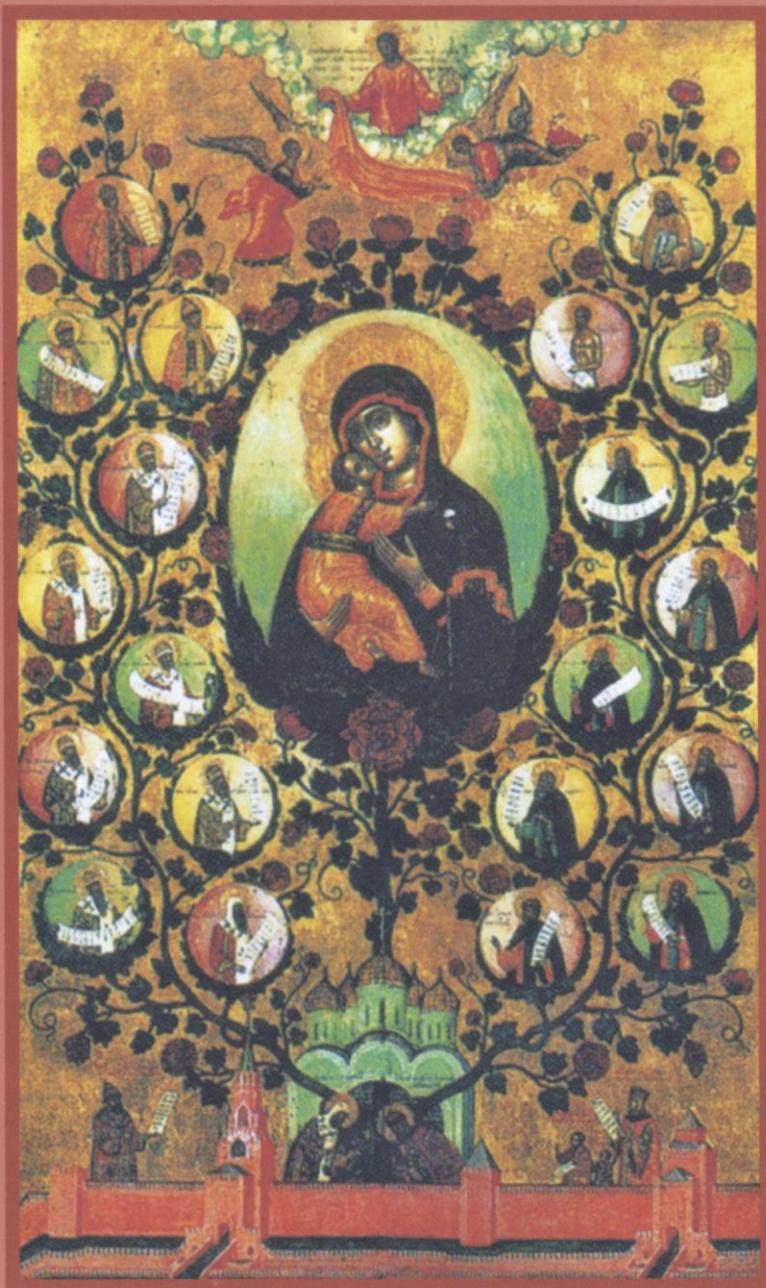
Золотарев Игорь Леонардович

ВСТРЕЧИ С ПИСАТЕЛЯМИ

Издатель Александр Воробьев
Лицензия ИД №00283 от 1 октября 1999 г.,
выдана Министерством Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых
коммуникаций

Подписано в печать 15. 12. 2010. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,56. Тираж 100 экз. Заказ № 266.

Отпечатано на полиграфической базе
Издателя Александра Воробьева: г. Орёл, пер. Новосильский, 1.
Тел.: (4862) 76-17-15, 54-15-48, 55-47-01.
E-mail: orlik_id@orel.ru www.orlik-id.orel.ru

Симон Ушаков. Икона «Богоматерь Владимирская»
(Древо Государства Московского 1668).